

Министерство просвещения Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

Швецова А. В., Симонова И. А., Кривошекова М. С.

**«НЕМАТЕРИНСКИЕ» ПРАКТИКИ
МОЛОДЫХ МАТЕРЕЙ:
ОТ КОНЦЕПТА К ПРОГРАММАМ ПОДДЕРЖКИ**

Коллективная монография

Екатеринбург 2023

УДК 37.018.11
ББК Ч490.261.1
ШЗ5

Рецензенты:

Овчарова О.Г., доктор политических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Российская государственная специализированная академия искусств (Москва, Россия).

Прямикова Е.В., доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и культурологии, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Тонких Н. В., кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

Швецова, А. В.

ШЗ5 «Нематеринские» практики молодых матерей: от концепта к программам поддержки : коллективная монография / А. В. Швецова, И. А. Симонова, М. С. Кривощекова ; Уральский государственный педагогический университет. – Электрон. дан. – Екатеринбург : УрГПУ, 2023. – 1 CD-R. – Текст : электронный

ISBN 978-5-7186-2201-0

В монографии представлены результаты исследовательского проекта, направленного на изучение актуальных практик материнства в России. Ключевым концептом, вокруг которого выстроена логика данной работы, выступает понятие «нематеринские» практики матерей», определяемое авторами как устойчивые виды активностей женщины в период ухода за детьми младенческого и раннего возраста, реализуемые в широком диапазоне сфер общественной жизни.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00636 «Современные «нематеринские» практики молодых матерей: репертуар, потенциал и общественный риск».

УДК 37.018.11
ББК Ч490.261.1

© Швецова А. В., Симонова И. А.,
Кривощекова М. С., 2023
© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2023

ISBN 978-5-7186-2201-0

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. Методологические основания исследования «нематеринских» практик молодых матерей.....	6
ГЛАВА 2. Базовые сценарии и репертуар наполнения «нематеринских» практик матерей.....	29
ГЛАВА 3. «Штраф за материнство» и его влияние на экономические практики матерей.....	77
ГЛАВА 4. Эмоциональное самочувствие молодых матерей и практики взаимного психоконсультирования (на материалах интернет-сообществ)	113
ГЛАВА 5. Государственная политика поддержки материнства: стимулирование рождаемости или забота о женщинах?	135
ГЛАВА 6. Программы поддержки молодых матерей и способы их коррекции как инструмент стимулирования репродуктивной и социальной активностей женщин	165
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	189
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	195

ВВЕДЕНИЕ

Материнство является ключевым событием в жизни женщины, но вместе с тем осмысливается как период ресоциализации, слома привычных жизненных установок и адаптации к новому статусу. Наиболее влиятельным концептом в исследованиях его форм выступает на сегодняшний день теория интенсивного материнства – современная культурная модель материнских практик, которая является детоцентристской, опирается на экспертное знание о воспитании ребенка, требует от матери существенных временных, финансовых и эмоциональных вложений. Это означает, что поведение матери должно укладываться в определенную нормативную рамку, предполагающую активное включение в воспитание ребенка, ориентацию на достижение им различных показателей «успешности» (когнитивные, образовательные, спортивные, творческие достижения), в определенном смысле отказ от собственных карьерных амбиций или демонстрация готовности «пожертвовать» личными достижениями во благо ребенка.

Эта модель сосуществует с другой нормативной установкой – достижение женщиной финансовой самостоятельности, активной социальной и профессиональной позиции. Очевидно, что между двумя обозначенными трендами есть некоторое противоречие, задающее в том числе тональность научного дискурса в женских исследованиях («ролевой баланс», «конфликт статусов», «включенное отцовство» и т.д.). Важно, что основная ответственность за разрешение этого противоречия ложится на женщин, участие мужчин-отцов и государства в этом процессе определяется скорее как желаемое, чем существенно необходимое. В этих условиях предлагаемый авторами концепт «нематеринские» практики матерей» представляет собой надежную исследовательскую оптику, дающую возможность многомерного, а значит максимально объективного, изучения

современного материнства с акцентом на субъектность женщины.

Монография состоит из шести глав, в каждой из которых последовательно освещаются основные аспекты «нематеринских» практик. В первой главе «Методологические основания исследования «нематеринских» практик молодых матерей» представлен теоретический анализ актуальных исследований материнства в России и за ее пределами, очерчено поле концепта «нематеринские» практики матерей» и предложены варианты его интерпретации. Вторая глава «Базовые сценарии и репертуар наполнения «нематеринских» практик» посвящена эмпирическому наполнению данного феномена, разбору способов самореализации, которые практикуют современные матери. В третьей главе введено понятие «штраф за материнство» и показано его влияние на экономические практики матерей. Четвертая глава содержит междисциплинарный анализ эмоционального самочувствия молодых матерей, описание рисков психологической нестабильности в этот период и практики взаимного психоконсультирования, которые реализуют современные матери в «цифровых песочницах». Две заключительные главы описывают механизмы социальной поддержки материнства (теоретические и практические соответственно) в логике гендерного анализа.

Авторы выражают надежду, что монография будет интересна как исследователям, так и представителям административных структур, занимающимся вопросами поддержки материнства в нашей стране.

ГЛАВА 1. Методологические основания исследования «нематеринских» практик молодых матерей

9 октября 2023 года вошел в историю как день, когда женщина впервые получила индивидуальную Нобелевскую премию по экономике (до этого лауреатами становились Элинор Остром (2009) и Эстер Дюфло (2019), но они работали в составе мужских коллективов). Профессор Клаудия Голдин была отмечена за исследования гендерных различий в поведении на рынке труда и оценке стоимости труда (Goldin, Kerr, 2022; Goldin, Mitchell, 2017; Goldin, 2014; Goldin, 1990). Безусловно, сама проблематика не является новой для науки, однако Голдин смогла раскрыть ее в широком историческом контексте перехода от аграрного общества к индустриальному и постиндустриальному. Она показала, что эволюция участия женщин на рынке труда представляет собой U-образную кривую (Рис.1). Участие замужних женщин уменьшилось с переходом от аграрного к индустриальному обществу в начале девятнадцатого века, но затем начало увеличиваться с ростом сектора услуг в начале двадцатого века.

Голдин объяснила эту закономерность результатом структурных изменений и развития социальных норм, касающихся обязанностей женщин по дому и семье. Собрав данные более чем за двухсотлетнюю историю, она показала, что помимо факторов, влияющих на разрыв оплаты труда, к которому традиционно относят образование и отраслевую сегрегацию между мужчинами и женщинами, стоит учитывать и множество латентных и косвенных факторов, особое место среди которых отводится способности женщины к деторождению и соответствующим социальным обязательствам. В частности, появление оральная контрацепции позволило женщинам регулировать свою репродуктивную функцию и, следовательно, планировать количество и время рождений. Голдин также доказала, что на

гендерный разрыв в оплате труда влияют ожидания женщин относительно своей будущей карьеры. Когортный подход к анализу трудовых стратегий позволяет обнаружить, что женщины могут принимать решения, основываясь на ожиданиях, которые впоследствии не оправдаются. Например, выбирая роль домохозяйки в юности, женщины не уделяют серьезного внимания образованию. Однако со временем может возникнуть потребность в выходе на работу, при этом возможности трудоустройства оказываются ограниченными.

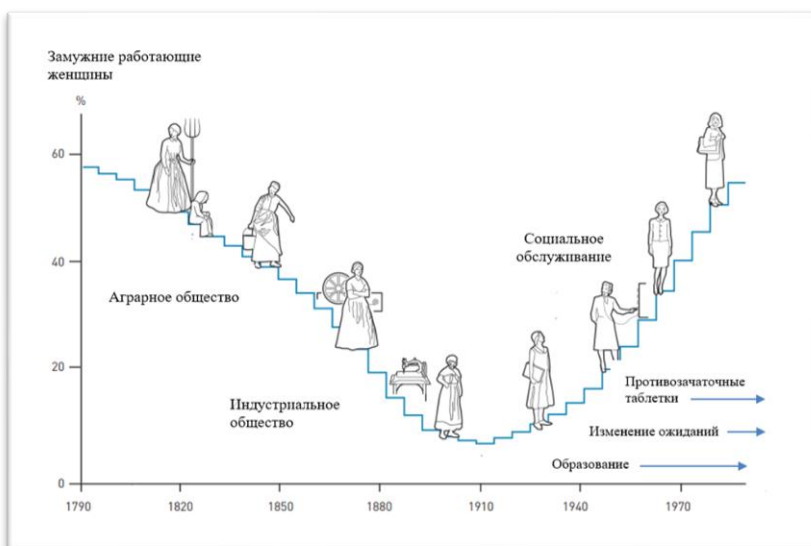

Рисунок 1. Участие замужних женщин на рынке труда¹

По мнению Голдин, именно родительство, а не уровень образования или профессиональная сегрегация, является наиболее значимым фактором в дифференциации карьерных шансов (так, уровень образования исторически был в среднем выше у

¹ Иллюстрация из пресс-релиза о присуждении Нобелевской премии по экономике. ©Johan Jarnestad/The Royal Swedish Academy of Sciences

мужчин, но сейчас наоборот – он стал выше у женщин, а получают они по-прежнему меньше). При этом, эффект материнства отчасти можно объяснить природой современного рынка труда, ожидающего от сотрудника максимальной вовлеченности и гибкости к требованиям работодателя, что трудно совместить с уходом за детьми. Таким образом, непропорциональная ответственность за дом и семью лежит в основе предложенных Голдин объяснительных моделей.

Нам представляется важным тот факт, что помимо официальной занятости женщины исторически были вовлечены в различные формы экономической, социальной, политической, духовной деятельности², участие в которых также видоизменяется в связи с материнством. Традиционно материнство является предметом научной рефлексии в таких областях как медицина, психология и психоанализ, социология, филология и лингвистика, реже – антропология и этнология, философия. Соответственно дисциплинарной принадлежности, можно увидеть специфическое наполнение понятия материнства, отвечающее предметным установкам данных научных областей. В медицинских исследованиях понятие материнства определяется, прежде всего, как биологическая функция, как особое физиологическое состояние женщины, тогда как в психологии оно раскрывается через влияние общественных норм и ценностей на личностную сферу женщины и выполнение ею соответствующих социальных ролей (Брутман, Филиппова, 2002).

Материнство выступает в качестве среды для развития личности ребенка (Дж. Боулби, М. Маллер, Ю.Б. Гиппенрейтер и др.), но также представляет собой новообразование самопре-

² Существование этих сфер жизни отмечают в своих работах В.С. Барулин, С.Э. Крапивенский, П.В. Алексеев и др. В выделении их они руководствуются суждением К. Маркса, в котором он основными частями общества считал осуществляемую определенным способом производственную деятельность людей и социальный, политический и духовный процессы их жизни.

деления и личности женщины (Филиппова, 2002), источник идентичности и смысла (Edin, Kefalas, 2005), осознанную потребность в рождении, воспитании детей, предполагающее эмоционально-ценностное отношение к ребенку как объекту любви и заботы (Грицай, 2010). Социологический смысл материнства часто определяется через институциональную парадигму, в которой оно становится системой специфических практик и механизмов, в том числе, механизмов патриархального контроля. Выполнение материнских функций сопряжено с ответственностью, оцениванием себя по отношению к другим, интериоризацией культурных схем и сценариев действия.

Современное материнство имеет качественные структурные и содержательные отличия от материнства предшествующих поколений. Этот трансформационный процесс продиктован формированием нового гендерного порядка, в ядре которого заложена идея достижения гендерного равноправия. Одной из ключевых особенностей современного материнства является усложнение жизненных сценариев женщин и вариативность репродуктивного поведения. На смену линейной модели «замужество–рождение детей – воспитание детей – воспитание внуков», характерной для традиционно-патриархатных обществ, пришли множественные сценарии, включающие профессиональное развитие, репродуктивное планирование, выбор стиля материнства, поиск возможностей совмещения различных функций. Проблематика баланса между семейными и другими социальными, в том числе, профессиональными ролями женщин набирает популярность в гендерных исследованиях по всему миру и в России.

Возникает потребность в разработке концептуального аппарата, позволяющего описывать и анализировать новые форматы материнства, идентифицировать события и факты жизни современных женщин. Одним из таких инструментов может стать, на наш взгляд, концепт «нематеринские» практики матерей», обнаруживающий многослойность первых лет материнства, ко-

гда от женщины требуется максимальная вовлеченность в жизнь ребенка и уход за ним. Происходит конфликт между сформированной у большинства женщин необходимостью в социальной и экономической активности и ограничением возможности ее реализации в привычной форме. Общество и социальная инфраструктура демонстрируют неготовность способствовать разрешению этого противоречия: общество – в силу отсутствия знаний о специфических потребностях матерей, инфраструктура – в силу отсутствия институциональных решений и понятных алгоритмов ее преобразования. Таким образом, систематизация и верификация научной информации о «нематеринских» практиках матерей становится не только вопросом ликвидации пробела в гендерных данных, но и инструментом практических решений в области поддержки материнства.

Основываясь на теории социального конструирования гендера, предполагающей, что кажущиеся естественными аспекты женственности по сути являются способами интерпретации биологического, легитимными в данном обществе (Здравомыслова, Темкина, 1998), мы предлагаем определять феномен *«нематеринских» практик молодых матерей как совокупность действий женщин в период ухода за детьми раннего возраста, направленных на удовлетворение социальных, экономических, психологических потребностей, возникающих вследствие отмены привычного и формирования нового ритма жизни и изменения ее содержания, аффилированного с материнством.* По сути, это устойчивые виды активностей женщины, реализуемые ею в широком диапазоне сфер общественной жизни, которые обусловлены и определены комплексной ситуацией ухода за детьми младенческого и раннего возраста и соответствующими изменениями хронотопа матери, ее коммуникативных позиций и экономического положения, но не имеют непосредственного отношения к процедурам заботы о ее ребенке. Базовой точкой является смена социального времени-пространства женщины,

включающего коренные изменения не только ритмов жизни и физических локаций, но предполагающих смену конституирующих и властных дискурсов, ценностных и этических установок. Следует отметить, что эти изменения наступают в любом случае, независимо от уровня благополучия женщины и наличия у нее партнера и других помощников, а также от желания стать матерью и степени готовности к материнству. Несмотря на закономерность и «привычность» материнства, ценность опыта материнства, а также очевидную социальную значимость статуса современной матери, появление ребенка остается источником значительных изменений в жизни женщины как социальной единицы. Таким образом, можно рассматривать «нематеринские» практики в качестве адаптивных к специфическим условиям материнства.

Инвентаризация социологической, психологической, социально-философской научной литературы на предмет исследовательского интереса к материнству позволяет констатировать множественность дискурсов, среди которых наибольшую значимость в нашем исследовании представляют собой следующие: интенсивное материнство, баланс между материнством и работой и интерсекциональность материнского опыта.

Интенсивное материнство в научной литературе используется как зонтичное понятие, объединяющее практики разностороннего развития ребенка, центрацию внимания на его особенностях и интересах, в определенном контексте приоритет потребностей ребенка над собственными. Идеология интенсивного материнства подразумевает семейную и воспитательную стратегию, центром которой является ребенок («детоцентрированность»); склонность следовать советам экспертов в области воспитания детей; эмоциональную восприимчивость к потребностям детей; большое количество труда и времени, уделяемых детям, при значительных финансовых затратах на их воспитание (Hays, 1998; Исупова, 2018). Профессионализация родительства

(по определению социологов Жанны Черновой и Ларисы Шпаковской это процесс дискурсивного оформления родительства в виде сложной специализированной деятельности по уходу за детьми, требующей от матерей и отцов специализированных знаний в области медицины, психологии, педагогики, приобретаемых ими в результате родительской социализации и обучения (Чернова, Шпаковская, 2016) становится тенденцией современной российской повседневной культуры. Знание о том, как «правильно» любить и заботиться о ребенке в обществах постиндустриального типа перестает быть унифицированным, разделяемым и транслируемым женщинами разных поколений; оно усложняется и дифференцируется по форме и содержанию.

Влияние этой идеологии на благополучие как матерей, так и детей в настоящее время являются объектами внимания многих специалистов. Ольга Исупова, старший научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ, описывает интенсивное материнство в терминах чрезмерной вовлеченности в процесс воспитания, детоцентризма, завышенных ожиданий и тотального контроля. Она утверждает, что такая модель пагубно сказывается на психологическом состоянии детей, ограничивая возможность их собственного выбора. В наиболее сложной ситуации оказываются девочки, поскольку усилия родителей направлены не только на достижение ими профессионального успеха, но и на воспитание хозяйственности, воспроизводя жизненную стратегию самих «интенсивных» матерей (Исупова, 2018; Исупова, 2015).

Психолог Юлия Мисиюк (Мисиюк, 2022; Мисиюк, Хазова, 2021), исследуя корреляцию уровня родительского стресса и установок на интенсивное материнство приходит к выводу, что реализация данной идеологической канвы действительно может оказывать дезорганизирующее влияние на женщин и ослаблять прежде всего те ресурсы, которые и так относительно дефицитны (в первую очередь, структурирование и направленность на

себя). Попытка следовать высоким стандартам современного родительства, посвящать всю себя ребенку и его нуждам сопряжена с рисками потери связи с самой собой, своим материнским чутьем и желаниями, снижением способности ставить цели и распределять силы для реализации планов. При этом удовлетворенность родительством имеет положительную взаимосвязь с ресурсом социальной поддержки, то есть чем больше женщины используют поддержку социального окружения для совладания со стрессовыми переживаниями, тем большую удовлетворенность от родительства они демонстрируют, и наоборот.

Потребность в социальной поддержке не является национальной чертой российского материнства, напротив, внимание к этой проблеме в международном научном дискурсе свидетельствует об универсальности материнских перегрузок и необходимости привлечения общественных и государственных ресурсов к решению этой проблемы. Интенсивные материнские ожидания оказывают нереалистичное давление на матерей во всем мире и могут усугублять стрессовые факторы, с которыми сталкиваются работающие матери, кроме того, оно признается вызовом и потенциальным препятствием для карьерного роста женщин и их психического здоровья (Medina, Magnuson, 2009; Rizzo, Schiffrin, 2013; Lamar, Forbes, 2019). Концепция интенсивного воспитания относится к тенденции, которая расширила культурные требования к родителям, включая отказ от собственных интересов и притязаний (Novoa, Cova, 2022). Китайские исследователи называют происходящие трансформации идеологии материнства «драматическими», имея в видукратно возросшие требования по интенсификации материнства в связи с политикой «качественного прироста» – сучжи (Suzhi) (Hanser, Li, 2017). Сучжи представляет собой ключевой критерий концепции управления человеческими ресурсами в Китае, который сочетает когнитивные, моральные, профессиональные аспекты

личности (Xu, Fu, 2014; Wang, 2014), при этом значительная доля ответственности «очевидным образом» лежит на матерях.

Важно, что установка на интенсивное материнство зарождается как реакция на общественный запрос, желание соответствовать нормативному ожиданию «достаточно хорошей матери». Однако всесторонняя экспертность и родительский профессионализм не гарантируют женщине положительных оценок ее действий. Данные коллектива Высшей школы экономики свидетельствуют о том, что значительная часть матерей имеют разногласия с родственниками по поводу правил воспитания и ухода за ребенком (каждая пятая согласилась с тем, что родные и друзья критикуют ее за то, как она воспитывает ребенка и ухаживает за ним, каждая третья отметила, что ей бывает сложно договориться с родственниками, с которыми ребенок проводит время, о правилах воспитания и ухода за ребенком). Авторы утверждают, что представления об очень важной роли всего, что происходит с ребенком в детстве, и о том, что родители без советов экспертов не могут «правильно» воспитывать или развивать детей, создают новые основания для разногласий с окружающими, в первую очередь, с дедушками и бабушками (Козьмина, Сивак, 2015). Указанные разногласия запускают механизм «уберизации» присмотра за детьми – частного случая коммерциализации ухода, временное и краткосрочное делегирование этих задач бебиситтерам. Сегодня можно говорить об институционализации этого феномена (выработка неформальных правил и регулирующих механизмов, уменьшающих асимметрию информации при использовании услуг бебиситтеров и страхующих от недобросовестного поведения бебиситтеров и родителей (Сивак, 2017), что представляется значимым элементом трансформации родительства не только на организационном уровне, но и на уровне ценностей и нормативных установок.

Баланс между материнством и работой. Концепция баланса жизни и работы (work-life balance) олицетворяет собой

индивидуализированную формулу гармоничного существования, в котором нет места внутренним конфликтам и противоречиям. Ключевым аспектом является представление о значимости тайминга, ставшем трендом в современном постмодерном обществе. Конкурентная логика рынка легитимирует размывание границ между работой и личной жизнью, преподносится такое размывание как особую профессиональную ценность и значимую компетенцию (Таракановская, 2021). В то же время повышается роль установок на бережное отношение к себе, сохранение психосоматического здоровья как базового ресурса. Ученые отмечают, что понимание сущности баланса личной жизни и работы разнородно и отличается представлением о перечне сфер, образующих структуру баланса.

Проблема жизненного баланса имеет гендерное измерение. Несмотря на то, что и мужчины, и женщины определенным образом сочетают профессиональные, супружеские и родительские роли, проблема поиска баланса между семьей и работой, как правило, рассматривается как женская проблема и на уровне политики, и на уровне домохозяйств. Сложившаяся гендерная асимметрия в сфере родительства означает, что для женщин нахождение компромисса между своими обязанностями как работника, так и жены, и матери более актуально, чем для мужчин (Радаев, Барсукова, 2000). Именно женщинам необходимо каким-то образом вписать материнство в свою профессиональную деятельность или, напротив, сделать участие в оплачиваемой занятости удобным для выполнения родительских обязанностей (Чернова, 2012). Применительно к женскому опыту, концепция баланса жизни и работы фокусируется на таких проблемах, как барьеры в карьерном продвижении женщин, их двойная занятость, отсутствие необходимой институциональной поддержки матерей, желающих совмещать материнство и карьеру.

Проблематика компромисса между семейными и профессиональными ролями в жизни современной женщины имеет как

минимум два измерения: а) повседневная практика и б) научная рефлексия. Как аспект повседневной практики она представляет собой перманентный труд по поддержанию «нормального», социально приемлемого уровня хозяйственных и материнских компетенции в сочетании с трудовой активностью. Как область научной рефлексии – концептуализацию изменений в системе гендерных отношений и анализ механизмов, позволяющих совмещать ранее несовместимые ролевые модели.

Академический интерес к теме жизненного баланса отражает «поле напряжения» (Тартаковская, 2019), ощущаемое представителями разных социальных групп как необходимость быть включенным в разноуровневые процессы в один и тот же временной промежуток. Значительная часть исследований имеют гендерную составляющую, фиксируя неизменный дисбаланс и двойную занятость женщин (Савинская, 2013; Чернова, 2017). Ученые доказали взаимосвязь между уровнем профессиональной удовлетворенности женщин и количеством детей в возрасте до шести лет (Neale-McFall, 2018), выявили специфику стрессовой констелляции работы и жизни при реализации различных жизненных сценариев в т.ч. в семейной системе с одним родителем (Van Gasse, 2020) и при ведении семейного бизнеса (Day, 2013), что свидетельствует о том, что термин «баланс», имеющий положительную коннотацию, иногда слишком оптимистичен для описания практик совмещения материнства и работы. Чтобы подчеркнуть экстремальность состояния современных матерей, ученые стали использовать сравнение с жонглированием (Bradshaw, 2002; Powell, 2022), предполагающее случайность и хрупкое равновесие.

Исследователи склонны проводить параллели между стремлением к ролевому балансу и уровнем образования женщины. Доказано, что максимальное ролевое давление испытывают женщины, которые одновременно и работают, и занимаются воспитанием (Акинкина, 2020), при этом высокий уровень

образования задает соответствующие требования к себе как к матери (больше времени с детьми, интенсивнее занятия с ними, «качественнее» совместный досуг). Характерно, что именно вовлеченные матери чаще испытывают чувство вины по поводу недостаточного внимания к своим детям, хотя в реальности они посвящают практически все свое время ребенку (Davis, Stein, 2016).

Одним из наиболее популярных направлений исследования баланса между материнством и работой выступает дистанционная занятость (в некоторых работах используется термин «интернет-занятость»), под которым подразумевается трудовая деятельность, базирующаяся на использовании ресурса Интернет для выполнения работы, ведения трудовой коммуникации и иной активности с целью получения материального вознаграждения (Тонких, Баранова, 2019). Очевидно, что «декретный» отпуск сопряжен с потерей финансовой самостоятельности для женщин. Популярным механизмом решения этой проблемы является переход на цифровую занятость, что стало объектом научной рефлексии коллектива под руководством экономиста Натальи Тонких (Тонких, Антонов и др., 2019). На данных комплексного исследования представлены оценки степени распространения и эффективности применения дистанционных форм занятости для женщин. Стоит отметить также, что ученые обнаружили положительную корреляцию дистанционной работы и субъективного благополучия матерей, что свидетельствует о трансформации института родительства и репродуктивного поведения в стране.

Характерно, что основным предметом в дискурсе о женском жизненном балансе выступает женская активность, которая «должна» быть правильно и рационально организована. Нам же представляется очевидным тот факт, что достижение «здорового» баланса невозможно без участия других заинтересованных сторон – мужчин (отцов, равноправных и равноответствен-

ных родителей) и государства (институции и гаранта). Что касается мужской функции в решении проблем женского баланса – значимость ее сложно переоценить. В своей статье «Как за каменной стеной»: вовлеченное отцовство в контексте возможностей материнской самореализации» мы обращаемся к концепту «вовлеченного отцовства», чтобы осмыслить те эффекты, которые традиционно не учитываются при анализе трансформаций родительства т.е. его влияния на благополучия матери (Симонова, Швецова, 2023)³.

Вовлеченное отцовство представляет собой один из аспектов современного родительства, который отражает тенденцию усиления включенности отцов в процесс воспитания, в том числе увеличения совокупного времени, проводимого с детьми для решения детских вопросов, расширения спектра практик (бытовых, образовательных, воспитательных, развивающих, рекреационных, направленных на заботу о здоровье), а также стремления повышать собственную родительскую компетентность. Вовлеченное отцовство признается исследователями маркером трансформации гендерной системы и рассматривается на контрасте с традиционным отцовством, для которого характерна по большей части экономическая составляющая (Чернова, 2018; Рождественская, 2020), разбавленная элементами развлекательной и дисциплинарной функции. Можно выделить ряд актуальных исследований, посвященных новым нормам отцовства, в которых описываются значительные привилегии детей вовлеченных отцов по сравнению с детьми, воспитываемыми в рамках традиционной семейной модели. В частности, речь идет о развитии когнитивных навыков (Baker, 2017), языковых способ-

³ Для описания феномена «вовлеченное отцовство» использован фрагмент статьи авторов: Симонова И. А., Швецова А. В., Кривошекова М. С. (2023). «Как за каменной стеной»: вовлеченное отцовство в контексте возможностей материнской самореализации // Социальные и гуманитарные знания. Том 9, № 1. С. 102-113.

ностей (Conica, Nixon, 2020), лучших показателях здоровья (Garfield, Fisher, 2019), психической устойчивости (Allgood, Beckert, 2012). Также появились исследования, посвященные получению отцами удовольствия от воспитательного процесса и самоэффективности мужчины-отца (Aytuglu, Brown, 2022; Donithen, Schoppe-Sullivan, 2022), развитию депрессии у мужчин, принимающих на себя роль отца-домохозяина (Caperton, Butler, 2020). При этом современная наука почти не располагает информацией о том, как вовлеченное отцовство влияет на социальное самочувствие матери ребенка, в какой степени оно отражает ее потребности и определяет жизненные траектории. Также недостаточно исследованным остается влияние «нематеринских» практик матерей на интенсивность вовлеченного отцовства.

Вовлеченное отцовство – крайне сложный для осмысления феномен современных социальных отношений, потому что, во-первых, представляется непростой задачей отделить его от «невовлеченного» или «недостаточно вовлеченного», а во-вторых, понять, какие практики можно встретить в единичных экземплярах, а какие должны рассматриваться в качестве индикаторов новых форм отцовства и реструктуризации маскулинности. Также стоит учитывать, что активное участие мужчин в воспитании детей и уходе за ними не является чем-то новым, характерным только для нынешнего поколения родителей: безусловно, «кормящие папы» были и раньше, но массовый характер — это явление, судя по всему, в нашей стране обретает только сейчас.

Включенное отцовство входит в некоторое идеологическое противоречие и с традиционной моделью материнского поведения, которое предполагает отказ от привычных профессиональных и досуговых практик в пользу активностей, связанных с уходом за ребенком и его воспитанием. Так, например, языковые исследования обнаруживают смысловую наполнен-

ность понятия «материнство» такими единицами, как забота, любовь, самоотверженность, жертвенность, ответственность (Багринцева, Досимова, 2020; Борисенко, 2020). Можно отметить, что содержательно понятия «мать» и «женщина» в нашем языке зачатую проявляют себя как синонимы, что указывает на неотъемлемость материнства как основной функции женщины. Фактически нормативная гендерная идентичность женщин в нашем обществе связана с материнством, это закреплено в языковой картине мира россиян. Таким образом, существует устойчивое социальное ожидание: российская женщина обязана жертвовать всем (карьерой, личными интересами, хобби) ради заботы о ребенке, поскольку это ее предназначение. При этом следует учитывать, что то, как в каждом конкретном случае наполняется для женщины понятие материнства, связано с постоянным «самонаблюдением» матери, т. е. оцениванием себя по отношению к другим и к декларируемым требованиям, которые несколько запутаны: «нормальная» материнская забота четко не определена, но ожидается (Miller, 2007).

Ориентируясь на воспроизводство ожидаемой от женщины нормативной модели, она нередко берет на себя базовый комплекс практик заботы, отказываясь при этом от ряда привычных социальных практик, в том числе обязанностей, связанных с заработком. Фактически в этом случае происходит отчуждение мужчины от практик заботы: с одной стороны, женщина уже выполняет основные задачи, для мужчины в этом секторе не находится регулярных обязанностей, а с другой – на него также ложатся обязательства, традиционно ассоциируемые с ролью мужчины – обеспечение экономической стабильности. Он в этом случае несет увеличенную нагрузку, связанную с поддержанием необходимого экономического уровня семьи. Это означает, что для реализации модели вовлеченного отцовства (в совокупности тех ключевых признаков, которыми оно обычно описывается) он вынужден будет испытывать большую нагруз-

ку, и наряду с повышенной нагрузкой по поддержке финансового положения семьи ему придется жертвовать своим личным временем. Такая избыточная нагрузка кажется не вполне уместной, если женщина уже выполняет задачи заботы о ребенке.

Можно заключить, что возможности для реализации модели вовлеченного отцовства диктуются не только общими информационными контекстами и желанием отца больше включаться в процессы ухода за малышами. Большую роль играет тандем отцовской модели с моделью, воспроизводимой матерью: в отношениях взаимоопределения отцовское и материнское поведение предполагают нахождение баланса распределения функций, где выполнение определенных групп функций одним родителем высвобождает время другого, но которое другой, в свою очередь, использует для выполнения других функций. Также такая командная работа положительно влияет на отношения партнеров в семье. Отсутствие же баланса с отклонениями в обе стороны приводит к конфликтам и даже к распаду семьи (Безрукова, Самойлова, 2020).

Что касается вопроса участия государства в балансировании родительских и трудовых отношений, центральным понятием, регламентирующим структуру этого поля, является «контракт», определяющим правила взаимодействия мужчин и женщин, а также характер разделения труда между ними в сферах социального производства и воспроизводства. Светлана Айвазова, одна из основоположниц гендерных исследований в политологии, считает, что контракт «работающей матери» в идеале призван обеспечивать институциональную поддержку со стороны государства женщинам, совмещающим трудовую деятельность с выполнением семейных обязанностей (Айвазова, 2011). Она подчеркивает, что контракт «работающей матери» должен быть направлен на поддержание баланса семейных и трудовых нагрузок женщин с тем, чтобы стимулировать присутствие работниц на рынке труда и одновременно сохранять их позиции в

семье. Однако демографические проблемы провоцируют перемены в официальной гендерной повестке, характеризующиеся российскими учеными как «консервативный поворот» (Великая, Овчарова, 2020; Козлова, Овчарова, 2023). Парадокс заключается в том, что официально государство усиливает функций по защите материнства и детства, которые лежат в основе контракта «работающей матери», но исполнительная власть не предпринимает никаких эффективных действий для реального сохранения этого контракта (Айвазова, 2011; Швецова, Зиброва, 2023).

Анализируя попытки перевести концепцию баланса жизни и работы в плоскость модернизируемой социальной политики, Елена Рождественская приходит к выводу, что произошел переход в конструировании жизненного пути с практики следования традициям на индивидуальный выбор. Характерными признаками нового порядка являются дерегуляция трудовых отношений, нестабильность повседневной жизни, потребность индивидов в балансе противоречивых стремлений и растущая важность успешного тайминга (Рождественская, 2011). При анализе влияния официальной политики на балансирование гендерных отношений важно учесть, что по умолчанию предполагается, что равенство между мужчинами и женщинами, как базовый концепт, одинаково понимается и трактуется всеми участниками процесса, что, конечно, не всегда так. Исследования показывают, что особенностями российского госфеминизма являются артикуляция гендерной повестки как саморешаемого «женского вопроса»; расфокусированное проблемное поле, затрудняющее восприятие собственно гендерной проблематики; противоречие с глобальными задачами госфеминизма по разрушению гендерных иерархий из-за апелляции к идеям натурализации. Таким образом российский госфеминизм скорее основан на убеждениях о равенстве между женщинами и мужчинами, чем предпри-

нимает усилия и конкретные действия по достижению равенства.

Интерсекциональность материнского опыта (рис. 2).

Теория интерсекциональности может быть осмыслена как чувствительная к вопросам неравенства исследовательская оптика, учитывающая дифференцирующее воздействие пересекающихся позиций человека при построении выборки, а также как методологическая парадигма, в которой принцип социальной справедливости определяет решения, касающиеся дизайна исследования, анализа и интерпретации данных. Термин «интерсекциональность» используется для описания аналитических подходов, которые одновременно рассматривают значение и последствия нескольких категорий идентичности, различий и неблагоприятных условий. Он отсылает к критическому пониманию того, что раса, класс, пол, сексуальность, этническая принадлежность, нация, способности и возраст действуют не как унитарные, взаимоисключающие сущности, а как взаимно конструирующие явления, которые, в свою очередь, формируют сложное социальное неравенство. Профессор Мичиганского университета Элизабет Коул предлагает исследователям опираться на три вопроса: «Кто входит в эту категорию?» (разнообразие внутри социальных категорий), «Какую роль играет неравенство?» (социальные категории как иерархии привилегий и власти) и «В чем заключаются сходства?» (общие черты между категориями, которые обычно рассматриваются как глубоко различные) (Cole, 2009). Она считает, что такой подход позволяет вскрыть природу неравенства и определить роль различных факторов в его структуре.

Российские социологи Елена Здравомыслова и Анна Темкина используют метафору перекрестка для объяснения интерсекциональности как места пересечения множества неравнозначных магистралей. Действительно, социальная локация образована на пересечении нескольких осей власти или социального

разделения, конвенционально признанными из которых являются гендер, класс, раса, этничность. Реальных же критериев разделения гораздо больше, а их значимость в опыте индивидов и групп познается в контексте (Темкина, Здравомыслова 2017).

Рисунок 2. Интерсекциональность материнства глазами нейросети⁴

Интерсекциональность в европейском дискурсе позиционируется как критическая теория, основанная на убежденности, что социально-демографические факторы гораздо шире стандартного набора раса / этническая принадлежность / класс / пол, а их совокупность может одновременно взаимодействовать в

⁴ Сгенерировано при помощи neuro-holst.ru

рамках систем власти, влияя на индивидуальный опыт (Collins, Bilge, 2016; Few-Demo, Hunter, Muruthi 2022). Вместе с тем стоит признать, что основная часть англоязычных исследований строится именно на расовом и сексуальном аспектах интерсекциональности, тогда как материнство остается вне фокуса. Исследователи утверждают, что материнство недостаточно представлено в феминистской теории, хотя по сути своей определяет «социальное место» женщины, также как раса, пол, класс, возраст (Williams, 2015). Вместе с тем, применение интерсекциональной линзы к исследованиям материнства позволяет обнаружить и артикулировать многообразие жизненных условий, в которых реализуется материнство.

На сегодняшний день материнство как ось интерсекциональности находится на начальном этапе научной рефлексии, но имеющиеся исследования уже являются показателем эффективности данного подхода для понимания сложности и многогранности женского опыта. В частности, исследование Р. Данбар, К. Грисон и Э. Аффольтер, построенное на автоэтнографической методологии, позволяет увидеть, как структурировалось неравенство во время пандемии (Dunbar, Greeson, 2023). Канадские социологи, изучая одинокое материнство, пришли к выводу, что проблемы женщин, воспитывающих детей без отцов, не могут быть поняты вне других их социальных позиций. Опыт женщин-мигранток сопряжен с общей темой противостояния «прежнего мира» и «нового мира», через призму которой информантки придавали смысл своему жизненной ситуации (Lam, Collins, 2022). В работе С. Баз на материалах исследования одинокого материнства автор продемонстрировала «рефлексию над рефлексией», когда собственные пересекающиеся идентичности ученого (в данном случае, позиции британской пакистанской мусульманки) влияют на исследовательский процесс (Baz, 2023).

Несмотря на то, что большинство исследований с применением интерсекциональной оптики выполнены в качественной стратегии, есть необходимость использовать ее и в работе с количественными данными. Социолог Вероника Костенко (Костенко, 2019) выделяет следующие основания для этого: демаргинализация феминистской теории, преодоление ее проблем с эмпирической валидностью; накопление огромного эмпирического количественного материала; обогащение существующих теоретических подходов к анализу опросных данных за счет рефлексивности интерсекциональной теории; возможность кросс-культурного анализа, привлечение контекста; возможность тонких пересечений, в том числе межуровневых (например, количество школ влияет на образовательные шансы мальчиков и девочек по-разному), сравнение четырех и более групп.

Интерсекциональная оптика позволяет увидеть материнство как одну из пересекающихся идентичностей женщины, определяющую ее габитус. Женщины, которые имеют разный социальный статус (белые/черные, бедные/богатые, здоровые/больные, одинокие/замужние, городские/сельские и т.д.), могут столкнуться с различными проблемами в отношении материнства. Сочетание этих статусов задает контекст материнских практик, определяет их рискогенность и потенциал. Например, одинокие матери очевидно чаще сталкиваются с финансовыми трудностями, однако среди них есть женщины с успешной карьерой, а есть безработные, чей финансовый уровень различается. С другой стороны, замужние женщины тоже могут быть профессионально состоявшимися, а могут быть зависимыми от супруга. Любой из этих вариантов имеет и другие измерения: возраст, религиозную и этническую принадлежность, место жительства, количество детей и состояние их здоровья и так далее. Совокупно мы имеем широчайший спектр материнских практик, опосредованный наборами статусов. При этом определить, какие из указанных статусов ведущие, а какие

второстепенные не представляется возможным. Интерсекциональность также может быть применена к другим аспектам материнства, таким как отношения между матерями и их детьми, а также между матерями разных национальностей или культур. В целом, интерсекциональный подход к материнству подчеркивает, что каждый человек уникален и имеет свой собственный опыт, который может быть связан с другими социальными факторами.

Итак, понятие «нематеринские» практики матерей», высвечивает субъектность женщин в период «декретного отпуска» в сетях социальных взаимодействий. Методологическим основанием для его возникновения мы считаем концепцию гендерной трансформации общества, показывающую влияние политических, культурных, социальных, экономических факторов на институт материнства. Вместе с тем, современный дискурс апеллирует к идее уникальности материнского опыта, его принципиальной несводимости к универсальному сценарию. Мы используем три основные концепта для иллюстрации этого тезиса: интенсивное материнство, баланс между материнством и работой и интерсекциональность материнства. Первый демонстрирует ориентацию современных материнских практик вовне, необходимость соответствовать ожиданиям окружающих и проявлять экспертность в деле воспитания собственных детей. Второй определяет изучение стратегий ролевого баланса женщин как тренда на многозадачность и социальную гибкость. Третий фиксирует влияние очевидных и латентных факторов на социальную позицию матери. В совокупности это позволяет нам определять «нематеринские» практики матерей как устойчивые виды активностей женщины, реализуемые ею в широком диапазоне сфер общественной жизни, которые обусловлены и определены комплексной ситуацией ухода за детьми младенческого и раннего возраста и соответствующими изменениями хронотопа матери, ее коммуникативных позиций и экономического поло-

жения, но не имеют непосредственного отношения к процедурам заботы о ее ребенке. Научно обоснованный разговор о «нематеринских» практиках позволяет осуществить поворот к анализу жизненного мира женщин, который до этого оставался в тени исследований диады «мать - ребенок», и сконцентрироваться на целом комплексе проблем, практическое решение которых невозможно без целенаправленного анализа реальной картины в сфере организации женщинами своего опыта материнства.

ГЛАВА 2. Базовые сценарии и репертуар наполнения «нематеринских» практик матерей⁵

Современные сценарии материнства реализуются в условиях консервативного гендерного поворота. При этом экономические реалии противоречат намеченному курсу, поскольку активное, паритетное участие женщин в процессах управления и производства является необходимым условием развития страны. На практике это означает усиление двойного бремени на женщин, от которых требуется успешная реализация двух сценариев одновременно: и материнского, и профессионального. Актуальные научные тренды подчеркивают социально-культурную природу родительства, влияние демографических характеристик (Forbes, Donovan, 2020), идеологии интенсивного материнства (Myers, 2017), механизмов социального сравнения (social comparison theory), опосредованных политикой средств массовой информации (Chae, 2014) на восприятие себя как матери и выстраивание соответствующих стратегий поведения. Вместе с тем ощутимо влияние практик исключения молодой мамы из социально-экономических процессов. Чувство отчужденности и отмена привычного ритма жизни вызывают наиболее острые переживания у молодых матерей.

Как ответ на эти вызовы, происходит формирование новых практик, структурирующих социальные транзакции в системе «мать – общество», которые мы обозначаем как «нематеринские». Концепт «нематеринские» практики матерей» обладает рядом возможностей, связанных объяснением механизмов адаптации женщины к материнской роли. Мы фокусируемся на первых годах материнства (наиболее пристально – до трех лет,

⁵ Данная глава написана с опорой на материал, изложенный в статье авторов «Пока ребенок спит: репертуар «нематеринских» практик российских матерей», которая будет опубликована в 2024 году в журнале «Социологическое обозрение».

но и дошкольный возраст не обеспечивает матери полноценную пространственно-временную свободу, следовательно сохраняется внешняя рамка для «нематеринских» практик), поскольку рассматриваем этот период как трансформационный, определяющий жизненный сценарий женщины в разрезе не только ее репродуктивных, но и профессиональных планов.

Разнообразие «нематеринских» активностей демонстрирует стратегическую составляющую в желании женщины сохранять или усилить позиции на «общем игровом поле» в новых для себя условиях, а не только в новом для нее пространстве материнских практик, где также существует иерархия и соревновательность. Изменение позиций в профессиональной и социальной среде нередко становятся основой для дальнейшего изменения экономического и общественного положения женщины (как в положительную, так и в отрицательную сторону). Обращение к данному концепту позволяет также обнаруживать определенные институциональные, экономические и культурные контексты, представления о роли матери, традиции, как факторы, которые определяют ее деятельность. Дифференциация «нематеринских» практик от иных активностей может быть произведена на основе следующих критериев:

1. начало реализации практики в период ухода за ребенком в возрасте от 0 до 3 лет или кардинальные изменения порядков и форм практики, реализуемой до декрета в указанный период. Данный критерий установлен, во-первых, с опорой на классическую периодизацию возрастного развития детей Д.Б. Эльконина, где именно указанный возраст обозначен как период, характеризующийся наибольшей зависимостью ребенка от взрослого и требующий максимальной включенности родителей в заботу о нем (Эльконин, 1971), а также положением статьи 256 «Трудового кодекса» РФ, предусматривающей возможность предоставления отпуска по уходу за ребенком до достижения им именно трехлетнего возраста, что подчеркивает признание госу-

дарством потребности изменения матерью привычных форм деятельности в связи с заботой о ребенке. Фактически «нематеринские» практики сохраняют свою структуру и после окончания декрета, поскольку породившие их условия сохраняются вплоть до обретения ребенком относительной самостоятельности.

2. Практика ориентирована на свою позиционную встроенность. Действие не направлено на уход за ребенком, но организуется с учетом условий необходимости и ценности заботы и воспитания.

3. Относительная регулярность практики на протяжении указанного периода. Единичные активности не оказывают существенного влияния на жизнедеятельность матери в целом, часто носят случайный характер, тогда как нас интересуют потенциально транзитивные практики. Так, например, разовый просмотр видеолекции не является поводом говорить об ориентации на самообразование, в отличие от прохождения онлайн-курса.

4. Аутопозис практики как обусловленной ситуацией материнства. Женщина связывает возникновение практики и/или ее преобразование с рождением ребенка. Большинство из проанализированных нами случаев развиваются по сценарию «интересы и практики до рождения ребенка – рождение ребенка – появление новых интересов и практик» (работала косметологом – занялась вязанием на заказ; работала бухгалтером – увлеклась крафтовым кондитерским производством). Другой вариант – видоизменение привычных практик, смена фокуса, мотивации, способов их реализации (работала ветеринаром в клинике – перешла на онлайн-консультирование и выезды; преподавала танцы взрослым – открыла детские группы).

5. Субъективная значимость (оценка практики женщиной и ее окружением может не совпадать. Например, ведение блога может расцениваться женщиной как потенциальный источник

дохода и саморазвития, но члены семьи могут относиться к этому негативно).

При описании сценариев «нематеринских» практик здесь и далее мы опираемся на данные авторского эмпирического исследования, сочетающего онлайн и оффлайн методы. Использование онлайн-площадок обусловлено тем, что в первые годы материнства возможность передвижения женщин ограничена потребностями ребенка и виртуальное общение становится наиболее доступным способом взаимодействия с внешним миром. Вместе с тем, социально-чувствительные вопросы требуют личного контакта интервьюера и респондента, что было учтено при разработке дизайна исследования, который в окончательном варианте включил в себя (рис. 3):

1. изучение аккаунтов молодых матерей⁶. Первым шагом были анализ и систематизация всех русскоязычных хештегов, размещенных в Instagram⁷ и относящихся к материнству (хештеги, созданные по принципу «мать — количество детей», «мать — пол ребёнка», маркирующие многодетное или «особое» материнство, место жительства, вид деятельности, а также хештеги-шутки). Далее мы проанализировали аккаунты женщин, использующих указанные хештеги. В выборку попали 720 профилей русскоязычных женщин, содержащих сведения о наличии детей и информацию о «нематеринских» практиках (итоговые переменные: количество детей, количество постов, количество подписчиков, направленность практики; сбор данных – январь – февраль 2022 г.).

⁶ Подробнее с процедурой и результатами можно ознакомиться в статье Швецова А. В., Симонова И. А., Оболенская А. Г., Кривошёкова М. С. Онлайн-практики экономического поведения российских женщин в период декретного отпуска // Экономическая социология. Т. 23. № 4. С. 12-36 DOI: 10.17323/1726-3247-2022-4-12-36

⁷ Роскомнадзор внёс Instagram (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией) в реестр запрещённых сайтов; социальная сеть прекратила работу на территории РФ с полуночи 14 марта 2022 г. Сбор данных происходил до указанного периода.

2. Сбор и анализ высказываний женщин в тематических сообществах в сети VK.com и на форумах для матерей. Ресурсы отбирались по релевантности (сообщество посвящено общению на тему материнства, размещаемый контент сфокусирован на проблемах матерей, воспитании детей, поддержке женщин с детьми). Анализу подвергались обсуждения к статьям в тематических рубриках по общим темам «Карьера», «Хобби», «Досуг», «Декрет», «Психология». Всего проанализированы материалы 22 сообществ, собрано 248 высказываний женщин-матерей о различных практиках, начатых ими в период ухода за детьми в возрасте до трех лет; проведен мануальный контент-анализ, высказывания промаркированы по 6 критериям (сфера реализации, сопровождение практики обучением, направленность на прибыль, транзитивность, рискогенность, социальная ориентация). Обработка данных, полученных на первых двух этапах, позволила эмпирически подтвердить существование феномена «нематеринских» практик и предварительно наметить основания для их классификации: формат реализации, мотивация, эффект, экономический статус, профессиональная динамика, сфера деятельности.

3. Онлайн-опрос женщин, имеющих детей дошкольного возраста (проведен на базе платформы onlinetestpad.com, N=471, сбор анкет – апрель-май 2023, рекрутирование осуществлялось посредством размещения ссылки в социальной сети VK.com на личных страницах членов исследовательского коллектива, а также через рассылку по сети дошкольных образовательных учреждений Свердловской области. Среди респонденток 33.76% имеют одного ребенка, 45.44% - двух детей, остальные трех и более). Основная цель онлайн-опроса состояла в уточнении и наполнении данными сформированной ранее классификации, а также выявлении влияния «нематеринских» активностей на самооощение женщин.

4. Для уточнения причин и логики реализации данных практик, а также для установления механики и ее обусловленности изменениями хронотопа женщины, была проведена серия глубинных интервью с информанткам с релевантными биографиями (N=20, рекрутирование методом снежного кома, регион – Свердловская область, сбор данных – май – июнь 2023 г.). Стратегия отбора респонденток среди рекомендованных кандидатур предполагала первичный анализ биографии женщины посредством обзора личных страниц и страниц проектов (при наличии) в социальных сетях, а также предварительную беседу. Выбор был сделан в пользу женщин из нормотипичных семей (женщина замужем или находилась в браке на момент ухода за ребенком), четко формулирующих суть своих «нематеринских» практик. Мы намерено избегали обращения к случаям экстремального материнства (неблагополучная семья, критически низкий уровень жизни, несовершеннолетние матери, наличие детей с инвалидностью и пр.), чтобы исключить доминирование факторов, не характерных для стандартной ситуации материнства (это направление – вызов для наших дальнейших исследований). Все респондентки соответствовали следующему критерию: возраст единственного ребенка в диапазоне 2 – 7 лет, либо женщина переживает опыт материнства не впервые (в нашей выборке – от 2 до 4 детей, младший – до 7 лет, поскольку важно было увидеть как реализация практики происходит в динамике, в том числе, как практика и ее течение/результаты отрефлексированы информанткой).

Рисунок 3. Структура исследовательского проекта «Нематеринские» практики матерей»

В процессе сбора данных мы были удивлены широким спектром выявленных нами активностей, что поставило вопрос о необходимости структурировать множественные пересечения «нематеринских» практик. В качестве основных осей пересечения мы выбрали следующие:

- формат реализации (оффлайн, онлайн, смешанный),
- мотивация (самореализация, заработок, борьба с однообразием декретных будней, общение, снятие психологического напряжения),
- экономический статус (нейтральный, дотационный, инвестиционный, стихийный заработок, регулярный доход, коммерческий доход),
- профессиональная динамика (практики, соответствующие основной профессии; временные практики; транзитивные практики),

- эффект (конструктивный, деструктивный, без выраженного эффекта),
- сфера деятельности (образование, сопровождение матерей, творчество, волонтерство и социальный активизм, бьюти-сфера, крафтовое производство, растениеводство, спорт, недвижимост, туризм, саморазвитие, компьютерные технологии).

Вопрос взаимного влияния каждого из перечисленных оснований лежит в плоскости интерсекциональности материнского опыта, о котором шла речь в Главе 1. Приведенный перечень уже сейчас не кажется нам исчерпывающим, дополнительные данные, безусловно обогатят и расширят его. Вместе с тем, предложенные оси достаточны на начальном этапе формирования матрицы «нематеринских» практик, поскольку позволяют зафиксировать принципиальные позиции женского опыта в ответах на простые вопросы: что, помимо ухода за ребенком, делают мамы в период «декрета»? Почему они это делают? Как они организуют свою деятельность? Что в экономическом и профессиональном плане они извлекают из этого? Есть ли в этом риски? (Рис. 4).

Таким образом, каждый сценарий предполагает набор ответов на вопросы о причинах, механизмах и следствиях практик молодой матери и может быть описан как совокупность этих позиций. Рассмотрим конкретные примеры.

*Формат реализации: онлайн, оффлайн и смешанный практики*⁸. Одним из оснований классификации «нематерин-

⁸ При написании данного раздела использованы фрагменты статьи авторов «Онлайн-практики экономического поведения российских женщин в период декретного отпуска». Выходные данные: Швецова А.В., Симонова И.А., Оболенская А.Г., Кривощёкова М.С. (2022). Онлайн-практики экономического поведения российских женщин в период декретного отпуска // Экономическая социология. Т. 23. № 4. С. 12-36. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-4-12-36.

ских» практик является среда их реализации: цифровая или реальная. Цифровые практики ориентированы на создание виртуального образа и его репрезентацию (например, мама-блогер); реальные – на физическую активность (например, волонтерство); смешанные – на физические действия, опосредованные цифровой средой (например, если женщина печет торты и продает их своим подписчикам).

Рисунок 4. Основные типологические основания «нематеринских» практик матерей

Одним из факторов развития «нематеринских» практик является расширение возможностей цифровой среды. Интернет стал для молодых матерей основным источником информации, местом общения и самореализации. Характерным признаком времени являются «мамские» сообщества и блоги в социальных сетях, а также специализированные форумы. Мы зафиксировали в российском сегменте популярных социальных сетей более 8,8 млн. публикации с хештегом #мамавдекрете, 2,1 млн #мамаблогер, 1,9 млн. #молодаямама и еще несколько миллионов анало-

гичных, однако уже в первом приближении становится ясно, что далеко не все они посвящены вопросам развития и воспитания детей. Российские женщины в период декрета оказываются в новых для себя реалиях и пытаются задействовать интернет как ресурс выхода из сложившихся ограничений.

Изучение онлайн-практик как формы активности женщин в период декретного отпуска позволит понять их потребности и интересы, выявить потенциал и риски интернет-пространства для молодых матерей. Использование цифровых площадок в качестве источников информации о современных материнских практиках закономерно набирает популярность, поскольку это доступные данные, содержащие потенциальные ответы на максимально широкий круг научных вопросов. В качестве примеров исследований, построенных на онлайн-методах, приведем анализ популярного в Китае приложения для беременных и матерей Babytree (описание практик создания женщинами онлайн-рассказов о своем опыте беременности и материнства не только как средство заработка, но и канала влияния на традиционные нормы материнства) (Wang, 2021); изучение онлайн-дискуссий на шведском форуме (через дискурс о «высококочувствительных детях» анализируются каноны материнского поведения и «экспертный» детоцентризм европейской культуры) (Edenroth-Cato, 2020); описание феномена «винного материнства» через анализ визуального контента популярных социальных сетей (Harding, Whittingham, 2021).

Мы выделили следующие виды «нематеринских» онлайн-практик, которые можно рассматривать как потенциально направленные на получение прибыли (рис. 5):

– производство продуктов питания. Особенной популярностью среди мам пользуется изготовление кондитерских изделий. Доступ к онлайн-курсам профессиональных кондитеров, возможность использовать качественное сырье и специальные гаджеты позволяет производить востребованный продукт, под-

держивающий актуальные кондитерские тренды. Кроме этого, мамы предлагают полуфабрикаты, домашнюю еду с доставкой, выпечку;

– изготовление детской и женской одежды. Специфично-«мамский» подход заключается в поиске компромисса между эксклюзивностью вещей и их доступностью. Во многих случаях идея создать собственный бренд появляется как желание найти качественные и красивые вещи для своего ребенка. Мамы стремятся концептуализировать проекты, например, предлагая экологичные материалы, комплекты Family Look, вышивку ручной работы, религиозную или этническую одежду. Также популярны вязание (#вязайнер), изготовление аксессуаров и украшений;

– оказание парикмахерских и косметологических услуг. Домашние кабинеты являются более доступной альтернативой салонам, что делает парикмахеров и косметологов в декрете очень востребованными. Некоторые специальности, например мастер маникюра или бровист, не требуют длительной подготовки и дорогостоящих материалов и выбираются для освоения во время декретного отпуска;

– образовательные услуги. Мамы с профильным образованием предлагают услуги репетиторства, особенно популярны иностранные языки, развивающие занятия для малышей, живопись. Нехватка детских дошкольных учреждений побуждает мам организовывать присмотр за детьми, однако для запуска частного детского сада нужна лицензия. В ряде регионов существует возможность открытия семейных дошкольных групп, но в нашей выборке таких форм зафиксировано не было;

– услуги творческого характера. Мамы создают авторские блоги, где рассказывают о своих способностях и интересах. Популярны фотография, особенно семейная и детская фотосъемка, организация мероприятий, дизайн интерьера. Также в выборку попали мамы-музыканты, писатели и хореографы. В одном случае маме удалось организовать успешный нетипичный для

женщин столярный бизнес, сделав акцент на использовании нетипичных материалов и эксклюзивном дизайне;

– ведение блога. Опыт нескольких успешных мам-блогеров, имеющих миллионы подписчиков и зарабатывающих на рекламе, побуждает женщин пробовать себя в качестве блогеров по принципу «я тоже так хочу». Коммерческий эффект имеют аккаунты с числом подписчиков не менее 10 тыс. человек, поэтому мамы стараются придумать «фишки» для своего блога, например: беременность и различные практики родовспоможения (партнерские роды, гипнороды), советы по грудному вскармливанию и уходу за малышами, воспитание и развитие, кулинария и рецепты, «мамский» юмор, путешествия, экологичный образ жизни. Часто в качестве основной идеи выступают особенности материнства: многодетная мать (#многомама, #мамадвойни), одинокая мать (#синглмама), мама ребенка с ограниченными возможностями здоровья (#овзнеприговор, #особенныедети), мамы, потерявшие детей (#мамаангела) и др. Такие блоги в большей степени отражают практики взаимопомощи и социальной поддержки, привлекая внимание к специфичным проблемам материнства;

– онлайн-консультации. Юристы, экономисты, психологи, врачи некоторых специальностей находясь в декрете предлагают дистанционные консультации, что было особенно востребовано в период карантина. Особый сегмент консультационных онлайн-услуг – нумерология, гадание, составление натальных карт. Его популярность среди мам в декрете можно объяснить ломкой идентичности и поиском новых жизненных ориентиров в этот период;

– сетевой маркетинг. Может быть представлен как крупными сетевыми компаниями, так и пирамидами с сомнительной репутацией. Одна из наиболее агрессивных практик, сочетающих прямые продажи и вербовку новых сотрудников, которым обещаются высокие доходы при минимальных усилиях. Рекру-

теры используют различные тактики, в том числе придумывают звучные названия должностей (например, MLM-бизнес коуч), наполняют аккаунты фотографиями красивой жизни, не раскрывают содержание предлагаемой работы вне личной переписки;

– заработка в интернете. Наименее прозрачная ниша, в которой мамы пытаются реализовать себя как продавцы на онлайн-площадках, специалисты по продвижению товаров, услуг и бренда в социальных сетях (SMM-менеджеры), организаторы и продавцы курсов личностного развития и «прокачки» различных навыков. Основные риски связаны с «вложением» в малоэффективные обучающие курсы и покупка доступа к «ценной» информации о том, как заработать в интернете.

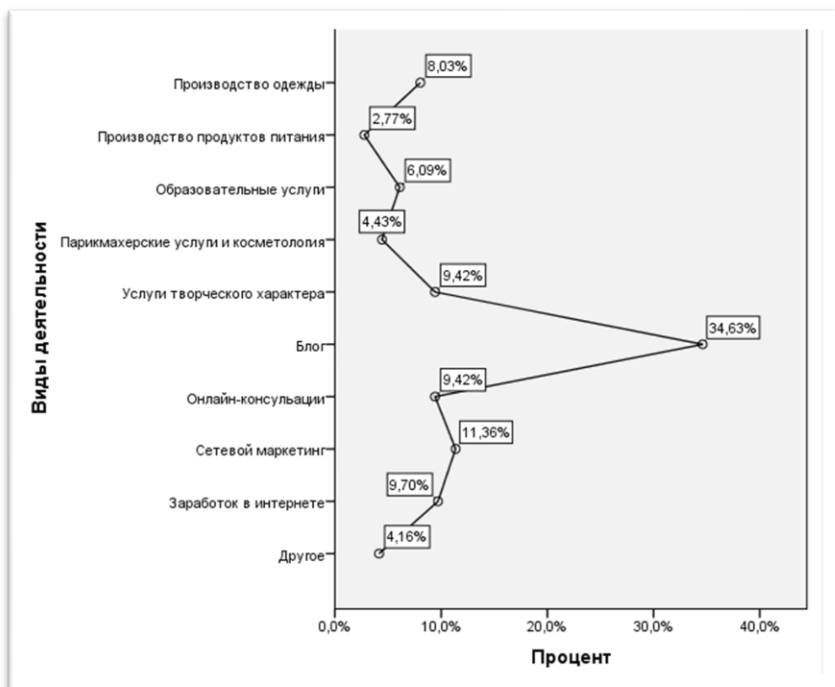

Рисунок 5. «Нематеринские» онлайн-практики матерей, направленные на получение прибыли (в % от общего числа)

Очевидно, что материнская активность в интернете не всегда направлена на получение финансовых выгод. Часто это способ общения (материнское сообщество – это своего рода «закрытый клуб», обеспечивающий информационную и психологическую поддержку женщинам в этот период), репрезентации своего материнского опыта (в том числе через создание блогов, ведение которых не всегда связано с коммерческими целями; в большинстве случаев это возможность рассказать о своем материнском статусе/проблемах/успехах, расширить границы социальности, отвлечься от однообразия декретных будней). Кроме того, цифровизация может рассматриваться не только как процесс возникновения новых практик, но и как формат организации традиционных. Например, получение образования или переход на дистанционный формат работы. Разнообразие способов организации «нематеринских» практик представлено в таблице 1.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Где происходит Ваше интересное дело / увлечение?»⁹

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Онлайн	109	21.29%
Дома	294	57.42%
Арендную отдельное помещение	27	5.27%
В коворкинге/ в центре для предпринимателей и др.	9	1.76%
В местах, где собираются такие же как я любители	33	6.45%
Другое	40	7.81%

⁹ В качестве вариантов «другое» были отмечены «храм», «фитнес-центр», «дача», «выезжаю на дом к заказчику».

Мотивация: самореализация, заработок, борьба с однообразием декретных будней, общение, снятие психологического напряжения. Классификация по этому основанию позволяет ответить на вопрос по какой причине молодые мамы стремятся найти возможность для «нематеринских» занятий, учитывая дефицит времени, который они испытывают. Мы зафиксировали пять основных причин «декретной» активности женщин: самореализация, заработок, борьба с однообразием декретных будней, общение, снятие психологического напряжения (Табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Я начала свое увлечение/занятие потому, что: (продолжите утверждение)»

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Это давало возможность реализовать мой потенциал, попробовать себя в новом деле	211	47.31%
Это способ заработать	69	15.47%
Было скучно	67	15.02%
Это давало возможность общаться, познакомиться с новыми людьми	38	8.52%
Другое ¹⁰	61	13.68%

Самореализация в данном случае может рассматриваться как процесс по достижению личных и профессиональных целей во время отпуска по уходу за ребенком. Она может выражаться через расширение образования и самообразование; практики волонтерства (помимо гуманитарной функции, выполняет и

¹⁰ Среди вариантов «другое» отмечены отсутствие времени на занятия, стремление поменять свою жизнь, развитие ребенка.

психологическую: помогает ощутить себя полезной и влияющей на общество); развитие навыков фриланса (позволяет гибко управлять своим графиком и работать из дома, что удобно для молодых матерей); запуск собственного бизнеса (воплощение идей в сочетании с управляемым рабочим процессом); сохранение профессиональных связей (обмен информацией о профессиональных событиях, участие в мероприятиях и проектах).

Наши информантки говорят о высокой значимости личностного роста в период декрета: *«Чувствовала, что мне это как личности необходимо в первую очередь – развиваться в рабочем направлении (цитата из интервью, 33 года, 1 ребенок)»*. Это позволяет быть в курсе профессиональных событий, «остаться на плаву», не потерять достигнутых статусных позиций:

«У меня было очень много поездок [до декрета]. Такая работа, что я езжу по танцевальным фестивалям. Езжу, обучаюсь сама, обучаю других и соответственно, это соревнования. Минимум одно соревнование в три месяца. И когда появился первый ребенок, оно по идее никуда не делось. Я взяла перерыв, чтобы восстановиться, потом пыталась как-то все это обратно в рельсы вернуть. В полном объеме это, конечно, не удалось сделать до сих пор. В вечернее время я не имею возможность работать так, как я бы хотела. Днем я могу себе это позволить, вечером уже нет. Тяжело это дается. Ну в принципе я стала успевать все за день, пока так. Со вторым я время по-другому стала воспринимать. Где-то делегирую, где-то беру с собой кого-то [кто посидит с ребенком]. Ты планируешь весь день: с утра до ночи. Чтобы спланировать чемпионат или вот два кубка России недавно прошло – это мне надо за неделю договариваться со всеми... Плюс я в первом декрете получила третье высшее [образование], мне надо было диплом о педагогическом образовании... А сейчас я обучаюсь регулярно. У меня онлайн курсы, я выхожу из одного, захожу в другой. Сейчас я обучаюсь на хореографа-постановщика, участвую в спек-

таклях, в театре. Мне требуются знания, мне приходится их получать онлайн. Ну в принципе удобная очень схема» (цитата из интервью; 39 лет, 2 детей).

Молодые мамы отмечают, что долгое «сидение в декрете» приводит к атрофии когнитивных функций, утрачиваются важные профессиональные и социальные навыки: *«Мне кажется, если бы я просто сидела бы дома еще немножечко дальше – ни год, а два, три – то у меня уж не было бы этого внутреннего ресурса, чтобы взять и что-то продолжать изучать» (Цитата из интервью, 33 года, 1 ребенок).* Мужья, привыкшие к активности своих супругов, также испытывают беспокойство в связи с изменениями их интересов и практик: *«Когда третьему ребенку было полгода, у меня муж заговорил, что мне нужно выйти на работу. Что меня удивило, но ничего страшного... Ему казалось, что в какой-то момент я сяду дома, перестану работать, перестану развиваться и стану, наверное, неинтересной... Превращусь в домохозяйку, которая таксист детей и домохозяйка» (39 лет, 3 детей).* Можно сказать, что для современного эгалитарного брака не органична нормативная модель материнства, при которой женщина отказывается от социальных статусов и позиций, чтобы «управлять домом».

Стремление к финансовой независимости или повышение качества жизни за счет дополнительного заработка – другая важная мотивационная составляющая «нематеринских» практик. Более 35% респонденток отметили существенное ухудшение своего материального положения в период отпуска по уходу за ребенком (Рис. 6).

Важно понимать, что материальные трудности могут быть вызваны различными обстоятельствами: как объективными (низкий уровень дохода), так и субъективными (партнеры не могут договориться о семейном бюджетировании). В зоне риска не только одинокие мамы (размер алиментов и несовершенство механизмов их взыскания остаются проблемным вопросом за-

щиты данной категории женщин), но и замужние женщины, мужа которых считают декрет финансовой обузой:

«Картина одинаковая с точки зрения денег. Что первый супруг, что второй у меня спрашивают – где твоя финансовая эффективность? Мне самой смешно. У них создается впечатление, что я еду на шее» (цитата из интервью, 43 года, 4 детей).

«Первые полтора года еще нечего, а потом конечно тяжело зависеть от мужа, не иметь своих денег» (цитата из интервью, 29 лет, 1 ребенок).

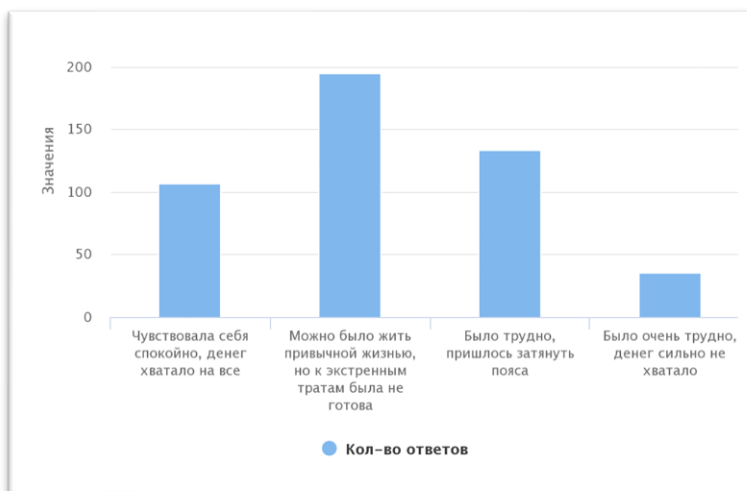

Рисунок 6. Распределение ответов на вопрос «Каким был уровень вашего финансового состояния в период декрета?»

Стоит отметить, что эмоционально тяжелый развод иногда вынуждает женщину отказаться от любых притязаний на помощь бывшего мужа в обеспечении детей. Бывший муж становится и «бывшим папой», утрачивая любой интерес к судьбе ребенка.

«Я всегда считала, что женщина должна быть ЗА мужем. Для меня это нормальная ситуация, когда выбираешь себе партнера и следуешь общей цели. Я ошиблась в партнере... Родители мужа перестали со мной общаться. После того, как он озвучил им свою правду нашего развода. В жизни ребенка они не принимают никакого участия. Как и отец... Я не ищу для себя человека, на которого я переложу ответственность за ребенка. Раз такая ситуация произошла, я для себя выбрала эту стезю – нести ответственность за своего ребенка. Я хочу дать ему максимум, для этого я и работаю. Деньги ничто по сравнению с чувством собственного достоинства» (цитата из интервью, 41 год, 1 ребенок).

Финансовая и социальная незащищенность, вынужденное принятие всей полноты ответственности за судьбу ребенка на себя становятся фактором, влияющим на репродуктивные планы матерей. На сегодняшний день ответственное, включенное отцовство – это скорее выбор мужчины, чем его обязанность. Отказ от участия в жизни ребенка, игнорирование его потребностей и нужд является социально приемлемым, не осуждаемым сценарием отцовства.

«Мама со стороны папы ребенка по возможности подарки покупала. В гости привозила по запросу. Папа отключился, видел ребенка раза два-три. Общения не было у них. Второй муж действительно хотел ребенка... Я объяснила, что нам нужно свое жилье и что, если я рожаю второго ребенка, моего дохода не хватит. У него был доход, но нестабильный. А я уже так не готова. Я уже имея горький опыт, думала о том, что любовь любовью, но, если от тебя любовь отказалась – что ты будешь делать потом? Ну как-то недоверительно, настороженно уже. С первым ребенком мы и снимали квартиру, и был период, что даже в магазине я выделила комнату и мы там жили. Но я же не могу в магазине постоянно жить!» (цитата из интервью, 39 лет, 2 детей).

Еще один мотив «нематеринских» практик – борьба с однообразием декретных будней. На это указали более 15% наших респондентов (Таблица 2), столько же сообщили об ощущении «дня сурка» в качестве одной из основных проблем, возникших после рождения ребенка (Таблица 3).

Таблица 3. Отметьте наиболее значимые для Вас проблемы, возникшие после рождения ребенка (детей)

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Ухудшение моего здоровья	163	9.64%
Ухудшение отношений с мужем	107	6.33%
Однообразие, "день сурка"	256	15.14%
Ухудшение финансовой ситуации, потеря финансовой независимости	240	14.19%
Постоянная усталость, хроническое недосыпание	261	15.43%
Отсутствие времени на себя, свои интересы	251	14.84%
Недостаток общения	177	10.47%
Отсутствие возможности работать	131	7.75%
Здоровье ребенка	87	5.14%
Другое	18	1.06%

Рассказывая о своих «нематеринских» практиках, мамы отмечают, что часто жертвуют сном для того, чтобы иметь возможность заниматься еще чем-то, помимо быта. Привычка к активной социальной жизни, общению, становится важным

стимулом развития новых практик, которые соединяют привычный образ жизни и изолированность первых лет материнства:

«Сам процесс увлекает. Отвлекаешься от бытовых вопросов. Детей [смеется]. Психологически нужно отдыхать. Основную работу оставлять не хотела и не хотела делать хобби основным видом деятельности. Хотя, возможно, это было бы интересно и приносило бы даже больший доход. Но... не хватало общения. Возможно, было бы все, но для этого надо снять помещение, кого-то нанять. Либо расширять, но для этого нужны финансовые вложения. Можно было бы все это сделать, возможно, но я не была готова к этому. Я, наверное, исполнитель. В офисе больше взаимодействия с людьми... Организм выдержал 5 лет. После чего на отдыхе я просто не могла отоспаться. Мне не хватило 10 дней просто выспаться. Я поняла, что все. Я всем своим клиентам сказала, что еду в отпуск и потом уже заказы не стала принимать. А так – на адресе. В азарт входил. Как-то так». (цитата из интервью, 35 лет, 3 детей).

Многие мамы признаются, что их жизнь после смены статуса кардинально изменилась, и сейчас они постоянно чувствуют некое однообразие в своих буднях: *«Во времена сидения в декрете, я поняла, что нужна какая-то рабочая прикладная специальность. Ну и было скучно, скучно просто заниматься ребенком»* (цитата из интервью, 33 года, 1 ребенок). Рутинная работа по уходу за детьми и домом ведет к эмоциональному выгоранию (Рис. 7). Ограничения во времени, возможности передвижения, ухудшение финансового состояния, выступают неожиданной стороной «материнского дебюта», к которой женщины морально не готовы.

Наши респондентки также говорят о взаимосвязи между стремлением вернуться на работу и декретным однообразием: *«В декрете было скучно и однообразно. В поэтому я спешила*

выйти на работу. Сейчас занимаюсь моделингом, модельным бизнесом» (комментарий участницы онлайн-опроса)

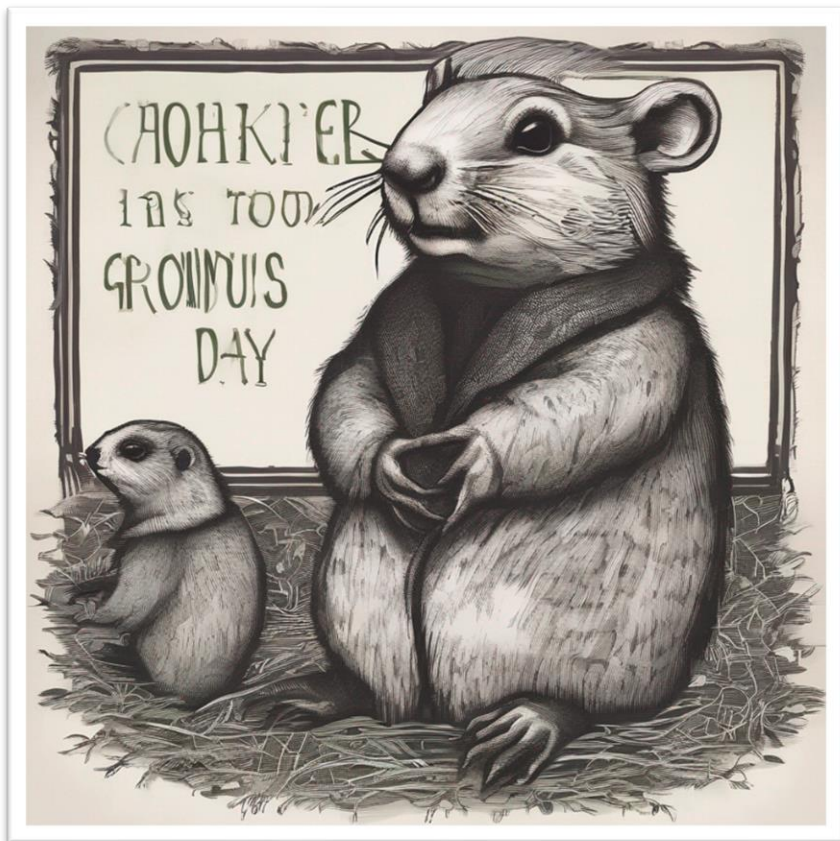

Рисунок 7. Однообразие материнских будней глазами нейросети

Экономический статус: нейтральный, дотационный, инвестиционный, стихийный заработок, регулярный доход, коммерческий доход (табл. 4). «Нематеринские» практики могут приносить доход, а могут напротив, нуждаться в финансиро-

вании. Мы разделили потенциально прибыльные занятия на те, что приносят стихийный заработок (разовое выполнение проектов/работ/услуг – например, изготовление подарочных наборов к Новому году); регулярный доход (например, продажа тортов, вязаных изделий, парикмахерские услуги) и коммерческий доход (организация бизнеса, например столярная мастерская Рис. 8).

Под инвестиционным статусом мы понимаем практики, которые на данный момент требуют вложений, но со временем предполагается, что они будут приносить доход: *«Я четко понимала, что я хочу делать и я была одна на два города, кто занимался муссовыми тортами, зефиром, макарунс. Я была монополистом. Доход был, но я не тратила его на себя. Мне хотелось больше хороших ингредиентов, дорогих. Я все тратила на это. Макаронс два года тренировала. Килограмм миндальной муки полторы тысячи. Делаешь 5 замесов, потом в мусорку вываливаешь. Все, что зарабатывала, тратила на продукты, на развитие. Шоколад там итальянский. Мне это важно»* (цитата из интервью, 35 лет, 3 детей).

Возможность инвестировать в свое увлечение доступна далеко не всем, поэтому в ряде ситуаций мамы полагаются на случай, используют возможности, которые возникают неожиданно: *«Я узнала, что знакомый купил себе [образовательный] курс, но у него нет времени, чтобы его пройти, чтобы этим заниматься... И я предложила свои услуги бесплатно, чтобы просто попробовать, с чего-то начать. Он стоил достаточно много денег для меня тогда, а я прошла его бесплатно и занималась продвижением его [знакового] продуктов в социальных сетях, в контекстной рекламе, создании сайта и так далее»* (цитата из интервью, 33 года, 1 ребенок).

Рисунок 8. Образец работы бизнес-мамы¹¹

Дотационный статус означает, что увлечение происходит на платной основе (спорт, танцы, платные образовательные треки) или само по себе ресурсозатратно (волонтерство).

Границы между экономическими статусами довольно условны, потому что доход напрямую зависит от времени и ре-

¹¹ Фото из открытого интернет-профиля VK

сурсов, затрачиваемых на организацию дела. Наши информантки рассказывают о случаях, когда практика, изначально воспринимаемая как хобби, со временем стала приносить доход или даже превратилась в полноценный бизнес-проект.

Таблица 4. Как бы вы оценили финансовый эффект от вашего увлечения?

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Это приносит мне небольшой доход	115	26.02%
Это источник содержания семьи	33	7.47%
Я трачу на это средства	55	12.44%
Я планирую получать доход	44	9.95%
Я не трачу на это деньги, но и не зарабатываю на этом	62	14.03%
Это не предполагает дохода	133	30.09%

«Дело в том, что у меня основной доход приносит супруг, это до сих пор так остается. А проект раньше воспринимался как хобби, теперь конечно же это воспринимается как работа, полноценная работа» (цитата из интервью, 39 лет, 3 детей, блогер).

«Изначально это был просто интерес. Большой и важный. Но это быстро стало сферой, где мне бы хотелось получать доход. Есть волонтерские, например, практики, они мне не очень близки по разным причинам. Но хотелось да, перенести это в профессиональную сферу, поэтому я начала учиться... Сейчас я работаю в одной из крупнейших компаний Екатеринбурга, которая занимается экологизацией и отдельным

сбором отходов» (цитата из интервью, 29 лет, 1 ребенок, эко-тренер).

Для начала своего дела важна также психологическая поддержка окружающих, обретение уверенности, что твой продукт/услуга востребован, тебя воспринимают как человека, обладающего экспертными знаниями в определенной области: *«Хобби такое было, массажные плитки варю различные, гигиенические помады. Ну все для тела, для ухода. Я начала этим заниматься чисто для себя. Вот, а сейчас я это делаю именно на продажу... Пришла к этому случайно, на самом деле, подтолкнул к этому друг, который пришел в гости. У меня дома нет кремов никаких, он попросил, так как у него руки сушатся, что-то намазать. Я ему дала масла, ему они дико понравились, он мне на следующий день звонит, говорит: «Почему ты это не продаешь? Я у тебя это буду покупать». Ну вот, так первая мысль о продаже и появилась» (цитата из интервью, 36 лет, 2 детей).*

Экономическая целесообразность «нематеринских» практик является важным с точки зрения самоощущения и внешней оценки маркером приемлемости занятия в декрете. Чем выше доход – тем более лояльно окружающие относятся к «нецелевой» трате времени (не на ребенка и организацию быта). Если практика дотационная, она требует объяснений со стороны женщины:

«А вообще в танцах мамы как вид отсутствуют. Никто на них внимания не обращает даже. Родила – сиди дома, какие тебе танцы. Ладно вот у меня ситуация доброжелательная, но для меня это профессия. А если это хобби – девчонки испытывают трудности. Домашние говорят – зачем тебе это? Для девочек это единственная возможность иногда выдохнуть» (цитата из интервью, 38 лет, 2 детей, хореограф).

«Если раньше я работала сутки через сутки, то сейчас это один-два вызова в день, в вечернее время. Муж приходит с

работы, и я уезжаю работать. Это очень кстати помогает не выгореть с ребенком. Это все-равно смена. С одной стороны, когда вот такое происходит – я просто смотрю на другие семьи – она может в это время пойти куда-то, своими делами заняться. А я всегда, если у меня свободное время появляется, я иду не на ноготочки и не реснички, а иду работать. Всегда. Как раз сфера, связанная с женскими приятностями, она полностью ушла из жизни с появлением ребенка. Либо ребенок – либо работа. С одной стороны, это сложно, с другой стороны, у меня есть законный повод слиться из дома и отдохнуть немножко от ребенка. Социально-одобряемое поведение – ну, да, она вот работает, не на маникюр пошла» (цитата из интервью, 37 лет, 1 ребенок, ветеринар).

«Первое время меня муж не понимал потому, что я много времени проводила в телефоне и он не видел отдачи. И на этой почве у нас были разногласия. Сейчас пришли все-таки к пониманию того, что это нужно и важно. ... Ну он увидел результат, увидел и пришел к выводу, да, действительно все работает, не зря жена сидит, в телефоне проводит время» (цитата из интервью, 39 лет, 3 детей, блоггер)

Профессиональная динамика: практики, соответствующие основной профессии; временные практики; транзитивные практики. «Нематеринские» практики, как показало наше исследование, часто имеют транзитивный эффект – возникая в ситуации материнства, ведут к переосмыслению профессиональных планов вплоть до кардинальной смены деятельности (отметили более 12% опрошенных, Табл. 5). Такой значительный результат можно объяснить тремя причинами. Во-первых, потребность в гибком рабочем графике сохраняется у матерей и после отпуска по уходу за ребенком. Дошкольный и школьный период также являются периодами интенсивной родительской нагрузки (время на приготовление еды, стирку одежды, уборку квартиры, совершение покупок, уход в период болезней, обес-

печение детской логистики, поддержание эмоционального контакта и др.), что трудно совместить с восьмичасовым рабочим днем: *«В связи, с тем, что у меня ребенок первый идет в первый класс, и это куча всяких секций – на данный момент мы скачем. И я хотела бы иметь свободный график. Хочу сделать его [хобби] желательным к сентябрю основным доходом. И заниматься и детьми, и параллельно вот вести хотя бы вот такой маленький бизнес»* (цитата из интервью, 36 лет, 2 детей, переход от менеджера по рекламе к производству крафтовой косметики).

Во-вторых, переоценка собственных возможностей и потребностей: *«Изначально я юрист, потом была идея пойти в историческую какую-то сферу, может образование. Но этого не случилось. Сейчас я вижу себя блоггером, вижу себя человеком, который влияет на общественное мнение. Ну конечно сфера моей деятельности поменялась кардинально. Юристом я уже не буду»* (цитата из интервью, 39 лет, 3 детей, переход из юридической сферы к ведению блога о культурном досуге).
Мамы отмечают, что рождение ребенка сделало их более амбициозными в карьерном плане, стало стимулом для вдумчивого профессионального планирования: *«[Материнство] очень изменило меня. Даже в профессиональном плане. Появились какие-то амбиции, больше желания, действительно, что-то дать своему ребенку. Ну и самоощущение тоже, в первую очередь, наверное, самоощущение, что ты – мать, у тебя есть ребенок... Сейчас я получаю такие предложения, которые пять лет назад я бы не могла бы получить, а лет восемь назад - даже мечтать»* (цитата из интервью, 33 года, 1 ребенок).

В-третьих, переосмысление целесообразности труда. Некоторые виды деятельности перестают морально удовлетворять, другие, напротив, открываются как значимые: *«Материнство – это классный период замедлится и подумай, чего ты хочешь, кто ты такой вообще. У меня так произошло... Кто-то рождает ребенка и замечает грязь вокруг, которую раньше*

не видел. Не надо к этому относиться, как к катастрофе. Надо видеть возможность что-то улучшить. Хорошо, когда мы в чистом месте живем и каждый может что-то для этого сделать» (цитата из интервью, 29 лет, 1 ребенок, переход от педагогики к экоконсультированию).

**Таблица 5. Продолжите фразу:
«Мое декретное увлечение со временем...»**

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Переросло в дополнительный доход к основному заработку	49	10.84%
Стало занятием "для души"	178	39.38%
Поставлено "на паузу"	75	16.59%
Стало моей основной работой	58	12.83%
Заброшено, некогда/надоело	68	15.04%
Другое	24	5.31%

Чаще всего «нематеринские» практики остаются после декрета занятием «для души» или прекращают свое существование в связи с нехваткой времени. Стоит сказать, что популярным сценарием остается и выбор роли домохозяйки (особенно если оба супруга разделяют патриархатные установки).

Эффект: конструктивный, деструктивный, без выраженного эффекта. Выявление потенциала и рискогенности «нематеринских» практик выступает в качестве одной из ключевых задач данного проекта. Под конструктивным эффектом мы понимаем решение проблем (финансовых, психологических, коммуникативных, духовных и т.д.) или достижение целей (са-

морализация, саморазвитие, обретение навыков или компетенций и т.д.) через реализацию данных практик. Среди наиболее популярных позитивных эффектов можно отметить разнообразие декретных будней (43.74%), самореализацию (23.52%) – *«Что мне это дает? Во-первых, цель была самореализация, она достигнута. Я занимаюсь тем, что мне нравится, я кайфую от того, что я делаю. Я сижу, например, работаю и дети подходят: «Мама, у тебя так глаза горят, от того, что ты делаешь». Это дорогого стоит»* (цитата из интервью, 39 лет, 3 детей)» и снятие психоэмоционального напряжения (11.21%) – *«мне это помогло не впасть ни в депрессию ни в какие, быть в курсе профессиональных событий, быть «в теме»* (39 лет, 3 детей), табл. 6.

Таблица 6. Продолжите утверждение: «Мое увлечение во время декрета позволило мне...»

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Снять стресс	51	11.21%
Быть финансово независимой	44	9.67%
Найти новых друзей, общаться с людьми	35	7.69%
Реализовать себя	107	23.52%
Разнообразить декретные будни	199	43.74%
Другое	19	4.18%

С другой стороны, у «нематеринских» практик существуют и свои риски. Условно их можно разделить на финансовые, социальные, психологические и физиологические. Финансовые связаны с денежными потерями, мошенничеством или

отсутствием ощутимой прибыли (Табл. 7). Например, приобретение инфопродуктов в интернете (обучающих курсов, направленных на «попадание в поток», участие в марафонах желаний и т.д.).

Таблица 7. Продолжите фразу "У меня были проблемы из-за моего увлечения, потому что..."

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Столкнулась с мошенниками, нечестными людьми	8	1.37%
Вложила деньги и потеряла их	10	1.72%
Семья не разделяла моих интересов	43	7.38%
Испытывала стресс, усталость	72	12.35%
Отсутствовал ощутимый результат, прибыль	70	12.01%
Испытывала чувство вины перед ребенком	59	10.12%
Это пустая трата времени	16	2.74%
Проблем не было	279	47.86%
Другое	26	4.46%

В качестве иллюстрации финансового риска также можно привести пример, описанный одной из участниц опроса: *«Начала делать брошки из бисера, была буквально помешана. Вместо того, чтобы спать с ребенком, лихорадочно хваталась за рукоделие. Очень интересно было попробовать себя, конечно,*

но безумно рада, что вскоре отпустило. Жаль потраченных денег на материалы, которые больше не буду использовать».

Виктимность молодых матерей – доказанный факт, чем пользуются мошенники (Андронникова, 2016; Алешкина, 2021). Сами мамы так описывают свое это состояние: *«Вечер, целый день с делами, закрытие сезона в саду, ребенок, быт, обучение моё, подработка, муж вечно недовольный, то горячо, то много, то холодное, то мало. И вот укладываемся, приходит на почту ссылка, мол в компании, где я учусь, бесплатный курс (1 руб.), пройдите регистрацию, ввожу смс из банка. А сама только спустя 15 минут думаю - э, а реально ли эта организация? Деньги есть на счету на год, наверное, жизни. Я никогда не понимала, как можно так!!! и вот я сама так сделала. Почему я? От задолбанности в край. Да, все хорошо, это действительно правда курс. Я ж была топовым экономистом. Там лежат мои деньги, а могло бы и иначе»* (цитата из материнского сообщества)¹²

К социальным рискам мы относим конфликты, которые могут возникнуть на почве увлечения (как было показано выше, если практика не приносит дохода велика вероятность того, что окружающие отнесутся к ней отрицательно; «родила – сиди дома» - одна из наиболее частых дискриминационных установок, определяющих уязвимое положение матерей).

Психологические риски вызваны чувством вины перед ребенком за недостаточное внимание к нему. На наш взгляд, это одна из наиболее серьезных проблем современного материнства. Самодискриминация проявляется и в том, что женщины рассматривают как должное требования к интенсивному материнству, и в том, что ответственность за качество воспитания полностью принимают на себя: *«Я приходила очень уставшая и ко-*

¹² Сообщество «#щастьематеринства», социальная сеть VK, более 140 тыс. подписчиков.

гда ребенок все-таки заговорил, ее первые выражения были вроде «Я устала, отойди от меня, я устала». То есть она слышала это от меня, когда я прихожу домой, ложусь на кровати, и не хочу, чтобы меня никто трогал. А как раз такой период, когда ребенку надо много внимания, а у меня внутреннего ресурса на это не было. То есть она запоминала и если ей что-то не хотелось делать, она говорила: «Я устала. Я очень устала» (цитата из интервью, 33 года, 1 ребенок).

Стоит обратить внимание, что женщины часто указывают в качестве своей «нематеринской» практики увлечение психологией или парапсихологией как возможность самоподдержки и обретение внутренней стабильности: «Психология взаимоотношений (прослушала много книг по этой тематике), детская психология», «Саморазвитие как помощь самой себе для поддержки детей», «Занялась психологией, эзотерикой», «В первом декрете защитила диссертацию, во втором - увлеклась психологией, развитием детей» (комментарий из онлайн-опроса).

Парапсихология — это комплекс псевдонаучных дисциплин, направленный на обнаружение сверхъестественных психических способностей людей, животных и растений, феноменов жизни после смерти и тому подобных явлений с использованием научной методологии: «Квантовая психология», «Во время 3 беременности и уходом за ребенком возобновила обучение по астрологии, закончила школу и консультировать начала», «Создание и проведение психотерапевтических трансформационных игр. Проведение семинаров по самопознанию через призму Эннеаграммы, по контролю манипуляций» (комментарий из онлайн-опроса). Кроме того, мамы начинают приобщаться к различным религиозным практикам – как к традиционным (православие), так и оккультные учения (викканство).

Физиологические риски возникают на фоне хронической усталости. Хроническая усталость — это состояние, при котором наблюдается потеря активности и невозможность продол-

жать какую-либо деятельность. Это состояние ухудшает качество жизни, влияет на физические и интеллектуальные способности; может проявляться через нарушения сна, раздражительность, снижение памяти и концентрации внимания, трудности в освоении новой информации и др. Психологи используют также термин «родительское выгорание» (Ефимова, 2014), чтобы описать синдром, который проявляется на психологическом и физическом уровне и характеризуется крайней степенью усталости и истощения, при которой родитель хочет убежать от своих обязанностей. Синдром родительского выгорания – это многомерный конструкт, включающий в себя набор негативных психологических переживаний и дезадаптивного поведения матери и отца, связанных с детско-родительским взаимодействием при выполнении родителями деятельности по заботе о детях, их воспитанию и развитию (Ефимова, 2013). Синдром родительского выгорания включает в себя эмоциональное истощение (эмоциональное перенапряжения, утрата интереса к собственным детям и к окружающему в целом, чувство опустошенности, истощения собственных эмоциональных ресурсов, проявляются симптомы депрессии, вспышки гнева, раздражения, эмоциональные срывы), деперсонализацию (обесценивание межличностных отношений, снижение эмпатии, потеря отзывчивости, соучастия; забота о детях начинает носить формальный характер – одеть, накормить, отвести в садик; проявляется в нежелании играть, общаться, вместе проводить время, усиливается потребность побыть в одиночестве), редукцию родительских достижений (снижение чувства компетентности в выполнении своей родительской роли («я плохая мать»), недовольство собой и детьми как «результатами» родительского труда, уменьшение ценности своей деятельности).

Наши респондентки отмечают в качестве одной из важнейших причин эмоционального истощения недостаток сна. Вместе с тем, многие мамы имеют в арсенале действенные ме-

ханизмы самопомощи в таких ситуациях, контролируют собственное состояние и стремятся не допускать его крайних форм:

«Еще в какой-то момент наступает усталость, она наступает где-то с года до двух, когда ты без конца отдаешь, отдаешь и это подкашивает чисто физически. Ты себя чувствуешь очень часто разбитой. И вот у тебя появляется свободное время и у тебя есть выбор – либо отдохнуть и что-то сделать для себя, либо что-то полезное, поработать. У меня этот выбор однозначен – есть минутка – я полетела. Я понимаю, что я этот выбор делаю осознанно, но усталость от этого никуда не девается. Ресурсов иногда настолько нет, что мужу говоришь – я все, я уже просто опасна для окружающих, потому что я начинаю раздражаться. А у меня, где начинается раздражение – заканчивается воспитание. Это значит, что надо срочно прийти в форму, а это как минимум физические свои силы восполнить. У меня психическое выезжает из физического. Если я свои потребности где-то ущемила, оно в любом случае скатится в какую-то эмоциональную нестабильную ерунду. Мне нужно следить за своим питанием, за своим отдыхом, сном. Если это есть – все остальное можно нормально вывозить» (цитата из интервью, 39 лет, 2 детей).

«Сложно оказывать качественное внимание ребенку, когда ты устал. Не выспался. Недосып первые годы жизни. И проблемы со здоровьем после беременности и родов» (цитата из интервью, 29 лет, 1 ребенок).

Сфера деятельности: образование, сопровождение матерей, творчество, волонтерство и социальный активизм, бьюти-сфера, крафтовое производство, растениеводство, спорт, недвижимость, туризм, саморазвитие, компьютерные технологии и др. Обширные эмпирические данные позволили нам обнаружить многообразие сфер деятельности, которые молодые мамы выбирают для реализации своих «нематеринских» практик. Большинство из них сосредоточены в традиционно

феминных областях, однако набирают популярность и те занятия, которые считаются мужскими.

Доктор исторических наук Ольга Хасбулатова считает, что разделение профессий на «мужские» и «женские» имеет в России исторические корни, что связано с различным доступом к профессиональному образованию (Хасбулатова, 2016). В доказательство этого тезиса она приводит примеры законодательно ограничения для профессиональной активности женщин. Высочайшим повелением от 14 января 1871 г. им запрещалось работать на канцелярских и других должностях во всех правительственных и общественных учреждениях. Перечень изучавшихся в женских гимназиях предметов (Закон Божий, русский язык, арифметика, география, история, естественная история, физика, домашнее хозяйство, гигиена, чистописание, рукоделие, гимнастика) не соответствовал учебному плану в мужской гимназии. Облегченный вариант программы объяснялся «особенностями женской природы». «Женские» профессии не требовали высокой профессиональной квалификации (фельдшер по прививкам, аптекарь, телеграфист, учитель начальных классов); технические и инженерные специальности становились для девушек недоступными. Юридическое уравнение прав женских курсов с мужскими институтами произошло только в 1915 г., однако учиться в вузах наравне с мужчинами вплоть до 1917 г. женщинам было запрещено.

Советский период часто презентуется в официальной повестке как прорывной в плане достижение гендерного паритета в труде, что является некоторым преувеличением. По словам О. Хасбулатовой, ввиду низкого уровня общего образования, а также ориентации на семью и воспитание детей, девушки отсутствовали среди студентов высших учебных заведений в первое десятилетие новой власти, им «мешали учиться дети, плохие жилищные условия, инертность, отсутствие желаний» (Хасбулатова, 2005). В военные годы произошло заметное (до 41 %) во-

влечение женщин промышленность, но в 1946 г. доступ в отрасли тяжелой промышленности вновь был закрыт, чтобы вернуть женщин в низкооплачиваемый бюджетный сектор. В советский период за женщинами прочно закрепились текстильная и швейная отрасли (86 и 94 % от состава работающих), торговля и общественное питание (92 %), здравоохранение (88 %), культпросвет работа (82 %). Мужчины составляли большинство в технических отраслях и в сфере управления: металлообработке, строительстве (74 %), среди инженерно-технических работников (50 %), руководителей предприятий и учреждений всех типов (74 %) (Женщины в СССР, 1991).

На сегодняшний день, несмотря на юридическое равенство, тенденции существенно не изменились. В системе профессионального образования на всех уровнях сохраняется гендерная сегрегация: девушки сосредоточены на гуманитарных и социальных специальностях, а юноши — на технических (Хасбулатова, 2016). Это заставляет обратить внимание на причины ригидности, которые очевидно кроются не только в законодательстве, но и в эффектах «стеклянного потолка» – стереотипных представлениях государства, семьи и общества о способностях и предназначении мужчин и женщин к определенным видам деятельности, соответствующим профессиональным ролям. Одним из главных аргументов сторонников такого подхода является необходимость создать женщинам условия для реализации материнского предназначения. Однако, основным следствием такой «заботы» становится женская, и особенно материнская, бедность как результат несбалансированной оплаты труда в различных секторах экономики и неразвитых механизмов профессиональной ресоциализации матерей в связи с отпуском по уходу за ребенком.

Согласно нашим данным, большинство «нематеринских» практик сосредоточены именно в традиционно феминной сфере (по убыванию): развитие ребенка, саморазвитие, рукоде-

лие, растениеводство, бьюти-сфера, экология, волонтерство. Безусловно, имеют место и гендерно-нейтральные (фотография, спорт, заводчик собак) и маскулинные занятия (IT, логистика, изготовление мебели), но их доля значительно ниже первых.

Таблица 8. Появились ли у вас какие-нибудь новые увлечения после рождения ребёнка?

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Начала рукодельничать (шить, вязать, делать украшения, печь торты и пр.)	139	15.48%
Занялась с растениями (развожу цветы, сажаю что-то в огороде и т.д.)	69	7.68%
Занялась благотворительностью и волонтерством (помощь детям, женщинам, животным, другим нуждающимся)	19	2.12%
Стала заниматься активизмом (продвигаю городские, социальные проекты, инициативы в сфере искусства и т.д.)	6	0.67%
Увлеклась экологией (сортирую мусор, изучаю принципы эко-жизни и т.д.)	28	3.12%
Занялась саморазвитием (новая ступень образования, курсы и т.д.)	182	20.27%
Открыла собственный бизнес (магазин, аренда, теризм и т.д.)	41	4.57%
Занялась бьюти-сферой (делаю ногти, реснички, тренирую, занимаюсь танцами и т.д.)	37	4.12%
Занялась планированием и развитием карьеры в своей привычной сфере	53	5.9%
Занялась развитием ребенка	230	25.61%
На хобби нет времени/желания	73	8.13%
Другое	21	2.34%

Мы использовали открытый вопрос, чтобы дать возможность мамам сформулировать свои «нематеринские» практики и их эффекты («Расскажите о своем новом увлечении/занятии в период декрета. Если декретов было несколько, укажите, какой именно в наибольшей степени помог развиваться Вашему увлечению»). Полученные ответы можно сгруппировать по следующим сферам¹³:

- рукоделие: «Плетение мебели», «Пэчворк», «Вяжу крючком», «После второго ребенка решила попробовать шить, и мне очень понравилось. Ещё стала делать поделки на заказ из конфет и не только», «Изучение фудфлористики и создание фудбукетов на продажу», «Шитье игрушек-сплюшек, было интересно делать своему ребенку ну и в подарок друзьям у кого есть дети», «Шила дочке нарядные платья и карнавалы костюмы», «Занималась изготовлением изделий из полимерной глины (украшения, бусы, серьги, брелки, браслеты и т.д.). Данное хобби приносило дополнительный доход. Потом с развитием ребенка, стала заниматься изготовлением логоблоков из полимерной глины, для сортировки овощей/фруктов/ мини огорода. Но так как проживаю в малом городе, часто возникали проблемы с необходимым материалом для изготовления изделий. Так что пришлось завершить данное увлечение. Выучилась и получила образование как логопед -дефектолог. Чему очень рада», «Пошив детского текстиля на заказ», «Делаю кастомных кукол», «В третьем декрете начала шить одежду для всей семьи, фемели луки, очень нравилось радовать своих детей и воплощать их идеи», «Очень увлекалась квилтингом в первый декрет. Во второй занималась обустройством новой квартиры - мы переехали за 3 месяца до родов», «Во втором декрете прошла курс

¹³ В кавычках приведены ответы респонденток. В некоторых случаях скорректированы грамматические и пунктуационные неточности.

дизайнера», «Создавала кукол», «В первом декрете начала шить по готовым выкройкам. Появилось время и хорошая пряжа для вязания. Много вязала себе и родным», «В декрете появилась возможность попробовать новое, вначале стала заниматься макиюром, но к сожалению появилась аллергия на материалы и поэтому пришлось оставить это занятие, после приобрела швейную машину, и нашла себя в новом деле, пошиве одежды, теперь могу пошить для своих детей и семьи оригинальные и качественные вещи», «После второго декрета начала шить одежду из трикотажа для детей, костюмы, боди, штанишки, пижамы, постельное, бортики в кроватку. Выбор ткани, построение выкройки. Нахожу это занятие очень интересным. Вязала игрушки для детей крючком», «Изготовление разного вида поделок, новогодние венки, букеты из различных материалов. Подарки», «Камни, минералы, создание украшений», «Дизайн интерьера, шью сама текстиль в доме».

- Растениеводство: «Выращиваю овощи и фрукты на садовом участке», «Огород, разведение скотины», «В первом декрете устроилась работать бухгалтером неофициально, стараюсь обучаться, развиваться в этой области. Относительно новых увлечений — это огород. Цветочки, ягодки, помидорки, огурчики и свежий воздух», «Чистила перец по осени и решила ради интереса посадить их семена в пустой горшок с землёй. На моё удивление, пошли первые ростки, за зиму они не быстро, но росли. Это подогревало интерес. Весной решила пересадить их в большие горшки и выращивать на балконе. Они росли, цвели вместе с внутренним озорством. Тогда за одно решила попробовать вырасти на балконе огурцы и помидоры. Очень здорово наблюдать, когда у тебя что-то получается, хоть чуть-чуть и даёт плоды (результаты). Но увлечение поверхностное», «Огород совпал с жизненными обстоятельствами: родители купили дачу, когда я забеременела первым ребёнком и нужно было приводить в порядок участок, чем я с удовольствием до сих пор занимаюсь,

это для меня творческий процесс: придумать что и куда посадить, чтобы было красиво».

- Кулинария: «Научилась готовить разные блюда», «Пеку торты», «Занимаюсь кондитерским искусством, один раз стояло испечь и останвится теперь не могу», «Стала увлекаться кулинарией, закончила несколько курсов по выпечке и декору тортов».

- Бьюти-сфера: «Бьюти-сфера, стала мастером по маникюру», «Научилась готовить и продавать шугаринг. Я начала сама делать другим шугаринг на дому. Мне нравится», «Во втором декрете научилась парикмахерскому искусству», «Получила новую профессию в бьюти-индустрии – афроплетение», «Выучилась на мастера маникюра», «Выучилась на парикмахера, потом на брейдера», «Развивалась постоянно с каждым декретом. Занималась косметикой, после третьего декрета освоила новую сферу мастер по наращиванию ресниц», «В первом декрете делала маникюр, реснички», «Ближе к 3м годам ребёнка, когда начал ходить в садик, пошла на курсы косметолога и массажиста, развиваюсь в этой сфере, сняла кабинет, закупила оборудование (заключила соцконтракт)», «Наращиваю ресницы, помогает отвлечься от забот + доп. доход».

- Экология: «В три года первого ребёнка организовала акции, затем стационарный пункт приема РСО», «Сортировка мусора по фракциям, бесплатная сдача в переработку», «Я занимаюсь экологическим просвещением. Еще в период декрета нашла подработку и стала регулярно заниматься с репетитором английским языком. Веду блог в инстаграм и на ютубе».

- Образование: «Развивалась по своей профессии. Создала курс дистанционной подготовки к экзамену», «Открыла школу для русскоговорящих детей в Испании», «К концу второго декрета я открыла свою детскую школу программирования».

- Получение дополнительного образования: «Прохожу обучающие курсы», «Училась по основной профессии (онлайн-курсы) и психологии, чтобы поддержать себя и научиться общаться с детьми», «Курсы английского языка (заочные)», «Получила высшее образование», «Было тяжело, но я закончила университет, стала изучать детскую психологию, читала много книг по будущей профессии», «Заочное обучение в Университете, обучение на водительское удостоверение», «Продолжала изучение иностранного языка», «Активно занялась саморазвитием, прошла несколько курсов повышения квалификации, в своей компании сменила деятельность, получила повышение уровня зп», «Окончила курс в колледже «Портной», «От работы пошла учиться в бизнес-школу УРФУ».

- Творчество и самовыражение: «В первом декрете занялась фотографией», «Скорее возврат к старым увлечениям, на которые в обычный рабочий период не было времени - снова играю на скрипке», «Параллельно с детьми занималась хореографией, чтобы показать пример, начиная с себя. После выхода на работу в офис пришлось отказаться от этого хобби», «Открыла для себя рисование, собираю советские учебники», «Первый декрет. Начала учиться шить, играть на гитаре, много читать, увлеклась дизайном квартир», «Начала петь», «Фотография всегда была для меня хобби, превратила его в профессию. Позже это переросло в видеографию, а затем решила себя попробовать в индустрии кино и рекламы», «Занимаюсь танцами. Делаю фотоальбомы ручной работы», «Увлеклась фотографией, купила профессиональный фотоаппарат».

- Предпринимательство: «Во время 4 беременности, начала бизнес Amway», «В первом декрете открыли с мужем свой интернет магазин игрушек», «Второй декрет дал толчок к созданию своего дела», «Открытие своего магазина», «Открыла свое дело в сфере здоровья и красоты, продвигаю идею правильного питания и здорового образа жизни», «Дополнила

образование новым дипломом в другой сфере. Открыла бизнес в сфере, в который ранее не работала», «Магазин печатей и штампов», «В период первого декрета получила второе высшее образование. Во втором декрете вышла на работу в 1,5 года и открыла бизнес», «Консалтинг для малого бизнеса», «Я развиваю интернет магазина онлайн Атоми», «Интернет-магазин одежды», «Во время декрета, работала, строила бизнес, посещала различные семинары».

- ИТ-сфера: «Работа на дому в графическом редакторе», «Изучение инфопродуктов», «Второй декрет - обучение на SMM-специалиста (работать не стала). Третий декрет - обучение программированию (в процессе)». «Графический дизайн», «Прошла бесплатные курсы тестировщика ПО по программе от государства», «Делала одностраничные сайты», «Освоила новую профессию в сфере интернета».

- Саморазвитие: «Второй декрет помог развиваться духовно, появилось больше осознанности», «Нумерология», «Курсы переквалификации; курсы по нутрициологии; медитативные практики; Человеческий знак», «Я увлеклась квантовой психологией», «Начала изучать оздоровление немедицинскими способами. Энергетические практики, цигун, психологию, Арт терапевтические направления», «Увлекалась всем и сразу, получила права, ходила на разные курсы», «Увлекалась кулинарией; изучаю дизайн и организацию пространства; изучаю психологию отношений и возрастную психологию», «Прочитала и прослушала книги и курсы по развитию личности и психологии человека. Нарботала клиентскую базу», «Прочла много книг».

- Спорт и практики ЗОЖ: «Изучаю славянскую йогу», «Стала больше уделять внимание спорту и своему внешнему виду, а также развитию детей», «В первом декрете начала заниматься йогой, с тех пор занимаюсь сама и преподаю. Во втором декрете освоила тайский массаж», «Во втором декрете начала активно практиковать детский массаж», «Начала зани-

маться йогой, именно в этом декретном отпуске, при рождении третьего ребёнка».

- Волонтерство и общественная деятельность: «Начала уделять много времени волонтерству (помогала пенсионерам), отдавала одежду в фонды нуждающимся, помогала деньгами людям со сложными жизненными обстоятельствами. Чаще начала ходить в церковь, храм», «Общественная деятельность», «Переводы с английского, расхламление дома, помощь нуждающимся женщинам в декрете».

- Другое: «Стала заниматься рерайтингом научного текста, его оформлением на коммерческой основе. Работы разного уровня, как студенческие, так и кандидатские», «Стала подрабатывать тайным покупателем», «Фриланс по туризму», «Дистанционное обучение в вузе. Работа в одном из местных пабликов в качестве автора статей. Подработка в исследовательских проектах КБ Стелка», «Изучила генетику окрасов. Было 2 помета 8 щенков и 5. Узнала, как вакцинровать, чипировать а также научилась принимать роды с использованием препаратов», «Парфюмерия, изучение ароматов. Ароматерапия. Логопедия, нейропсихология, психология общая», «Начала продавать товары на Авито / Юле, очень нравится, не только потому, что это доход для семьи, но и общение, умение корректно вести диалог, грамотно сформировать описание, сделать красивые фото», «Во 2 декрете (то есть сейчас) решила сменить сферу работы (сейчас госзакупки) - учусь на СММ-менеджера, чтобы полностью уйти в онлайн-работу».

Характерно, что в качестве декретных занятий женщины указывают различные не только по сферам, но и по качеству, практики: от открытия бизнеса до «прохождения игры ведьмак». Стоит также обратить внимание на тот факт, что обстоятельства жизни, опыт материнства и социальное взросление определяют выбор практик и структурируют его. Так, мамы двух и более детей при ответе на открытый вопрос часто дифференцировали

свой ответ, показывая, что в каждом «декрете» открывалось, что-то новое: «В первый декрет финансово было тяжело (с первым мужем), поэтому вышла на работу в 9 месяцев ребенка. Во втором благодаря второму получила диплом детского нутрициолога», «В первом декрете - вязание. Во втором декрете- эзотерика, разметка данных», «С каждым ребёнком по-разному. В первом декрете получила другую профессию. Много рукодельничала, во втором декрете попробовала себя в предпринимательстве. Третий и четвёртый почти не сидела. Решила не терять профессиональные навыки и сосредоточиться на своём развитии в самой первой профессии. Но увлечение экологией, которое пришло параллельно, так и идёт», «1й декрет - рукоделие: батик, мыловарение, бижутерия, участие в ярмарках, мастер-классах. 2й декрет - повышение квалификации в специальности, обучение на врача диетолога, организация, проведение семинаров по здоровому питанию». «1. Появилась возможность больше времени ухаживать за растениями дома, большое количество растений создает дополнительный уют дома. 2. Контролировать раздельный сбор мусора стало проще, можно было это делать вместе с маленьким ребенком».

При прочих равных условиях второй «декрет» воспринимается как более легкий, полученный опыт позволяет эффективнее расходовать время и силы, ставить перед собой конкретные цели: «В первом декрете не хватало времени ни на что. Во втором декрете занималась декупажем. В третьем декрете начала шить для дочери, ее кукол. Шила для садика флажки на веранду, тропу здоровья в группу. Начала печь торты для семьи и родственников», «Выращиваю растения, овощную культуру. Наиболее продуктивно стала развиваться с третьим ребёнком. Степень развития послужило то, что зрелость возраста, ребёнок более спокойнее, нежели первые два», «В первом декрете шила детские комплекты на заказ. Бортики, постельное, комплекты для выписки и т.д. Во втором декрете открыла ферму микрозе-

лени, организовала продажу зелени в рестораны и кафе». Переосмысление опыта иногда приводит к кардинальной смене сферы интересов: «В первом декрете я делала шоколадные плитки, конфеты и т.д. - была шоколатье. Во втором декрете выучилась на визуализатора - контент-съемки фото и видео, дальше прошла еще порядка 5-то курсов, теперь занимаюсь развитием соцсетей, помогаю другим, обучаю», «В первом декрете активно начала искать новые возможности заработка, обучилась и занималась одно время организацией пространства. Параллельно изучала тильду. Во втором декрете прошла курс проф. переподготовки с господдержкой по программе «цифровые профессии» и сейчас занимаюсь веб дизайном».

Некоторые мамы используют отпуск по уходу за ребенком для ревизии жизненных планов и достижений, решаются на осуществление амбициозных задач, которые по какой-то причине откладывались ранее: «В последнем декрете решила пойти учиться на нутрициолога, о чем давно мечтала. Чтобы поддерживать здоровье своей семьи и помогать другим людям», «Получила второе высшее образование, по профессии о которой мечтала», «Второй декрет привила тягу к спорту и созданию фигуры мечты», «Рождение детей дисциплинирует. В разведении цветов и уходе за огородом это очень важно. Хотелось ухаживать за приусадебным участком, а силы, энергия и фантазия появились именно в декрете с первым ребенком. Так и пошло дело, теперь без огорода скучно. Ждем скорее весну и лето, чтобы садить, поливать и полоть посадки. Ребенок тоже участвует и ей очень нравится».

В других случаях чрезмерная «нематеринская» активность приводит к усталости и начинает восприниматься как избыточная: «Открыла прокат квадроциклов, когда дочери было 8 мес. В 10 мес. параллельно вышла на основную работу. Постепенно стала работать на полную. Основная работа стала отнимать много времени и прокат пришлось закрыть. На него не

оставалось ни сил, ни времени», «В первом продолжила профессиональное развитие, без длинных пауз. Во втором переосмыслила отношение к воспитанию детей и искала деятельность позволяющую совмещать работу и семью, «Могла заниматься рукоделием только когда был один ребенок, с двумя уже нереально».

Более 8% женщин признают, что на занятия помимо материнства у них не остается ни времени, ни желания (Таблица 8): «Моё увлечение это ребёнок. Бассейн, кружки, футбол – все, что ребёнку нравится. На себя нет ни времени, ни финансов», «Не было декрета, я работала. Поэтому не было времени заниматься любимым делом», «День пролетает как час. У меня нет родителей. Муж на работе в основном. Надо накормить, одеть, сделать уроки и так далее. Младший семимесячный. Жду, когда будет ему хотя бы 4 года, чтобы выйти на работу. Я люблю детей поэтому их у меня и четверо. Мое увлечения можно сказать занимается детьми», «Пришлось учиться составлять занятость для ребенка, планы на каждую свободную минуту, искать интересные книги и это отнимало все свободные минуты».

Наиболее «традиционные» мамы сосредотачивают свое внимание на развитии детей, уделяя максимум сил и внимания этому процессу: «Активно занималась развитием детей. Старшего и второго. Третий рос в развивающей среде, оставшейся от второго». «Развитие ребёнка само по себе источник вдохновения и новых увлечений - совместный с ребёнком спорт, творчество, желание подавать ему положительный пример», «Развитие ребенка - занятия с первым ребёнком, второй ребенок не такой требовательный к моему вниманию. Смотрела каналы на YouTube, оттуда брала информацию», «Все три были всецело направлены на детей», «Увлечений особых не было, всё свое свободное время посвящала своей семье», «Придумывала развивающие занятия для ребенка».

Таким образом, исследуя «нематеринские» практики современных матерей мы имеем дело с огромным разнообразием сценариев их реализации и репертуаров наполнения. Мы попытались структурировать множественные пересечения «нематеринских» практик через описание основных осей: формат реализации (оффлайн, онлайн, смешанный), мотивация (самореализация, заработок, борьба с однообразием декретных будней, общение, снятие психологического напряжения), экономический статус (нейтральный, дотационный, инвестиционный, стихийный заработок, регулярный доход, коммерческий доход), профессиональная динамика (практики, соответствующие основной профессии; временные практики; транзитивные практики), эффект (конструктивный, деструктивный, без выраженного эффекта), сфера деятельности (образование, сопровождение матерей, творчество, волонтерство и социальный активизм, бьюти-сфера, крафтовое производство, растениеводство, спорт, недвижимость, туризм, саморазвитие, компьютерные технологии). Основной сложностью при описании сценариев «немастеринских» практик является учет их контекста и условий возникновения. Интерсекциональность материнства, образовательные, возрастные, социальные особенности, экономическая ситуация и многие другие «объективные» характеристики безусловно влияют на мотивацию женщины к их выбору. Но еще более сложным для объяснения являются влияние «субъективных», латентных факторов – характера женщины, ее мировоззрения, отношений с супругом и окружающим, то, что сами мамы формулируют как «энергия».

ГЛАВА 3. «Штраф за материнство» и его влияние на экономические практики матерей

Как показано в предыдущей главе, профессиональная активность молодых матерей сопряжена с многочисленными ограничениями: временными, пространственными, социальными, психологическими. В научной литературе для описания совокупности этих ограничений используют понятие «штраф за материнство» – практика дискриминации женщин, имеющих детей, включающая в себя ценностный (убеждения о том, что материнство отрицательно влияет на профессиональные качества), поведенческий (позиция работодателей) и институциональный (отсутствие действенных правовых и практических механизмов для поддержки профессиональной активности женщин, имеющих малолетних детей; неконтролируемый разрыв в заработной плате) компоненты. Штраф за материнство фиксирует разницу в условиях и оплате труда у женщин с детьми и бездетных женщин, которая не объясняется другими их социально-демографическими характеристиками (Бирюкова, Макаренцева, 2017). Этот термин емко передает негативное отношение к наличию детей в силу снижения производительности труда матери на рабочем месте, ограничении ее мобильности, частых больничных по состоянию здоровья ребенка.

Исследователи считают, что предпочтения работодателей формируют заниженные профессиональные амбиции женщин (Уткина, Гаспарян, 2019), которые соглашаются на менее статусные должности и замыкают тем самым круг самодискриминации. «Штраф за материнство» также негативно влияет на пенсионные выплаты в будущем из-за перерывов по уходу за детьми и снижения доходов в эти периоды, что очевидным образом коррелирует с количеством детей.

В исследовании социологов Мишель Будиг и Паулы Инглэнд (Budig, England 2001) определены наиболее частые отри-

цательные эффекты деторождения на карьеру матерей в четырех плоскостях: потеря опыта работы, снижение продуктивности на работе, обмен более высокооплачиваемой работы на работу с удобным графиком, дискриминация со стороны работодателей. Авторы оценивают потери в заработной плате в 5-7% на одного ребенка, и считают, что этот процент возрастает при многодетном материнстве. Эти же цифры озвучивают китайские экономисты, отмечая также особенные риски среди женщин с высоким уровнем образования и женщин, занимающих профессиональные и управленческие должности (Yu, Xie, 2014). Британские ученые называют семейный бюджет, в котором супруг получает полноценный доход, а супруга – некий дополнительный заработок, моделью «полутора зарабатывающих», согласно которой глубоко укоренившиеся гендерные нормы определяют влияние родительства на рабочее время женщин, но не мужчин (Sassler, Meyerhofer, 2023).

Материнская занятость также является предметом интереса с макросоциологической перспективы – как изменяются экономические показатели в зависимости от участия матерей в составе рабочей силы. В частности, китайские социологи изучают взаимное влияние женской занятости на быстрый экономический рост и радикальные социальные изменения. Профессор Шаньдунского университета Чао Шэнь приходит к ряду значимых заключений по результатам исследования здоровья и питания с 1989 по 2015 год (Shen, 2022): во-первых, рождение ребенка оказывает негативное воздействие на заработную плату женщин, и тяжесть этого воздействия продолжает возрастать, что свидетельствует о том, что более конкурентная экономика не снижает «штраф за материнство»; во-вторых, если в предыдущих исследованиях было показано, что «штраф за материнство» ниже для матерей-одиночек, чем для замужних женщин, то актуальные данные говорят об увеличении «штрафа» для обеих групп, причем для матерей-одиночек темпы роста были

гораздо более быстрыми; в-третьих, долгосрочный эффект в последние годы рос более высокими темпами по сравнению с краткосрочным; в четвертых, разница между различными уровнями образования уменьшается, высшее образование перестает защищать от негативных эффектов; в пятых, воздействие наказания за материнство на сотрудниц негосударственного сектора сильнее, чем на сотрудниц государственного сектора, что приводит к увеличению разрыва между этими двумя секторами. Автор считает, что драматические социальные и экономические изменения, произошедшие в последние десятилетия, возложили на женщин все больше и больше материнских обязанностей, но предоставили им непропорционально меньше преимуществ в отношении экономического развития.

Стоит отметить, что приведенные выше данные и аргументы имеют существенное ограничение – они относятся только к обществам, где доминирует эгалитарная гендерная культура. Патриархальный контекст задает совершенно иные рамки женской агентности, которая определяется как многомерный и контекстно-зависимый компонент расширения прав и возможностей женщин, включающий в себя ресурсы, свободу действий и достижения (Kabeer, 1999). Например, исследования материнства в Египте показывают, что женщины не решаются бросить вызов стереотипам о фиксированных ролях, потому что это означало бы отказ от единственной формы власти, которую они имеют (Henry, 2011). Деторождение может рассматриваться как ресурс, увеличивающий «переговорную силу» замужних женщин (свобода воли не фиксирована, а может быть предметом переговоров) и, следовательно, ее инструментальную субъектность. В частности, существует предположение, что материнство положительно влияет на свободу передвижения и возможность расходовать семейный бюджет, поскольку функционал женщины как матери расширяется для целей воспитания детей (Friedrich, 2023). В патриархальных контекстах с традиционным

гендерным разделением обязанностей рождение детей привязано к ценности и социальному положению женщины, а следовательно, имеет место ухудшение позиций женщин не имеющих детей по сравнению с матерями («штраф за не-материнство»).

Таким образом, в кросскультурном контексте на материнскую занятость оказывают влияние следующие факторы: гендерная культура (ценности в отношении работы, ухода и пола), гендерный порядок (политика на рынке труда), а также гендерное соотношение (разделение функций внутри семьи). Изменения культурных традиции приводят к трансформации социальных институтов, включая рынок труда (гендерный порядок) и семью (гендерное соотношение) (Pfau-Effinger, 2004). Размер и характер «штрафа за материнство» зависят от уровня синхронизации гендерной политики государства с национальными ценностями и практикой распределения ответственности за воспитание детей. Ученые отмечают, что культурные установки могут дисгармонизировать не только с социальной политикой, но и друг с другом даже в пределах одной страны (Budig, Misra, 2012). Например, люди могут иметь разное мнение относительно того, как долго должен длиться декретный отпуск. Вместе с тем, это мнение может идти в разрез с реальной жизненной ситуацией женщин в период отпуска по уходу за ребенком и потребностями самих женщин.

В отечественных работах размер «штрафа за материнство» определяется как через расчет коэффициентов, отвечающих за наличие и/или количество детей в уравнении заработной платы (Арженовский, Артамонова 2007), так и через снижение уровня занятости женщин после рождения ребенка и/или сокращение их заработной платы по сравнению с нерожавшими коллегами (Ермолина, Рохмина, 2016). Значительную работу по определению величины «штрафа за материнство» в России провели ученые Высшей школы экономики (Арженовский, Артамонова 2007). На основании данных «Российского мониторинга

экономического положения и здоровья НИУ ВШЭ» (РМЭЗ ВШЭ)¹⁴ они выявили существенную дифференциацию в заработках между женщинами с детьми и без, которая присутствует во всех специализированных моделях. Кроме того, подтвердилась гипотеза о снижении уровня человеческого капитала (имеется в виду уровень образования и стаж) у матерей по сравнению с бездетными женщинами. В качестве значимой пролемы авторы отмечают увеличение «штрафа» с ростом человеческого капитала матери. Сделанные полтора десятилетия назад выводы о необходимости поворота общественного сознания в сторону престижа материнства, уменьшения материальных и моральных потерь (потеря профессиональных статусов и позиций, обнуление достижений), связанных с рождением и воспитанием детей, выглядят еще более актуальными с учетом пандемии и трансформации ранка труда вследствие санкций, основной удар от которых пришелся именно на женщин.

Другой коллектив Высшей школы экономики (Ермолина, Рохмина, 2016) на основе анализа данных 15 волн «Российского мониторинга экономического положения и здоровья НИУ ВШЭ» (РМЭЗ ВШЭ) продемонстрировал влияние уровня занятости в зависимости от материнского статуса. Исследователи пришли к выводу, что в России существует «штраф за материнство», однако наблюдаемые различия в оплате труда женщин с детьми и без них сглаживаются в среднем к моменту достижения ребенком возраста 3-4 лет. Имеет значение место жительства (различия дольше сохраняются в городах, чем в сельской местности), сектор экономики (более явно проявляется в небюджетном секторе экономики, характеризующемся высокой конкуренцией), уровень образования (образованные женщины

¹⁴ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ <https://www.hse.ru/rims/>

быстрее нивелируют потери в заработной плате после возврата на рынок труда). Последний тезис противоречив, большинство исследователей приходят к обратному выводу. В частности, исследователи Корнельского университета доказывают, что наибольшие потери заработной платы испытывают женщины, обладающие экспертными и высоко востребованными навыками, поскольку большая отдача от опыта работы на рынке труда делает время дорогостоящим (Sassler, Meyerhofer, 2023).

С точки зрения влияния родительства на профессиональные позиции мужчин и женщин интерес представляет социологический эксперимент, проведенный Валерией Уткиной и Сусанной Гаспарян (обе – НИУ ВШЭ). Авторы составили 8 сценариев для кандидатов на трудоустройство (по 4 от лица мужчин и женщин) и обзванивали кадровые службы государственных органов. Представленные ими результаты являются ожидаемыми и шокирующими одновременно. Так, во время разговора с кандидатками около половины представителей федеральных органов власти не соблюдали правил вежливости, выражали отсутствие энтузиазма при разговоре, позволяли себе саркастические замечания, назидательный тон. При общении с кандидатами мужского пола контактные лица придерживались правил вежливости, с готовностью отвечали на любые вопросы. Иными словами, имеет место ярко выраженная перцепция в зависимости от пола кандидата.

Один из разыгрываемых сценариев включал обсуждение условий для кормления ребенка (право на перерывы для кормления ребенка в течение рабочего дня закреплено законодательно), что вызвало непонимание со стороны кадровых работников, попытки отговорить от подачи документов на конкурс (несмотря на то, что, согласно легенде, молодая мама имела соответствующую квалификацию и опыт). Наибольшей критике подверглась кандидатка, сценарий которой заключался в наличии беременности на момент трудоустройства. Представители госу-

дарственных органов власти «открыто высказывали ей суждения о невозможности пройти конкурс, смеялись в трубку... утверждали, что им нужны работающие люди, а она не способна выполнять рабочие обязанности», давали нетактичные и непрофессиональные комментарии. Таким образом, государственная гражданская служба оказалась средой с максимально высоким «штрафом за материнство», а каровые работники продемонстрировали мизогинические установки, указывая матерям на профессиональную непригодность. Вместе с тем, молодого отца, намеревавшийся воспользоваться декретным отпуском, уверяли в соблюдении в отношении него действующего законодательства. Когда молодой отец-одиночка говорил, что ему потребуются перерывы для кормления ребенка, контактные лица утверждали, что с этим проблем не возникнет. Более того, существует обратный эффект – «премия за отцовство» (по некоторым данным, ее размер для российских мужчин составляет не более 2,5–3% (Ощепков, 2020), хотя очевидны нематериальные выгоды – наличие статуса семьянина и детей добавляет мужчинам «социальные баллы», поскольку интуитивно воспринимается как показатель ответственности, зрелости). Две идентичные жизненные ситуации, которые презентуются от людей разного пола, вызывают разную реакцию со стороны представителей государственных органов власти, что иллюстрирует пропасть между юридическим и фактическим равноправием в профессиональном поле.

Подобный социологический эксперимент был проведен в Китае (Li, 2022), где ученые разослали более 35 тысяч фиктивных резюме на реальные объявления о вакансиях на крупной китайской онлайн-платформе по подбору персонала (города выборки: Пекин, Шанхай, Гуанчжоу и Шэньчжэнь; сферы труда: компании, работающие в области информационных технологий (традиционно доминируют мужчины), в области бухгалтерского учета (традиционно доминируют женщины), и в области сме-

шанных человеческих ресурсов). Статистические показатели свидетельствуют о том, что женщины детородного возраста подвергаются дискриминации, независимо от их фактического статуса материнства. Эффект потенциального материнства неоднороден в разных сферах деятельности, типах собственности и городах. Авторы утверждают, что опасения работодателей по поводу потенциальных расходов, возникающих из-за гендерного неравенства родительских обязанностей, являются основными медиаторами данного эффекта. Результаты также свидетельствуют о негативной взаимосвязи между дискриминацией женщин детородного возраста на рынке труда и коэффициентом рождаемости в городских районах – женщины не торопятся откликаться на призыв «одна семья – два ребенка», поскольку знают о предстоящих в связи с этим профессиональных потерях.

Социолог Елена Гасюкова рассматривает социальный статус женщины в качестве переменной при анализе профессиональных постдекретных траекторий. Она утверждает, что женщины из высшего класса склонны быстро возвращаться на рынок труда, в то время как женщины из среднего и рабочего класса откладывают выход на рынок труда или отказываются от развития карьеры. Кроме того, поздний выход на рынок труда говорит о меньшей ориентированности на карьеру, и наоборот (Gasiukova, 2022). В случае многодетного материнства женщину ожидает не только «штраф за материнство», но и «штраф за избыточное образование»: домашняя загруженность вынуждает искать гибкие варианты в сфере занятости (что часто означает менее высокие требования к уровню квалификации и, как следствие, менее высокий доход) или совсем отказываться от трудовой занятости (Дорофеева, 2020). Полученное образование, с одной стороны, остается невостребованным, не приносит ожидаемые дивиденды, с другой – является ресурсом для интенсивного родительства, поскольку образованные матери активно вкладываются в воспитание и развитие детей, влияя на качество

человеческого капитала (Дорофеева, 2020). Важно, что наличие работающего партнера положительным образом влияет на наличие работы у женщины. Это говорит не только о ценностях самореализации на рынке труда и стремлении женщин к независимости от партнеров (Карабчук, Нагерняк, 2013), но и позволяет обнаружить заинтересованность состоявшихся профессионально мужчин в партнершах своего социального уровня.

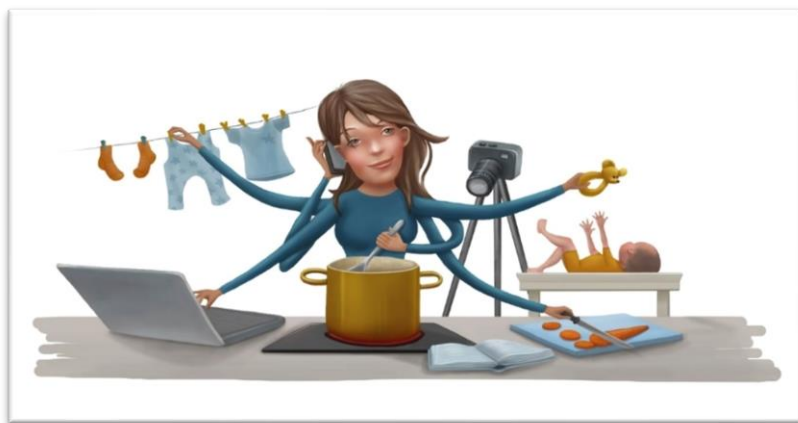

Рисунок 9. Многозадачность материнства¹⁵

Наше исследование позволяет нам сделать следующие выводы относительно женских экономических практик в период отпуска по уходу за ребенком.

Во-первых, профессиональная активность матерей не может быть рассмотрена как целостное образование, она дифференцирована по различным основаниям, наибольшую значимость из которых в ситуации материнства имеет роль в структуре личности. Стоит различать профессиональную активность как работу (экономические потребности) и как карьерную стра-

¹⁵ Иллюстрация из открытого источника

тегию (потребности в самореализации). Они не являются взаимоисключающими, однако от того, какой из мотивов доминирует, зависит и специфика «штрафных санкций». Работа представляет собой «продажу» собственного времени в обмен на деньги, тогда как карьера – это часть образа жизни, основанная на интересах, образовательных достижениях и опыте, которые создают уровень знаний в данной области.

Например, более 35% наших респонденток отметили серьезные финансовые трудности в период декрета:

«А я все стала мерить после декрета буханками хлеба (30 руб.) и курицами (200 руб.). И смех, и грех. "да я на эти деньги 2 кило курицы куплю и моя семья сыта будет неделю". Ой прям так неделю? Если бы...» (цитата из женского сообщества).

«Младший заболел. Отнесла сегодня в аптеку "пол пуховика". Да да, я сейчас все измеряю в пуховиках. Ладно, хрен с ним. В старом ещё прохожу. Главное, чтобы выздоровел и я после него не заболела (как обычно). А мне болеть нельзя. Будем сидеть голодными тогда» (цитата из женского сообщества).

Для многих молодых матерей работа становится необходимостью, условием существования для себя и ребенка. В этом случае наиболее значимые эффекты «штрафа» выражаются в снижении дохода.

«Деньги... Как же много они решают. Сколько же проблем наших с вами они решили бы... сколько не было бы лишних седых волос и проплаканных ночей. И я не говорю о миллионах, я говорю о банальной хорошей зарплате, хотя бы в 100 тыс. рублей, для нашего городка, как думаю и для других, это очень большая зарплата, и я всеми силами стремлюсь к этой цифре, но пока много препятствий на пути, ведь у нас матерей с карьерой гораздо сложнее из-за постоянных болезней детей и из-за того, что мы мамы и на нас вся ответственность. Но я думаю, имея бы такой доход, большинство бы женщин не терпело бы

многого дерьма... в моем случае это полный муд, который периодически влюбляется в других женщин и относится ко мне отвратительно, свекровь, которая хочет, чтобы было как она сказала (живем вместе), и моя собственная мама тоже полный абьюз, еще похлеще мужа, каждый день сплошное обесценивание и унижение (хоть люблю ее как маму и благодарна во многом, от того и больше от ее слов в свой адрес). В общем, мечтаю и жду, жду, когда будет нормальная зарплата и возьму двух своих деток и свалю в закат от всех и не буду зависеть ни от кого» (цитата из женского сообщества).

«Ребенок родился иной. Он отстают. К нему все цепляются, каждая умелка дается тебе с таким трудом, а дело не всегда в его "особенности", а попросту в лени и нежелании учиться. И вот одноклассники твоего сына учат стихи, а твой говорит слово: "молоко", а вы всей родней радуетесь... Плюс постоянная усталость, перманентная. Нет возможности сменить работу (очень нервную), так как 60% семейного бюджета на тебе и ипотека в том числе. Вот ты после ночной смены не можешь лечь спать, а сын вечером устраивает истерику, а спит он рядом с твоей кроватью, и все летит по одному месту... И по итогу ты не состоялась как мать, не состоялась как жена, и все кажется черным и беспросветным» (цитата из женского сообщества).

С другой стороны, есть масса примеров, когда выход на работу связан со стремлением сохранить профессиональные позиции. При этом давление эффектов наиболее ощутимо со стороны ограничений времени (чем дольше декрет, тем сильнее конкурентное отставание) и пространства (например, необходимость разрешать противоречие между важностью командировок и контактом с ребенком). Риски потери карьеры субъективно воспринимаются как личностная потеря и не могут быть компенсированы пособиями или за счет перераспределения семей-

ного бюджета, поскольку затрагивают целостность и субъектность женщины.

«Я не могу терять время, иначе в моем деле я теряю имя, а имя для меня — это деньги. То есть у меня бизнес конкретно на личном бренде. Поэтому теряю деньги, теряю опыт, теряю все в принципе, над чем я работала много лет. Я просто не могу себе позволить сидеть по 2-3 года, заниматься только детьми при условии, что я стараюсь придерживаться естественного материнства, не сдавать детей бабушкам, заниматься ими самой. И когда нужно выбрать между своими потребностями и когда дети, особенно маленькие, потребностями детей — до сих пор я, наверное, еще ищу этот компромисс ... Я не могу себя представить без работы, мне так плохо. Я и дело это в целом я. Нет такого, что я должна работать ради денег. Это дело, которым я дорожжу, и считаю, что даже ради детей женщина не должна жертвовать своей жизнью. Дети вырастают, а в моей профессии время будет потеряно и можно сказать безвозвратно. Каждый день важен. Постоянно что-то происходит, тренды постоянно меняются, руку на пульсе надо держать. Да, это больше про развитие. Без этого мне никак. Я буду себя плохо ощущать». (цитата из интервью, 2 детей, 39 лет).

«Для меня писать, как жить было. Просто, легко. Как дышать. Мне люди на почту писали, что ваш роман жить захотел вернуться, кому после аварии, кому после тяжёлого декрета... А мне вот ничего не помогает. Ни-че-го. Так и остался последний том не законченный. Глав 8. И заходить на сайт стыдно, перед людьми. Всё сожрал декрет, безысходность, сон по 2 часа днём и просто пустота в груди. Читаю свои черновики и плачу. Каждый день плачу. Это часть той лёгкой, беззаботной меня» (цитата из материнского сообщества).

Во-вторых, эффективность реализации экономических практик зависит как от личностных особенностей женщины

(уровень образования и опыт работы до декрета, уровень карьерных притязаний, способность стратегического планирования, самодисциплина, организованность и т.д.), так и от ситуации материнства (позиция супруга/родственников, уровень экономической свободы, состояние здоровья ребенка). Опыт поколений, собственный житейский опыт формирует установку на самостоятельность и самопомощь в любых ситуациях. Стоит отметить, что «нормальный» отец (заботливый, включенный) часто рассматривается как везение, исключение из правил.

«Мама всегда говорила, что даже если вдруг тебе повезёт с мужем и он оказывается золотым человеком, будет тебе помогать в твоих бытовых делах и с детьми, рассчитывать можно только на себя. Что мы имеем по факту. Мне 36 лет. У меня двое щм¹⁶ (8 лет и 5 мес.), хорошая карьера, великолепная должность, любящий заботливый муж¹⁷, который принимает участие пусть не на 100%, но на 80% точно. В тот момент, когда он начинает мудить, я ему напоминаю, что мы с ним вдвоём в этой подводной лодке и сама я не выплыву - утонем все. Помощи ни от кого нет, но я и не жду - рассчитываю всегда только на себя (иногда с оглядкой на мужа, но всегда готов запасной выход). Спасибо, мама, за трезвый взгляд на этот мир».

В-третьих, основным фактором при выборе вариантов реализации экономической активности становится удобство и гибкость графика, возможность адаптировать работу к условиям материнской занятости. Рассмотрим основные способы организации гибкого графика, существующие на сегодняшний день:

¹⁶ ЩМ – принятое в женском сообществе сокращение от «[щ]астье материнства» - так мамы говорят о детях.

¹⁷ Игра слов. Чтобы показать позицию супруга по отношению к семье и детям женщины изменяют окончание «муж» - положительная оценка семейных качеств, «муд» - отрицательная.

фриланс, удаленная (дистанционная) работа и предпринимательство.

Фриланс. По сравнению с традиционной занятостью, предполагающей постоянную работу в одной компании, фриланс представляет собой альтернативную форму занятости, в основе которой работа на различные компании в разное время. Социологи определяют фрилансеров как независимых работников, которые не состоят в штате организаций и не включены в традиционные трудовые отношения, а самостоятельно реализуют свои услуги различным клиентам на рынке (Кожевникова, Харченко, 2020). Выделяют четыре блока причин развития рынка фриланса: развитие технологий, изменение потребностей работодателя, изменение потребностей работника, кризис (Гизатуллина, Зимова, 2020). Среди основных достоинств этой формы занятости принято выделять возможность распоряжаться своим временем и выбирать для себя удобный график работы, интенсивность трудовой деятельности; отсутствие непосредственных начальников; отсутствие необходимости добираться до места работы; возможность выбора интересующей работы; большие заработки по сравнению со штатной работой в офисе; «шанс сверхприбыли»; портфолио и более качественное резюме опыта работы (Чаплашкин, 2013). Наряду с положительными моментами этой формы занятости стоит отметить и существенные проблемы (Рис. 13): непредсказуемость величины дохода, ненормированный рабочий график, риск неполучения оплаты, необходимость тратить время на не связанную со специализацией деятельность, высокая конкуренция, отсутствие обмена опытом и недостаток общения, проблема легализации доходов; отсутствие социальных гарантий работодателя и социального пакета, сложности распределения времени между семьей и трудовой деятельностью.

Доказано также, что фриланс не является средой, свободной от неравенства и гендерной дискриминации. На примере

IT, социолог Ольга Вилкова демонстрирует механизмы, влияющие на меньшее вознаграждение, худшие оценки и более низкий рейтинг женщин-разработчиков по сравнению с мужчинами. Она утверждает, что меньшее количество проектов и отзывов пессимизируют положение женщины на платформе и понижает шансы найти следующий проект. Для решения проблемы женщины покупают баллы для продвижения профиля, формируют фиктивный гендер (указывают в шапке профиля мужское имя), перевыполняют план в ущерб себе, занижают цены (Вилкова, 2020).

Одними из наиболее активных игроков рынка фриланса являются молодые мамы. «Мамалансер» – неологизм, появление которого связано с обозначением этой новой реалии. В научный оборот его ввели уральские социологи Мария Бурлуцкая и Вера Харченко (Бурлуцкая, Харченко, 2013; Харченко, 2014), используя как термин, позволяющий описать временную занятость для женщин с детьми, сохраняющую уровень достигнутого профессионализма или же наоборот, использование времени для овладения новой специализацией. На сегодняшний день в интернете существуют различные «биржи труда» для мамалансеров, одна из которых – сообщество «Mamalanser. Работа в декрете и в интернете» в социальной сети ВКонтакте. Наиболее распространенные трудовые предложения для женщин в декрете связаны с написанием текстов, причем они подразделяются на множество специальностей (постинг – написание постов/отзывов/комментариев, райтинг – написание статей «с нуля», рерайтинг – переписывание статей на предмет уникальности текста, копирайтинг – написание рекламы, сеооптимизация – оптимизация текстов для правильной индексации в интернете, нейминг – придумывание названий и слоганов и т.д.), созданием и продажей инфопродуктов, продажей товаров через интернет (прямые продажи, сетевой маркетинг, онлайн-магазин), админи-

стрированием социальных сетей, дизайном (ландшафт/графика/интерьер), программированием.

Рисунок 10. Трудности фриланса¹⁸

Удаленная (дистанционная) работа. Удаленная работа – это способ организации труда, при котором сотрудники числятся в штате компании, с которой у них заключен трудовой договор, но при этом работают дома. Всплеск удаленной занятости, как и научного интереса к нему, произошел в ситуации пандемии, когда дистант стал реальностью жизни даже для тех,

¹⁸ Иллюстрация с сайта Mamalancer. Режим доступа <https://vk.com/mamalancer?ysclid=loweoxcbn7556364896>

кто сознательно его не выбирал. Основными достоинствами такой формы занятости считаются экономия на создании рабочих мест, создание предпосылок к более рациональному использованию рабочего времени, снижение нагрузки на транспорт (как вероятное следствие – улучшению экологии) (Федорова, Минченкова, 2020). К общим с фрилансом трудностям можно добавить специфические именно для удаленной занятости – нарушение цепочек информации, поскольку традиционный канал обмена информацией в организациях – очные встречи в т.ч. неформальные.

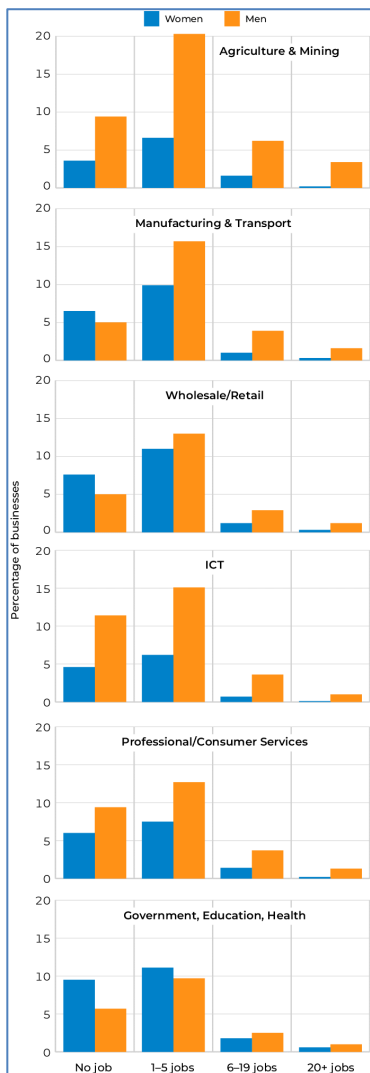
Социологические наблюдения показывают, что удаленная работа способствует повышению производительности труда, причем наибольший эффект фиксируется именно у матерей (Sherman, 2019). Японские исследователи пришли к выводу, что дистанционная занятость положительно влияет и на отцовство: она увеличивает время, которое мужчины тратят на домашние дела и проводят с семьей, повышают ценность семьи в глазах мужчин (для японской выборки: увеличение времени, затрачиваемого на работу по дому, на 5,5%, времени, проведенное с семьей, на 5,2%, доля работающих мужчин, которые стали более ориентированными на семью, чем раньше, увеличилась на 6,1%. – Inoue, Ishihata, 2023). Перераспределение домашних обязанностей во время пандемии, произошедшее в тех семьях, где женщина по долгу службы была вынуждена оставаться на рабочем месте (например, врачи и медперсонал), позволило исследователям сделать осторожные предположения об устойчивом воздействии на будущее участие мужчин в уходе за детьми. Преимущества удаленной работы в мировом масштабе оцениваются как большая производительность труда (за счет снижения времени на дорогу), возможность баланса между работой и личной жизнью; при этом выражается обеспокоенность по поводу рисков переутомления и тенденции к размыванию границ между работой и бытом (Takami, 2022).

Российские исследователи склонны давать положительную оценку влиянию дистанционной формы занятости на родительские установки матерей (Коропец, 2018). Статистически доказано, что уровень удовлетворенности жизнью, материальным положением и работой у людей, использующих в своей работе интернет, статистически значимо выше, чем у тех, кто интернет на работе не применяет (Акулова, Тонких 2023). На российском рынке труда достижение баланса между рабочими и семейными функциями в большей степени доступно женщине с высшим образованием в возрасте от 35 до 39 лет, состоящей в браке и имеющей двоих детей, работающей в режиме полного рабочего дня с заработной платой в интервале от 50 до 100 тысяч рублей (Разумова, Алёшина, 2020).

Наиболее сложным остается вопрос нормализации «двойного дня», когда после полного рабочего дня у среднестатистической россиянки начинается «вторая смена» (Михайлова, 2017) в виде необходимых домашних дел. Удаленная занятость размывает границы между этими двумя «сменами», создавая ситуацию перманентного рабочего дня. Социолог Елена Михайлова утверждает, что проблема двойной занятости женщин возникла вследствие их массового выхода на рынок труда и имеет вековую историю. Сочетание «оплачиваемая работа – наличие малолетних детей» создает максимальную трудовую нагрузку. Опрос показал, что большинство (77,7 % опрошенных) ощущают эту проблему, тогда как 18,4 % женщин сочли проблему двойной занятости надуманной (важно, что тенденция к обесцениванию рассматриваемой проблемы присутствует в старшей возрастной группе). Для младшего поколения опрошенных – незамужних девушек – характерна «наслышанность» о проблеме – они считают, что проблема двойной занятости женщин существует, но не относится к первоочередным (55,3% 18-23-летних). Также выявлено, что для многих женщин мотивом трудоустройства становится желание иметь свои деньги и быть в

хотя бы в некоторой степени финансово независимой от мужа (Михайлова, 2017).

Предпринимательство. Понятие предпринимательства напрямую связано с созданием или использованием возможностей среды для развития организованной экономической деятельности с целью создания физических и интеллектуальных ценностей. Предпринимательство традиционно считается движущей силой экономического развития, поскольку индивидуальная инициатива и энергия, направленная на ее продвижение, как правило, отражают истинные потребности населения и зачастую носят инновационный характер. В связи с высокой сложностью предпринимательства как вида профессиональной деятельности, возникает особая модель требований к компетенциям предпринимателей: постановка целей, систематическое планирование и мониторинг, настойчивость, приверженность, поиск информации, поиск возможностей и инициативность, требования к качеству, анализ рисков, налаживание связей, независимость и уверенность в себе (Cooley, 1990). Очевидно, что условия и ресурсы, которыми обладают мужчины и женщины, стремящиеся к развитию своего дела, не одинаковы. Глобальный мониторинг предпринимательства (GEM) отслеживает в том числе эволюцию женского предпринимательства во всех странах мира на протяжении более двух десятилетий. Этот инструмент позволяет оценить соотношения факторов пол и размер бизнеса в разбивке по отраслям экономики (Рис.11). Мы видим, что мужчины количественно лидируют во всех сферах, за исключением социальной, представленной малым количеством работников (здравоохранение, образование).

Перевод легенды: «percentage of businesses» = процент предприятий; «women» = женщины; «men» = мужчины; «no job» - без наемных работников; «1-5 jobs» = 1-5 наемных работников; «6-19 jobs» = 6-19 наемных работников; «20+ jobs» = более 20 наемных работников; «agriculture and mining» = сельское хозяйство и горнодобывающая промышленность; «manufacturing and transport» = производство и транспорт; «wholesale and retail» = торговля оптом и в розницу; «ICT» = информационные и коммуникационные технологии; «professional consumer service» = профессиональное обслуживание потребителей; «government, education, health» = управление, образование, здравоохранение.

Рисунок 11. Соотношения факторов пол и размер бизнеса в разбивке по отраслям экономики¹⁹

¹⁹ Источник: Global Entrepreneurship Monitor 2020. Режим доступа: <https://www.gemconsortium.org/report/gem-2019-2020-global-report> Дата обращения: 11.11.2023

Российская статистика малого и среднего предпринимательства отражает мировые тенденции – среди индивидуальных предпринимателей численность женщин стабильно не превышает 40%. (учитывались как зарегистрированные, так и неофициальные предприниматели, Табл. 9). Есть основания полагать, что и эти данные завышены с точки зрения гендерного распределения, поскольку часть российских мужчин-предпринимателей регистрируют свой бизнес на жен (например, чиновники, которые не имеют права заниматься предпринимательством; лица, имеющие налоговые/административные нарушения; для упрощения процедур получения кредитов; в качестве страховки на случай изъятия активов и т.д.).

Таблица 9. Распределение лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью (по полу)²⁰

	Основная работа			Дополнительная работа		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
	Тысяч человек					
Всего	3621	3571	3687	573	563	569
Мужчины	2236	2202	2251	300	300	292
Женщины	1 385	1 369	1435	272	262	277
	В процентах от общей численности					
Всего	100	100	100	100	100	100
Мужчины	61,7	61,7	61,1	52,4	53,3	51,3
Женщины	38,3	38,3	38,9	47,6	46,7	48,7

Согласно данным ВЦИОМ, за последние 15 лет доля предпринимателей среди россиян выросла вдвое, с 4% до 8%. Портрет российского предпринимателя выглядит так: мужчина

²⁰ Малое и среднее предпринимательство в России. 2022: Стат.сб./ Росстат. - М., 2022. – 101 с

(11% против 6% женщин), 35-59 лет, имеющий высшее или неоконченное высшее образование (12%) и предпочитающий интернет телевидению (12%). Процент желающих открыть свое дело среди мужчин составляет 33%, среди женщин – 22%)²¹.

Схожую картину демонстрирует и Национальный отчет Глобального мониторинга предпринимательства 2020/2021: для российского предпринимательства действительно в целом характерно преобладание мужчин (57,4 %), однако ситуация не так однозначна, если оценивать изменения вовлеченности мужчин и женщин в раннее предпринимательство и устоявшееся предпринимательство (рис. 12).

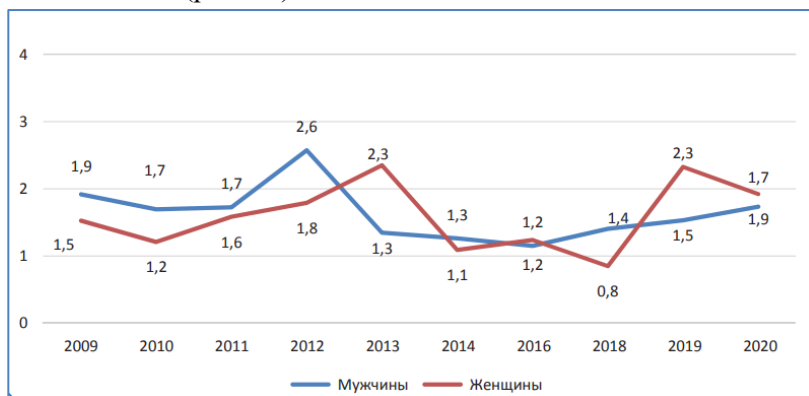

Рисунок 12. Соотношение ранних и устоявшихся предпринимателей среди мужчин и женщин, 2009–2020²²

В целом можно отметить, что россиянки чаще отдают предпочтение созданию нового бизнеса, а не продолжению су-

²¹ Предпринимательство в России: мониторинг. ВЦИОМ, 22 мая 2023. Режим доступа: [ВЦИОМ. Новости: Предпринимательство в России: мониторинг \(wciom.ru\)](https://wciom.ru) Дата обращения 11.11.23 г.

²² Национальный отчет «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2020/2021». Режим доступа <https://www.gemconsortium.org/report/gem-russia-2020-russian> . Дата обращения 11.11.2023 г.

ществующего. Мужчины демонстрируют более осторожное предпринимательское поведение, сочетая новые предпринимательские инициативы с сохранением уже существующих бизнесов. Данные исследования 2020 года показывают, что в ограничения пандемии COVID-19 более негативно отразились на женщинах, что соответствует общемировой тенденции. Характеристики женского предпринимательства исследуются на предмет их особенностей и предполагаемых проблем, а также влияния материнства на предпринимательскую деятельность. В контексте теории смены гендерных ландшафтов, женское предпринимательство также рассматривается как способ трансформации гендерных структур. Сеть женского предпринимательства создает возможности для укрепления положения женщин в трех плоскостях: за счет становления предпринимателей и трансляции индивидуального опыта; за счет построения отношений, основанных на гендерном равенстве; за счет участия в изменениях как держателей ресурсов. Исследователи утверждают, что, принимая маскулинный дискурс бизнес-сообщества, женщины одновременно ставят его под сомнение (Roos, 2018), иницируя новые образцы взаимодействия в нем, связанные с их персонализированным опытом. Увязка предпринимательства и символического смысла лидерства позволяет по-новому взглянуть на то, как создаются сети женского лидерства и как они могут способствовать гендерному равенству в обществе.

Важный вопрос о статусе женского предпринимательства поднят в исследовании социолога Анастасии Воронковой, которая пришла к заключению о дискриминации по признаку пола на лидерских позициях в сфере экономической элиты. Она проанализировала список самых богатых женщин России по оценке журнала Forbes за 2014—2017 и провела реконструкцию значения гендерного аспекта в публичных историях предпринимательского успеха в средствах массовой информации (Воронкова, 2019). Автор утверждает, что количество женщин в

бизнес-элите страны невысоко, что сказывается на ресурсах и возможностях влияния на формирование экономической политики страны. Траектории попадания в эту среду остаются сложными и зависят от следующих факторов: материальные (стартовый капитал, финансовое положение или доступ к кредитованию), статус семьи (большая часть предпринимательниц либо получили бизнес от отца / мужа, либо имели финансовые возможности для реализации своего проекта благодаря капиталу семьи), образование и опыт работы в бизнесе. Кроме того, женщины зачастую имеют формальный статус предпринимателя (как держатели акций) и практически не принимают участия в управлении компаниями (их истории успеха описываются через категории «жена миллиардера, экс-супруга экс-сенатора, дочь владельца крупной компании, жена бывшего сенатора» и т.п.). Женская бизнес-элита в современной России формируется преимущественно благодаря сетям личных связей, а не за счет расширения прозрачности ведения предпринимательской деятельности и снижения дискриминационного давления. Это формирует скептическое отношение к достижениям женщин в сфере предпринимательства и негативное восприятие женского бизнеса, масштабируемое на всех женщин-предпринимателей, в том числе тех, кто действительно вложил много сил в развитие своего дела.

Необходимость разрешения конфликта между работой и семьей долгое время считалась главным мотивом стремления женщин к предпринимательству. На сегодняшний день существуют альтернативные гипотезы о мотивах молодых матерей. Первая заключается в том, что к открытию своего дела их стимулирует снижение возможностей заработка при наемной работе из-за статуса материнства (Yang, Kasprczyk, 2023). В мировой практике женщины, ставшие матерями, непропорционально активно открывают новый бизнес, чтобы уменьшить штраф за материнство, который они в противном случае понесли бы за

наемную работу из-за дискриминации со стороны работодателя. То есть значимое снижение дохода по сравнению с периодом бездетности, снижение социальных гарантий, вызванное фрилансом и другими альтернативными форматами занятости, приводят к тому, что женщины рассматривают предпринимательство как способ скомпенсировать данные потери. Теоретически, эта тенденция более выражена для женщин, занимающих высокооплачиваемые или управленческие должности, учитывая более высокие альтернативные издержки, связанные с продолжением работы по найму, и более высокие потенциальные выгоды от предпринимательства, ввиду имеющегося опыта и знаний. Данная гипотеза подтверждена на странах европейского севера, есть основания полагать, что и для России в общих чертах она является справедливой.

Вторая гипотеза основывается на влиянии материнской роли на формирование перехода к предпринимательству, освещающая взаимные реляционные процессы контекста, выбора и результатов в карьерное развитие матерей-предпринимателей (Hudson Breen, Leung, 2020). Этот подход наименее известен и разработан среди прочих моделей женского предпринимательства, однако полученные нами данные наиболее точно могут быть поняты именно в логике того, как материнская роль стимулирует предпринимательскую активность, почему оправдано проведение параллелей между опытом материнства и предпринимательством. Среди немногочисленных исследований в этой области стоит выделить работу Магдалены Марковска, которая считает, что материнство можно воспринимать как ресурс, поскольку оно предполагает приобретение новых навыков и компетенций, а также возможность переоценки ценностей и идентичности, тем самым меняя восприятие структуры возможностей (Markowska, 2018). Опираясь на социально-когнитивную теорию Альберта Бандуры, Марковска рассматривает опыт материнства как трамплин для предпринимательской деятельности.

сти. В частности, анализируя типы навыков и умений, которые требуются от родителей при воспитании детей, природу проблем, с которыми они сталкиваются, и характер переживаний, через которые родители проходят в этом процессе, автор делает вывод об их сходстве с контекстом бизнеса. Развиваются два важных следствия этого аргумента: а) материнство как источник ресурс, практика и идентичность; б) женщины-предприниматели не являются однородной группой, и для того, чтобы лица, ответственные за разработку политики, могли предоставить эффективные инструменты для соответствующих подгрупп, необходима дальнейшая кластеризация.

Другая группа исследователей, работающая в данной парадигме, использует реляционную теорию для изучения карьерного опыта матерей-предпринимателей (Hudson Breen, Leung, 2020). Тогда как большинство исследований эффективности бизнеса исходят из того, что выбор предпринимательской стратегии зависит от мотивации и профессиональных навыков, Худсон Брин и коллектив считают, что многое определяет контекст, личная жизнь человека, но ядро выбора часто связано именно с материнской ролью. Применяв метод обоснованной теории для интерпретации данных социологического интервью с матерями-предпринимателями, они доказали, что, если материнская роль воспринимается как ресурс, создается воспринимаемый сдвиг в структуре возможностей, что приводит в числе прочего к появлению возможностей признания. Каждая из матерей-предпринимателей, участвовавших в этом исследовании, говорила о том, как этот переход изменил траекторию их карьеры, обеспечив возможность пересмотреть свое профессиональное развитие и рассматривать предпринимательство как вариант, который позволил бы им иметь большую автономию в выборе реализации своей Я-концепции и жизни в соответствии с основными ценностями.

Авторы приняли решение отойти от метафоры «баланса» (которую участники отвергли как нереалистичную, подразумевающую несуществующее состояние достигнутого равновесия перед лицом конкурирующих приоритетов) в пользу термина «управление» (необходимость делать выбор и адаптироваться), подчеркнув агентность матери-предпринимателя и ее творческое сочетание ролей. Таким образом, реляционная линза позволяет по-новому объяснить не только механику выбора предпринимательства как формы профессиональной самореализации, но и то, как контексты влияют на форму, масштаб, сферу развития бизнеса. Эта концепция рассматривает гендерную роль как ресурс, а не ограничение, обеспечивает переосмысление взаимодействий между материнством и деловыми ролями, при этом идентичность матери выступает в качестве важного фактора, способствующего развитию дела мамы-предпринимателя.

Выражая солидарность с данным подходом, отметим, что полученные нами данные говорят о наличии еще одного фактора предпринимательской активности матерей: повышение уровня социальной зрелости. Социально-психологические изменения, происходящие с женщиной в связи с материнством, будут подробнее рассмотрены в Главе 4, но здесь имеет смысл упомянуть о тех процессах, которые потенциально влияют на профессиональные решения в том числе, симулирующие появление бизнес-идей. На рисунке 13 показано, что более трети женщин (36,52%) отметили у себя повышение мотивации и энергии для достижения профессиональных успехов.

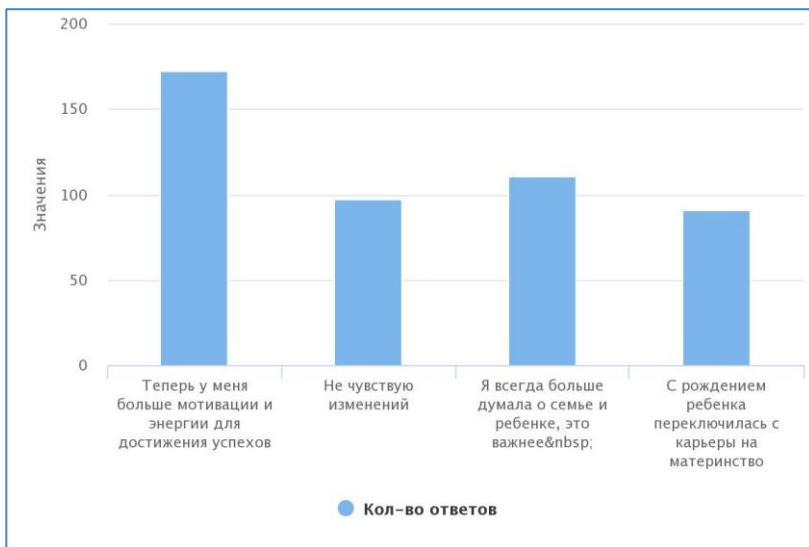
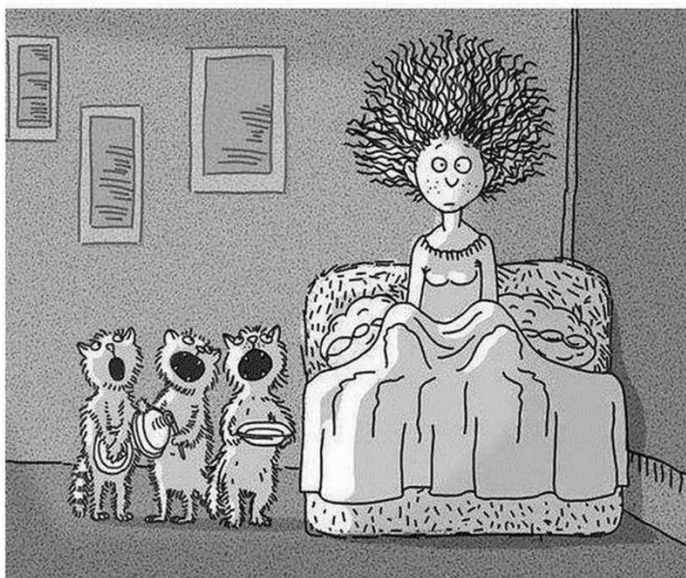

Рисунок 13. Как рождение ребенка повлияло на Ваши профессиональные амбиции?

В интервью мамы часто говорили о повышении ответственности в связи с рождением ребенка, ощущением себя взрослым человеком и переоценке фактов и событий своей жизни с этих позиций (Рис. 14). Возможно, это действие одного из древнейших механизмов эволюции, поскольку повышение ответственности матери является ключевым условием выживания потомства. Биологическая установка усиливается и социально-культурным программированием, когда именно мать принимает на себя всю полноту ответственности за жизнь, здоровье и благополучие детей: *«И на самом деле, женщина с младенцем на руках – это один из самых уязвимых вообще людей, потому что она отвечает не только за себя. На ней очень много ответственности, но она сама может очень мало сделать»* (цитата из интервью, 1 ребенок, 33 года).

**Проснулась утром..
Лежу, жду, когда мама
завтрак приготовит,
а потом вспомнила,
что мама - это я!**

**Рисунок 14. Интернет-мем на тему
материнской ответственности**

«Я очень сильно поменялась. Мне кажется, я раньше была гораздо легкомысленнее. У меня понятие ответственности пришло только с детьми. Что ты ответственен за чью-то жизнь. Я родила первого ребенка в 34 года. Я считала, что я ответственная, но я ошибалась. Только став мамой я поняла,

что такое настоящая ответственность. Вообще есть такие прирожденные матери. Девочки рожают двоих, троих, четверых и вот у них прямо талант к материнству. Мне лично всему нужно было обучаться. Я не готова была, чтобы вот так раз и все сравняли с землей – хотя именно так и было, все твои границы, все привычки. Потом это начинаешь потихоньку все восстанавливать. Вот я учусь мамой быть каждый день. Нет такого, что я такая классная мама, все получается (смеется). У меня деть прошел хорошо – и классно. Бывает, день все из рук валится, а на другой – думаешь, о как классно, я тут все поняла» (39 лет, 2 детей).

Наши респондентки называли чаще традиционные «женские» направления для своего потенциального (или существующего) бизнеса (Табл. 10): производство и/или продажа продуктов питания, производство и/или продажа одежды, текстиля, парикмахерские и/или косметологические услуги, образовательные услуги, консультационные услуги, услуги творческого характера (фотография, организация мероприятий и т.д.). Лишь 2,16% готовы заняться техническими или инженерными проектами. Среди вариантов «другое» популярны автомобильный бизнес, строительство, реабилитация, садоводство, IT.

Такое распределение соответствует канонам о приемлемых для женщин направлениях работы, соответствующих основным «фемининным» профилям образования. Важно, что эти направления бизнеса а) выполняют социальный заказ²³ б) не являются удачным с точки зрения соотношения затрат и прибыли решением. И все же женщины предпочитают ориентироваться на невысокий доход в понятной сфере, чем пытаться конкури-

²³ По данным Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России», до 90 % социально ориентированного бизнеса в нашей стране осуществляются женщинами. Режим доступа: URL: <https://opora.ru/projects/zhenskoe-predprinimatelstvo> (дата обращения: 14.11.2023).

ровать с мужчинами на «их поле» – в строительстве, грузоперевозках, IT-отрасли.

Таблица 10. Если бы у меня был свой бизнес, то это был бы (или указать существующий)

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Производство и/или продажа продуктов питания	35	7.54
Производство и/или продажа одежды, текстиля	85	18.32
Парикмахерские и/или косметологические услуги	52	11.21
Образовательные услуги	58	12.5
Консультационные услуги	86	18.53
Услуги творческого характера (фотография, организация мероприятий и т.д.)	89	19.18
Техническая сфера, инженерия	10	2.16
Другое	49	10.08

Следующий вопрос – попытка выявить субъективные барьеры для реализации своего предпринимательского потенциала (Табл.11). Самая распространенная проблема – нехватка времени²⁴ и внутренних ресурсов (32,04%). Согласимся в этом

²⁴ Трудовая нагрузка по уходу за детьми оценивается в среднем в 11 часов в неделю (для маленьких детей существенно выше), по

плане с выводами научного сотрудника Института социологии РАН Анны Зориной о том, что одним из ключевых факторов успешности предпринимательства является ресурсная насыщенность. В качестве ресурсов, которые интерпретируются автором как способствующие успеху в бизнесе, она выделяет наличие качественного школьного образования, высшее профессиональное образование, высокую профессиональную квалификацию, владение технологиями работы с информацией, знание законов, высокий уровень институционального доверия. Неудачные попытки ведения бизнеса характерны для женщин преимущественно со средним специальным образованием, негативной динамикой состояния здоровья, нецелевой стратегией информационного поиска, низкими субъективными оценками институционального доверия, недостатком профессиональной квалификации, неудовлетворенностью уровнем материального благосостояния (Зорина, 2023). Также отмечен факт наличия у состоявшихся женщин-предпринимательниц двух и более несовершеннолетних детей (что соответствует нашим наблюдениям о «социальной зрелости» матерей, о чем идет речь в предыдущей главе).

Далее следуют отсутствие стартового капитала (22,18%), нехватка знаний и опыта (21,4%), отсутствие предпринимательской потребности («не мое» - 13,88%), бюрократические проволочки и налоги (5,97%). Характерно, что доля типичных традиционалистских установок невысока (менее 3%), но имеет место. Среди вариантов «другое» отмечены негативное влияние ковида, отсутствие помощи со стороны близких в уходе за детьми, частые детские болезни.

выполнению других домашних обязанностей - в среднем 30–40 часов в неделю (Карабчук, Нагерняк, 2013).

Таблица 11. Что было для Вас наиболее серьезным препятствием в развитии своего дела в период отпуска по уходу за ребенком?

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Нехватка знаний и опыта	165	21.4
Нет стартового капитала	171	22.18
Нехватка времени и внутренних ресурсов	247	32.04
Бюрократия, налоги, риски	46	5.97
Пусть бизнесом занимаются мужчины, а женщины - детьми и домом	21	2.72
Бизнес — это интересно, но не моё	107	13.88
Другое	14	1.82

Молодые мамы в целом позитивно оценивают женское предпринимательство (Табл. 12). Почти половина опрошенных видят в нем возможность реализовать свои идеи и мечты, более 43% - способ достижения финансовой независимости. Скептически оценивают возможности женского бизнеса в России чуть менее 3%, еще 4,7% считают, что женщинам лучше заниматься семьей. Среди вариантов «другое» стоит отметить: «Внутренняя гармония души и тела женщины», «Это почти всегда надрыв и выбор», «Убыток, трата денег мужа, времени женщины и неухоженные дети в 99%», «Головная боль и отсутствие времени на семью и детей», «Это предпринимательство ничем не отличающееся от мужского, способ реализовать себя, приносить пользу и получать за это деньги». Разнообразие оценок, их по-

лярность, подчеркивает разрозненный и противоречивый дискурс женского предпринимательства в России, присутствие в нем крайних, диссонирующих установок: от «это меня не касается, это дело мужчин», до «никаких различий между женским и мужским предпринимательством нет».

Таблица 12. Продолжите фразу

«Женское предпринимательство – это...»

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Способ быть финансово независимой и самой распоряжаться своим временем	202	43.53
Возможность реализовать свое идеи и мечты	218	46.98
Невозможно в нашей стране	11	2.37
Лишняя для женщин головная боль, лучше заняться семьей	22	4.74
Другое	11	2.37

В целом, можно говорить о существовании как минимум трех предпосылок, которые способствуют более глубокому пониманию того, что мотивирует матерей заниматься такой ресурсозатратной работой, как предпринимательство: гибкий график, возможность высоких доходов и повышение уровня социальной зрелости, необходимое для развития бизнес-идей и эффективного ведения бизнеса. Вместе с тем, общепризнанным фактом является и то, что предпринимательство – одна из самых сложных профессиональных стратегий. Традиционно выделяют три источника конфликта между работой и семьей: конфликт времени

(время, посвященное одной роли, не может быть использовано для выполнения других ролей), конфликт напряжения (когда напряжение в одной роли влияет на производительность в другой) и конфликт поведений (когда стили поведения на работе, такие как властность, несовместимы с поведением, необходимым дома) (Greenhaus, Beutell, 1985). Гибкость графика работы предпринимателей не означает уменьшение общего временного ресурса, который затрачивается на выполнение дел (в большинстве случаев, требуется даже больше времени, чем при работе по найму), это лишь возможность использовать время в удобных для себя вариантах. Высокая интенсивность предпринимательской работы (физические, эмоциональные, когнитивные нагрузки) усиливают конфликты напряжений и поведения. По имеющимся данным (Brieger, Sonbol, 2023), предпринимательницы оказались наиболее уязвимы в экономическом и психоэмоциональном плане в период пандемии по сравнению с предпринимателями-мужчинами (например, на данных США снижение деловой активности женщин составило 25% (Fairlie, 2020), поскольку кратно возросла не только их рабочая нагрузка, но и семейная (перевод на дистант школьников, закрытие дошкольных учреждений). Влияние ковидных ограничений на самозанятых показало, что женщины примерно на треть чаще сталкиваются с потерей дохода, чем их коллеги-мужчины (Graeber, Kritikos, 2021). Гендерный разрыв среди самозанятых во многом объясняется тем, что женщины непропорционально чаще работают в отраслях, которые сильнее пострадали от пандемии COVID-19, а также значительным рисками от ограничений, введенных правительством, например, регулирования часов работы.

Таким образом, эмпирические данные свидетельствуют о том, что основой неравенства женщин на профессиональном рынке является не только дисбаланс в оплате «маскулинного» и «фемининного» труда, но и потери, связанные с наличием ре-

бенка/детей. Рост конкурентоспособности матерей зависит от наличия доступного ухода за детьми и предоставления оплачиваемого отпуска, оптимальная продолжительность которого с точки зрения сохранения карьерных перспектив составляет не более 2 лет (Абдулаева, 2020). «Штраф за материснтво», проявляющийся в ограничении доступа к высокооплачиваемым позициям в организации, сопряженном с отсутствием перспектив в карьере и дискриминационным отношением со стороны руководства (Уткина, Гаспарян 2019), оказывает не только ситуативное, но и стратегическое влияние на жизнь женщины. Интерсекциональная оптика, через переход от универсализма в отношении изучения женского опыта к контекстуализации и партикуляризации, позволяет увидеть множественность эффектов материнства на профессиональные стратегии матерей и возможности их реализации. Одной из таких стратегий выступает предпринимательство как возможность гибкого графика, высокого уровня доходов и реализации созидательного потенциала. Исследования женского предпринимательской активности имеют практический вес при разработке целенаправленной политики, включающей возможностей наставничества и обучения предпринимательству.

ГЛАВА 4. Эмоциональное самочувствие молодых матерей и практики взаимной психологической поддержки (на материалах интернет-сообществ²⁵)

Изучение эмоционального самочувствия женщин в период отпуска по беременности и родам, а также в первые годы материнства является важной исследовательской и практической задачей. Психологи отмечают, что для многих материнство оказывается гораздо более стрессогенным, чем они ожидали, а следовательно, необходимо рассматривать этот период не только как основу благополучия и гармоничного развития ребенка, но и как вхождение женщины в новую социальную роль, представляющую собой результат ее осознанного выбора (Ильина, 2020). Доктор психологических наук Галина Филиппова так описывает эту проблему: «женщин утомляет и истощает постоянная и бесменная забота о ребенке, при этом они испытывают одновременно чувство вины за то, что не находят в себе ярко выраженного эмоционального стремления к ребенку, и чувство неудовлетворенности отношением к себе близких, которые не ценят их самоотверженный материнский труд <...> Считается, что мама должна все делать для ребенка сама, причем делать это «идеально», да еще быть при этом довольной и счастливой. Отклонение от этих параметров расценивается как «предательство» по отношению к ребенку и как неполноценность матери - эмоциональная и операциональная» (Филиппова, 2017).

Одним из наиболее серьезных психологических последствий считается послеродовая депрессия. С медицинской точки зрения послеродовая депрессия может протекать в трех клинических вариантах: послеродовая депрессия (встречается у трети женщин, преходящее состояние, не требующее лечения), легкое

²⁵ Для иллюстрации тезисов используются материалы сообщества #щастьематеринства, социальная сеть ВКонтакте

или умеренное выраженное состояние, возникающее в течение года, после рождения ребенка (развивается у 10 % женщин), послеродовые психозы с атипичной картиной (депрессивные или маниакальные симптомы присутствуют одновременно, в дальнейшем высок риск развития биполярного расстройства) (Апресян, 2015; Аргунова, 2010).

Симптомокомплексы послеродовой депрессии включают в себя снижение настроения, снижение интересов или удовольствия от деятельности, снижение энергии и повышенная утомляемость (Аргунова, 2010). Этиология и специфический патогенез возникновения послеродовой депрессии не установлены, однако очевидно, что природа этого состояния носит не только физиологический характер (медики относят к ним патологию щитовидной железы, реактивность гипоталамо-гипофизарно-адреналовую ось, наследственность и др. (Корнетов, 2015), преждевременные роды, наличие в анамнезе аффективных и тревожных расстройств, предменструального синдрома, повышенная чувствительность к эффектам половых гормонов на центральную нервную систему). Основными социальными факторами риска являются дефицит поддержки со стороны окружения, конфликтные отношения с партнером, домашнее насилие, зависимости от психоактивных веществ, низкий уровень доходов, неудовлетворенность своим телом, некоторые черты личности (перфекционизм) (Айзберг, 2021).

Выделяют различные виды послеродовой депрессии (Dorsch, Rohde, 2015):

1. Послеродовая депрессия с преобладанием чувства вины. Характерные проявления – недовольство собой в роли матери, ощущение непригодности к данной роли. Крайняя выраженность – суицидальные намерения.
2. Послеродовая депрессия с обсессивно-компульсивным синдромом. Характерны навязчивые мысли о возможном причинении матерью вреда своему ребенку.

3. Депрессия с паническими атаками.

Процессы адаптации к материнству сами по себе отличаются сложностью, поэтому существуют затруднения для диагностики послеродовой депрессии. Нарушения сна, утомляемость, снижение либидо, изменения аппетита и перепады настроения выглядят «нормальной» ситуацией материнства, с которой сталкиваются едва ли не все родившие женщины, что, однако не делает их легкими и безобидными. Помимо перечисленных выше симптомов, при послеродовой депрессии может наблюдаться весь спектр депрессивных состояний: снижение способности получать удовольствие (ангедония), снижение мотивации, страх, суицидальные мысли, психомоторная заторможенность или ажитация. Типичным симптомом послеродовой депрессии является убежденность женщины, что она является плохой матерью (Айзберг, 2021).

Практика показывает, что в России нет механизмов ранней диагностики послеродовой депрессии. В общественном сознании не сформировано отношение к данному состоянию как к опасному, ухудшающему качество жизни матери и ребенка. Моментами «социального прозрения» являются резонансные случаи, когда женщины истязают себя или своих детей. Так, в 2020 году в г. Карпинск Свердловской области при случайных обстоятельствах была найдена истощенная новорожденная девочка, которую мать полгода продержала в шкафу. 37-летняя женщина тайно родила девочку, не встав на учёт в женской консультации и не обратившись в больницу. За новорожденной мать не ухаживала, держала дочь в шкафу в течение шести месяцев. Позже выяснится, что спас ребенка 13-летний старший брат. Мать судили по статьям «Истязание в отношении малолетней», «Оставление в опасности», «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью в отношении малолетней» и «Ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию малолетней». В итоге женщину приговорили к пяти годам колонии и

штрафу в 60 тысяч рублей (с отсрочкой). Стоит отметить, что контекст ситуации остался «за кадром»: бросивший семью отец новорожденной девочки знал о ее существовании; периодически он избивал и насиловал бывшую жену; женщина одна содержала всю семью, у нее накопились долги по кредитам. Родственники считают, что всё это случилось из-за «тяжелого психологического состояния дочери: нервного срыва и депрессии, о которой она никому не рассказывала, держала в себе»²⁶.

История имела большой общественный резонанс, но незначительные социальные последствия. Экспертами давались значимые оценки, но никаких политических решений не последовало: *«Мне кажется, что проблема в том, что мы как общество видим уже финальную стадию заболевания. А вообще-то, этого можно было и не допустить. Но когда обществу предлагаешь поддержать подобные проекты, они говорят: «А для кого ты рождала, чем ты думала?»*²⁷

За 2022 год в России совершено свыше 100 тыс. преступлений против несовершеннолетних, в том числе 80 убийств детей родителями²⁸. Психологическое состояние матери – ча-

²⁶ Подробнее в материалах Е1: «Она не девочка из шкафа, а наша любимая Варечка». Бабушка рассказала, как живет ее спасенная внучка. Доступно по ссылке <https://www.e1.ru/text/family/2022/04/01/70731668/>; В Свердловской области вынесли приговор матери «девочки из шкафа». Доступно по ссылке <https://www.e1.ru/text/incidents/2022/03/31/70730636/>; Жительницу Карпинска, которая полгода держала дочь в шкафу, признали вменяемой. Доступно по ссылке <https://www.e1.ru/text/criminal/2021/03/11/69805772/> и др.

²⁷ «Мы как общество виноваты»: благотворитель — о том, как можно было предотвратить трагедию в Карпинске. Доступно по ссылке <https://www.e1.ru/text/incidents/2020/10/10/69499815/>

²⁸ Материал РБК. В России за год совершили 100 тыс. преступлений против детей. Доступно по ссылке <https://www.rbc.ru/society/24/11/2023/6560a8799a7947efee6b76f7?ysclid=lpifsd3wad6666375>

стый фигурант таких сводок, однако эта проблема не осмысливается как значимая в логике институциональных решений по поддержке материнства.

Безусловно, не каждый опыт материнства, даже осложненный обстоятельствами в виде бедности, одиночества, болезней имеет столь тяжелые последствия. Важно рассматривать материнство – как процесс ресоциализации, сопряженный со множеством внешних и внутренних трансформаций. Этот процесс часто не является безболезненным, требует внимания и поддержки со стороны окружающих, принятия солидарной ответственности за детей. Исследователи отмечают, что переосмысление жизненных установок происходит не только у матерей, но и у отцов, в частности социолог Мария Голева выделяет следующие аспекты родительского переосмысления: «вы в одной лодке» – осознание того, что супруги «работают в команде»; ребенок как «третий», опосредующий отношения; значимость «переключений» – возможностей для индивидуального проведения времени в соответствии с личными потребностями, а также семейного совместного времяпрепровождения (Голева, 2023). Стоит отметить, что изменения у отцов происходят как результат социального выбора, тогда как для женщины, родившей ребенка, изменения неизбежны.

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что признаки послеродовой депрессии у себя наблюдают более 34% опрошенных молодых матерей (таблица 13).

Основными признаками эмоционального выгорания матери считаются: безразличие и формальная забота о ребенке, снижение эмпатии, сдерживаемое раздражение или открытая агрессия по отношению к ребенку, негативное оценивание собственной родительской функции и социальная изоляция (Апанович, Серых, 2023). Преодоление этого состояния (если оно не сопряжено с требующими медицинского участия симптомами)

связано в первую очередь с сетями поддержки и возможностью артикуляции своих проблем.

Таблица 13. Как бы Вы оценили свое психологическое ощущение в период декрета/отпуска по уходу за ребенком?

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Депрессивное состояние	163	34.61%
Расслаблена, была погружена в ребенка	171	36.31%
Много энергии, хотелось сделать много нового	56	11.89%
Не изменилось по сравнению с периодом до рождения детей	50	10.62%
Другое	31	6.58%

«Нематеринские» практики матерей становятся сферой, активно переживающей цифровую трансформацию. Виртуальное пространство как агент материнской ресоциализации обладает рядом возможностей (снижение зависимости от среды, оперативное получение любой информации, доступный механизм заработка и обеспечения финансовой независимости, возможность поддерживать профессиональный статус, быть включенной в профессиональное поле, возможность разнообразить «декретные будни», доступ к образованию и саморазвитию, включенность в материнское сообщество (общение, эмпатическое слушание, обмен опытом), возможность самовыражения, репрезентации своего материнского статуса) так и определенными рисками (усиление чувства социального одиночества, мо-

шенничество, инфоцыганство, физическая и моральная перегруженность, сложность организации рабочего пространства и времени, формирование чувства вины за «недостаточно хорошее» материнство, поглотитель времени). При этом изменения в жизни матери в связи с цифровизацией происходят на разных уровнях:

- На уровне организации быта и повседневности (онлайн-покупки, онлайн-консультации, цифровые услуги для родителей)
- На уровне получения информации (курсы по подготовке к родам, информация об уходе, здоровье, воспитании, развитии)
- На уровне профессиональной занятости (фриланс, дистанционная занятость)
- На уровне «нематеринских» практик (онлайн-образование, экономическая активность в т.ч. предпринимательство, социальный и экоактивизм и др.)
- На уровне материнского сообщества как агента ресоциализации («цифровая песочница», материнская самопрезентация)

Последний пункт является важным для понимания актуальных практик адаптации современных женщин в роли матери, преодоления социальной изолированности первых лет материнства, но наименее изученным. Обмен опытом между матерями является, на наш взгляд, не просто реализацией потребности в общении, он служит механизмом решения широкого спектра проблем в условиях ограниченной информации. Наши информантки признают, что быть мамой – сложная и ответственная работа, которой нужно учиться. Это ежедневные вызовы компетенциям в медицинской, образовательной, коммуникационной сфере, проверка навыков взаимодействия с инстанциями, родственниками и работодателем. Поскольку материнству нельзя

научиться теоретически, а опыт старшего поколения не всегда релевантен, обмен информацией между матерями, взаимное консультирование и общее проблемное пространство формирует материнское сообщество, которое становится основой референтной группы женщины в период декретного отпуска. Формат «песочницы» значительно расширился благодаря интернету, позволяя круглосуточно чувствовать себя частью материнского сообщества: получить совет, помощь, обсудить весьма специфичные материнские вопросы. Онлайн-пространства (форумы, каналы, социальные сети) стали важными культурными областями, где артикулируются истории материнства и формируются практики материнского поведения.

Стоит отметить, что цифровые сети стимулировали возникновение (или видоизменили) практики материнской самопрезентации – ведение блогов, аккаунтов, где женщина рассказывает о своем материнстве, не имея цели обмена опытом. Сообщение друзьям (в широком смысле этого слова, включая всех подписчиков) о беременности и рождении детей, демонстрация детей, их достижений и контекстов воспитания занимает одну из самых популярных позиций в социальных сетях. Есть мнение, что континуум онлайн-практик можно идентифицировать, начиная от конфессионального до радикального, от основателя сообщества до исполнителя, от любителя до профессионала. В этом смысле блогосферу можно рассматривать как пространство, где идентичность и роль материнства социально (ре)конструируются (Arnold, Martin, 2016). Стоит отметить, что выводы исследователей относительно репрезентации материнства в социальных сетях противоречивы. С одной стороны, женщины проецируют позитивную самооценку, избегают делиться проблемами и обсуждают только положительный опыт в Интернете, что приводит к искаженному восприятию жизни. Более того, утверждается, что «идеальная инсценировка материнства» токсична для матерей, отрицательно влияет на их са-

моценку и эмоциональное состояние (DeGroot, Vik 2021). Другие авторы фиксируют ряд противоположенных тенденций: узаконенное выражение амбивалентных эмоций в цифровых материнских сообществах; стирание границ между частным и общественным; возможности для женщин играть с альтернативной идентичностью (Bailey, 2023).

Существует множество исследований, которые указывают на то, что цифровая среда является пространством, способным обеспечить профессиональные и коммуникативные потребности во время переходного декретного периода, решить проблемы географической или социальной изоляции, трансформации идентичности и приспособиться к новым, незнакомым требованиям. Различные интернет-активности матерей создают цифровой след, который представляет собой различные способы артикуляции материнства и культурного конструирования идентичности матери. В определенном смысле цифровые технологии действуют как посредник между индивидуальным опытом материнства и нормативным материнством, задающим рамки «правильного», «приемлемого» поведения женщины в выполнении ее репродуктивных «обязанностей».

Таким образом, обмен историями жизни становится центральным звеном материнских онлайн-сообществ, позволяющим женщинам адаптироваться к ситуации материнства, ощутить себя носителем коллективного опыта. На сегодняшний день существуют несколько форматов материнских «цифровых песочниц»: форумы, сообщества в социальных сетях, Telegram-каналы, чаты (знакомых между собой матерей). Материнские форумы, пользовавшиеся большой популярностью несколько лет назад, часто объединяли матерей по возрасту детей. Беременные женщины создавали ветки форумов (они назывались по месяцу предполагаемого рождения – например, «июнята», «ноябрята», «декабрята» и т.д.), где делились историями своей жизни, обменивались информацией, касавшейся подготовки к родам,

уходу за детьми, медицинскими рекомендациями и т.д. После рождения детей группа «переезжала» на новую ветку – малышей, где круг обсуждаемых вопросов расширился, включая в себя специфические для младенческого периода темы: кормление, уход, развитие. Кроме этого, форумы выполняли рекреационную функцию, позволяли обсудить проблемы, волнующие матерей на личностном уровне. Последнее время популярность форумов снизилась (по крайней мере, наблюдаемых нами в Свердловской области), но возросла роль сообществ в социальных сетях и Telegram-каналах. Важно, что на смену идентифицируемому участию (часто мамы-форумчанки инициировали встречи, общались оффлайн) пришло анонимное участие. Популярное сообщество #щастьематеринства в социальной сети ВКонтакте насчитывает более 140 тысяч подписчиков, причем авторство публикуемых постов-историй анонимно. Кроме того, отключена возможность комментариев – это способ защитить женщин от негативных высказываний и критики: *«Накипело? Задолбало? Не с кем поделиться? Ты не одинока, нас — много. Нам есть что рассказать».*

Некоторые сюжеты, публикуемые в сообществах, шокируют своей прямоотой и «привычностью» - за тяжелым индивидуальным опытом стоит нормализованный механизм, воспроизводящий этот опыт в тысячах женских судеб. Вот одна из таких историй:

*«Я все-таки нашла работу, я продавец на полдня (работа для студентов.) Так было указано в вакансии. Это единственное, что мне подходит по графику, там никто не умрет, когда я позвоню утром и скажу, что температура поднялась, это все что мне светит. У меня буквально опускаются руки, у меня три образования, у меня опыт, но кому это надо, когда на тебя нельзя положиться? Ты ненадежный сотрудник. Я понимаю всех и каждого работодателя, который не хочет в команду такой *****, а я в свою очередь не хочу умываться холодным*

*потом, когда она кашляет, а на дворе поздний вечер, а рано утром тебе нужно быть на месте, там от тебя зависит всё, и ты просто трясешься всю ночь, без конца прикладывая ладошку ко лбу, нет ли этой проклятой температуры, не можешь спать, нервничаешь потом весь день, не позвонят ли с сада. Я сдалась, я приняла свое положение. Я никто и ничто, продавец на полдня, работа для студентов. Мне 33. И ничего не изменится, не прилетит волшебник в голубом вертолете и не скажет - не парься, делегируй на меня. Всем *****! Все живут и ничего никого не волнует. Я не знаю, как у вас получилось обойти этот квест, но я всё. Реву сижу, а толку. Выхода оптимального нет. Мечты, планы, все рухнуло. Я держалась на той мысли, что это закончится, будет садик и вот я восстану из пепла, начну все заново, я считала дни, я знала, что все конечно и знала дату этого конца. Конца нет. В моем случае точно. Эту группу нужно читать тем, кто только собирается стать мамой, они должны знать все в полной мере, я не знала. Вот теперь за кассой прочувствую всё окончательно. Вот оно мое счастье материнства» (цитата из материнского сообщества).*

Отдельный блок «женских историй» посвящен поддержке семьи в первые годы материнства. Как уже отмечалось, этот период особенно рискован в плане развития депрессивных состояний и фактором, стабилизирующим психоэмоциональное самочувствие матери, является разделение ответственности за детей. Наибольшие ожидания молодые мамы возлагают на супругов, далее следуют бабушки с обеих сторон. Характерно, что роль дедушек практически не описывается, за исключением вспомогательных функций (привез то, что приготовила бабушка; сделал то, что сказала бабушка и т.д.).

Описывая ситуацию своего материнства, женщины приводят примеры того, как члены семьи структурируют ответственность за детей, легитимируя перегрузки матерей («Девиз

моей свекрови "Если ты не страдаешь, значит ты плохая мать"»).

«Однажды 2 года назад рассказываю маме о своей усталости, отсутствии сна, о том, как мне тяжело с ребёнком, и аллилуйя, слышу ответ: «Лена, помоги тебе бог». Спасибо, мам. Я этого никогда не забуду».

«Тут писали по поводу того, что родители и свекры прививают жертвенность по отношению к детям. Вот прям согласна. Я в 30 лет отпрашиваюсь у мамы сделать ремонт в квартире, чтобы быстрее переехать, и она решает, ехать мне или нет. Я спрашиваюсь как девчонка в 15 лет погулять до 11 и жду полдня, пока она глазами водит туда-сюда. Думает, отпустить или нет. Посидит она с детьми или нет. А я уже на все согласна, лишь бы вне дома. Унижаюсь перед родителями ужасно, лишь бы скорее переехать».

Тот факт, что помощь близких и принятие на себя части ответственности за детей воспринимается как везение, атрибутируется с положительными личностными качествами и чувством благодарности, говорит о усвоенной (инкорпорированной) установке на всепоглощающее материнство – ожидание со стороны общества, что мать должна пожертвовать собой ради детей, становятся частью материнской ролевой модели и безусловно влияет на качество жизни женщин.

«А я бы хотела быть такой свекровью, как моя. Я жила у неё несколько месяцев беременной, а затем с новорождёнными двойняшками + старший 3 лет. Она в 7 утра забирала детей и сидела с ними, говорила: пости, я знаю, что за ночь с грудным ребёнком, а у тебя двое. И я досыпала до 9 часов каждое утро. А на ночь она часто брала одного малыша и ложилась с ним, я уже спящего забирала. Потом по обстоятельствам через год я приехала к ней опять на пару месяцев. Она подтирала попы годовалым малышам, и однажды сказала: я вижу, как

ты устала, найди себе дело, я посижу с детьми. Так, три раза в неделю я стала ездить на фитнес».

Наиболее травмирующий опыт материнства связан с состоянием здоровья детей. Если частые инфекционные заболевания влияют на качество трудовой активности, до заболевания, угрожающие жизни ребенка, полностью изменяют привычный ход жизни, выводят материнский опыт из «норматипичности». Согласно данным Росстата, среди детей массой тела 1000 г. и более, родились больными или заболели 31,1%, из них 3,4% имеют врожденные аномалии (2021 г.)²⁹

На наш взгляд, родительству, сопряженному с серьезными детскими заболеваниями, должно уделяться особое внимание со стороны научного сообщества и государственных структур, формирующих программы социальной поддержки. Мы предлагаем использовать термин «аберрантное материнство» для описания экстремальных случаев, в том числе, детской инвалидности и угрожающих жизни болезней. Он определяет необходимость повышенной заботы не только по отношению к ребенку, но и к матери, на которую ложится большая часть нагрузки по уходу, психологической защите, а во многих случаях и по «борьбе с системой». Приведем примеры рассказов женщин из онлайн-сообществ:

«Мне сейчас так нужна поддержка! Так страшно, а я сижу и смотрю в одну точку, а вставать нужно в 5, чтобы ехать в обл. отделение хирургии. У дочки (9 лет) появилось большое уплотнение (см 6-8 в длину и 15 в ширину) на шее, педиатр спокойно назначил лечение и по "желанию" (заметьте, не обязательно даже) консультацию у стоматолога. Я пошла не к тому, что направили, в наглуую влезла к заведующему, типа нас к нему и направили. Он общупал и написал направление к заведующему хирургу в отделении. А тот созвав 3 коллег по от-

²⁹ Росстат. Здравоохранение <https://rosstat.gov.ru/folder/13721>

дельности спросил их мнение. Обстановку накалили представьте как... Вердикт - немедленно прям сейчас ехать в область (время 15, не легко пробиться к нему), вещи потом, все серьезно и без шуток. Нужна пункция, расположение плохое, плохо что нет температуры, боли и других симптомов. 99% вскрывать после пункции и далее по результатам. Моя бедная терпеливая девочка испугалась и молча плакала при ощупывании, чтобы не мешать. Почему не поехали сразу, спросите вы?! А потому что все это время я бегала занимала деньги, так как понимаю, что их нужно не мало. Как страшно! Говорят, что рак связан с наследственностью, ее прабабушка и прадед умерли от рака, другая прабабушка больна раком. У бабушки рак. Да и она все 9 лет своей жизни жила под обстрелами. Я шутила, купила ей цветные ручки, что она хотела, и с прибаутками собирала на завтра. А теперь во мне мрак, нужно спать и не могу, мысли одна чернее другой. За что это моей девочке?! Держите за нас кулаки!».

Эта история нашла многочисленные отклики. Тема детской онкологии одна из самых сенситивных, эмоционально нагруженных. По статистике, за последние 10 лет количество новообразований у детей выросло со 107,9 тысяч до 118,4 тысяч, что представлено в таблице ниже (Табл. 14)

«Сестре, которая не может спать из-за опухоли дочери. Держись. У меня у сына нашли онкологию в начале лета. Уже полгода живу в аду больницы. А был здоровый парень. Но! Рак — это не приговор! Его лечат, и неплохо лечат. Да, долго, страшно и тяжело. Но шансы, что все вылечится без последствий, очень большие. Поэтому спи, даже если не можешь. Силы тебе понадобятся. И не накручивай себя. Это не "за что" и не потому, что ты что-то сделала не так. Это слепой рандом. Дерьмо случается, но мы все переживём и станем сильнее. Обнимаю. Мы все с тобой».

Таблица 14. Динамика выявленных новообразований у детей, тыс.³⁰

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Выявлено новообразований	107,9	110,3	115,4	118,0	118,8	121,7	121,2	128,0	105,7	118,4

«Мы прошли это, шесть химий позади, удаление глазика. Все позади, а нам только три. Ты и твоя доченька очень сильные и смелые, у вас все получится преодолеть. Я помню это чувство страха и непонимания что делать, куда бежать... но поверь, на твоём пути попадетя много хороших людей, которые помогут, подскажут. Да, на самом деле мы не одиноки, даже лёжа в больнице. Деньги... Есть фонды, в которые можно обратиться за помощью, процедура не сложная. И помни одно, ты можешь открыть любую дверь, и зайти в любой кабинет. Ничего не бойся, я мысленно с тобой!!! Обнимаю вас, мамы, удачи, пусть все обойдется!!»

Изучение женских историй, публикуемых ими в социальных сетях, позволяет пролить свет на реальные судьбы тысяч женщин, оставшихся один на один с детской инвалидностью. Часто матери описывают ситуации, когда их интуитивное ощущение «что что-то не так с ребенком» входит в противоречие с позицией медиков и болезнь оказывается запущенной. Перегруженность персонала, кадровый голод детских больниц и недофинансирование системы порождают отчаяние и чувство социальной брошенности, которое остается артикулированным только на страницах женских сообществ.

³⁰ На основе данных Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/13721>

«Я плакала, когда дочь кричала по 20 часов в сутки. Я плакала, когда у неё шла кровь из кишечника. Я плакала, когда она не сосала грудь и не пила смесь. У неё не было диагноза, меня называли сумасшедшей. А по итогу аллергия, непереносимость. Я плакала, когда у неё появились задержки и отставания. Она не ползала, не сидела, не пыталась встать. У неё не было диагноза, врачи говорили отстать от ребенка. Я плакала, когда она не говорила слова ни в год, ни в два. Я рыдала вместе с ней в безуспешной попытке приучить к горшку. И от клейма "никчемная мамаша, наверное из телефона не вылезает." Последний раз я плакала навзрыд, выходя из медицинского центра, сжимая в руках бумагу с диагнозом ранний детский аутизм и РАС. Я вышла на всю улицу. Это было последний раз, когда во мне что-то с треском сломалось, или умерло. Я не сумасшедшая, с первого часа в роддоме было понятно, что с моим ребёнком что-то не так. И каждый последующий месяц это подтверждает. Я приняла свою реальность, мой ребенок - инвалид. С тех пор дочь заговорила словами, после долгих часов занятий. Она научилась есть, по советам эрготерапевта. Я положила свою жизнь на алтарь ребенка, у меня нет ни одного хобби. Все наши деньги мы тратим на занятия, сами в обносках. Я выучилась на родителя-терапевта. Но я теперь не плачу. Мой дух — это огромная окаменевшая мозоль. Нет никого сильнее матерей на всем белом свете. Потому что наш дух был закален в аду на земле».

Важно, что существующее законодательство в части ответственности за детей в данный момент работает не на стороне матерей. Психологически проще (устраниться, что социально приемлемо) и экономически выгоднее (размер алиментов ниже по сравнению с реальными расходами на ребенка, особенно требующего дорогостоящего лечения) мужчинам отказаться от отцовских обязанностей и пытаться реализовать свое отцовство в новой семье. Вот как женщины описывают подобный опыт:

«А у меня внутри паника. У младшего ребенка началась атаксия (при ходьбе шатается как будто пьяный) и тремор. Срочно пошли к неврологу. Нас отправили сдавать на генетику и делать снова МРТ. Ждать результатов 3 недели. Меня разрывает ощущение, что я не могу это контролировать. Если даже найдут что-то на МРТ, мы сможем это вылечить. Но генетическое заболевание, на которое мы сдавали, не оставляет шансов на жизнь. Я не знаю, как жить с этим чувством страха, которое заполнило все в моей жизни. А вишенкой на торте стал муж, который в такой момент решил развестись, т.к. мы живем ради детей. Где найти внутренние силы, я уже не знаю».

Пережитое разочарование определяет дальнейшие репродуктивные и семейные планы молодых россиянок, которые предпочитают спокойное одиночество «больной» семейственности. Повышение вовлеченности отцов, формирование культуры совместной ответственности является на наш взгляд гораздо более эффективным механизмом нормализации брачно-семейных отношений, чем дотационный подход.

«Декрет с дочкой я вывозила сама, на грани помешательства, получая бесконечные претензии и обесценивание. И хотя я всегда думала, что никогда подобного не прощу - прощала. Потому что он всегда объяснял, что причина его поведения была в том, что я его как-то не так люблю, недостаточно внимания уделяю и т.д. Хотя я всегда очень старалась делать всё возможное, как мне казалось, для наших отношений, но все равно - все вокруг были свободными и молодыми, лёгкими и яркими, а я оставалась изолированной от всех в своём одиночестве, наедине с маленьким ребёнком. И он «чувствовал себя со мной одиноко», не чувствовал страсти, поэтому проводил дни напролёт на работе, потом шёл гулять с подругами. По ночам закрывался на кухне и переписывался с незнакомыми девушками. В результате, я крепко села на антидепрессанты, начались

проблемы с нервами, самооценкой, доходило до селфхарма. Я стала истеричкой. А год назад ещё моя мама заболела раком, и этим летом ее не стало. Она была моим самым близким человеком. В тот момент я почувствовала, что осталась совсем одна. И что, наконец, повзрослела. Что у меня есть только я и моя дочь. Боль утихает, и я понемногу оживаю. Помогает ещё новая работа. И мне кажется, я возвращаюсь к себе. Старюсь держаться, чтобы не поддаваться на его уговоры. Я больше не хочу семью, не хочу тащить на себе ещё одного ненадёжного взрослого человека с нестабильной нервной системой. Это было не партнёрство, а черте что. Нужно позаботиться о себе. Потому что больше никому».

Хроническое недосыпание – одна из «нормализованных» материнских тягот, которые ухудшают качество жизни женщины и ее эмоционально-психологическое состояние. К сожалению, близкие люди не всегда осознают всю сложность и опасность ситуации усталости, ее возможные негативные последствия. Обращение к женскому опыту и изучение материнских историй является тем механизмом, который способен инициировать переосмысление родительского участия со стороны общности:

«Хочу рассказать историю женской усталости или как её видят мужики. Ребёнку 1,8 и если с ним поиграть (начать играть: взять книгу в руки, машинку, кубики, рыбалку... он подойдет и сам начнёт играть, всё иди и занимайся дальше своими делами). Вечер, я готовлю зефир, перед этим приготовила ужин, испекла рогаликов, стирка, уборка. Сын в это время требует внимания, я одной рукой взбиваю яблочное пюре, второй рукой варю сироп и ногой закрываю ящики, которые сын открывает. Эмоциональный накал зашкаливает. Папа наш сидит видосики смотрит. В итоге зефир отсаживала с сыном на руках. Убрала, накормила, сына спать уложила, сходила отмокла в душе и мне намекают, что пора бы и супружеский долг вер-

нуть! Говорю, дай отдохнуть хоть полчаса и отдам) И знаете, что у меня спрашивает мой любимый муж? А от чего ты устала? Я заржала как конь ему в лицо. Меня за 8 лет жизни с ним уже ничего не обижает и не удивляет, он, наверное, думает, что я по тихой грусти схожу с ума».

«Вот и я пополнила ряды "нерадивых мамаш". Мой ребенок упал с дивана. Я просто заснула, девы, просто заснула. Он лежал с краю, спал со мной, ночь была как обычно "поспали-поели-покричали-поспали" и по кругу... Проснулась я в момент его удара о пол, конечно он закричал, я взяла его на руки, успокоила, он разулыбался, все было хорошо. Но внутри было сомнение, что упал он лицом вниз, как-то нехорошо. Скорая, приемник, рентген - диагноз трещина. Все, на этом мой мир разрушился, я полетела в пропасть. Потом два раза делали УЗИ головы, узист трещину не видит, а доктор видит. Мы в стационаре. Завтра свой вердикт вынесут рентгенологи, опишут снимок. Так больно и тяжело, что совсем маленький малыш пострадал просто потому, что у меня жесточайшая депривация сна... некому сменить меня ночью, некому днём, муж (да, тут ж), на вахте. Моя спина кричит от боли, в ней куча протрузий. И тут ещё это... Дай нам высшие силы всем пережить болезни наших детей».

«Я завершила ГВ! Это такое счастье, было нелегко, но я смогла. Наконец-то у сына 1,4 наладился сон, спит всю ночь, редко просыпается. Но это не мешает мне не высыпаться. Муд сегодня объявил "вставай пораньше и вари сыну кашу, а то он просыпается и кушать сразу хочет". Я полтора года не высыпалась! Прямо сказала, что я полтора года не сплю, с учётом бессонницы в последние месяцы беременности, и так ложусь на полтора часа позже всех, ещё и вставай на полчаса раньше всех?". И он мне заявляет "ну ты 8 часов ведь спишь?", "вообще не 8", "ну вот. А Путин спит по 6 часов в день, страной управляет и не ноет"».

*«С третьим ребёнком у меня обозначилось отсутствие снов. Вообще. Я развелась. Бывший муж потерял квартиру, остался в долгах и оставил много долгов мне. Слишком много, чтобы выбраться. Я пытаюсь продолжать учиться, работаю. Сплю примерно 5 часов в сутки. Для меня такой режим катастрофичен, я разваливаюсь на части и мечтаю о лучшем качестве жизни. Я тоже обратилась к психиатру. Снова. Не из-за отсутствия снов. Обратилась, потому что я больше не могу проснуться. С первыми двумя я тяжело просыпалась. Но 5-10 будильников будили меня. Теперь я их не слышу. Третий ребёнок ещё маленький. Я думала, он подарочный. Но оказалось, он орёт по ночам, а я не слышу, не реагирую. Я не вижу больше никаких снов. Мой организм больше не может бороться и нормально функционировать. Я не слышу будильники. Я не могу встать, чтобы собрать старших в школу. Поэтому я пошла к врачу, мне надо жить, надо много работать. Моё здоровье посыпалось по всем фронтам, я резко начала стареть в свои около тридцати. Когда я не сплю, я всё время концентрируюсь на проблемах. Они нерешаемы. Я понимаю, что в связи с этим мне нужно придать им масштаб меньшей значимости. Но больше 90% мыслительной активности посвящены доведению своего внутреннего состояния до адского. Я ***** свою жизнь и свои возможности. Наверное, мой организм пытается уйти от реальности».*

Вместе с тем, женщины оценивают материнство как важнейший стимул своей жизни, ресурс преодоления трудностей:

«А я в очередной раз поняла, что #цм действительно счастье. На работе атас, мотают нервы просто мама не горюй. Весь вечер была на грани нервного срыва. А ночью пупс пришел, обнял меня своими ручками, и уснул. И я поняла, что пошел этот стресс лесом. Даже смогла успокоиться. Утром

проснулась практически в норме. Мой личный антидепрессант».

Часть наших информанток указывала на важную особенность своего «декретного» отпуска: возможность работать как способ сохранения психосоматического благополучия.

«Хотя я и психолог, знаю о депрессиях послеродовых, я сама депрессивный человек, но у меня не было ярко выраженно-го какого-то синдрома, что бы я могла говорить, что он у меня был. И у меня его не было до такой степени, что мне даже сложно поверить, что он вообще бывает. Ну я допускаю, что это есть. Действительно много женщин сталкивается с этими трудностями в период беременности и рождения детей, меня наоборот, я нервный человек, тревожный, и пока я работала, у меня мозг не парился про то, что же там с моим ребенком и это помогло, может быть, ребенку тоже спокойно расти и развиваться, чем тревожная мать-коршун над ней бы сидела бесконечно. Вот, как-то так» (цитата из интервью, 33 года, 1 ребенок).

Эмоционально-психологическое состояние матерей является важным фактором благополучия российских семей, определяет качество жизни женщин и детей. Наиболее сложным нарушением этого периода считается послеродовая депрессия, хотя пристального внимания заслуживают и «нормализованные» состояния: хроническая усталость как следствие нехватки сна, ощущение одиночества, потерянности, «недостаточно хорошего материнства». Мы констатируем, что внимание к данной проблеме носит периодический характер и вызвано резонансными событиями, тогда как действенных мер на социальном и политическом уровне не выработано. В этих условиях важным механизмом адаптации женщин к новому ролевому набору становятся цифровые площадки. Мы используем термин «цифровая песочница» как способ описания альтернативной виртуальной среды для общения матерей (форумы, чаты, телеграм-каналы,

сообщества в социальных сетях), выполняющей функции обмена опытом, эмоциональной поддержки и ресоциализирующего агента (артикуляция проблем и особенностей периода, «чувство локтя», признание нормотипичности опыта).

ГЛАВА 5. Государственная политика поддержки материнства: стимулирование рождаемости или забота о женщинах³¹?

Государственная политика поддержки материнства представляет собой не просто социальные трансферты семьям, имеющим детей, но и способ артикуляции ценностно-идеологических принципов конкретного общества. В основе актуальных исследований государственной политики, реализуемой под зонтичным определением «в интересах женщин» лежит концепт «гендерный порядок», позволяющий обнаруживать за решениями и проектами идеологический смысл.

Гендерный порядок – это система социальных норм, политической культуры и социальных институтов, формирующих в обществе отношение к гендерным проблемам и к их решению (Силласте, 2019; Рябова, 2017). Это высокоригидный конструкт, большую часть человеческой истории он фиксировал нормы, принципы и правила жизнедеятельности мужчин и женщин в границах, заданных патриархатной системой. Произошедшие за последнее столетия трансформации выявили его социально-культурную обусловленность, оспорив принцип биологического детерминизма. На смену доминирующей религиозной морали пришла светская этика, устранив божественную предопределенность гендерного неравенства. Были приняты и ратифицированы законодательные акты, закрепляющие равноправие мужчин и женщин. Женщины получили избирательные права и право на образование, которое весьма успешно реализуют. Произошла сексуальная революция и четыре волны феминизма, но на каждой российской свадьбе по-прежнему звучит пожелание, чтобы

³¹ Авторы выражают благодарность Георгию Шеметову за участие в подготовке материала раздела и помощь в осмыслении темы домашнего насилия.

муж был головой, а жена - шеей - как символ социально одобряемого неравенства.

Гендерный порядок неоднороден даже в рамках одного культурно-исторического среза: он может иметь разные парадигмальные основания в публичной и приватной сфере, в разных социальных слоях одного общества (Темкина, 2010; Здравомыслова, Темкина, 2007), в разных конфессиональных и этнических группах. Тем не менее можно выделить универсальные культурные коды, определяющие его контур в обобщенном виде. К ним, на наш взгляд, относятся: распределение властных и экономических ресурсов, доступ к образованию, юридические нормы (определение национальности, фамилии и отчества, родительские и наследственные права), профессиональная сегрегация, ритуалы ухаживания и брачного поведения, организация домашнего труда, репродуктивные установки и практики родовспоможения, организация практик воспитания и ухода, отношение к адюльтеру, отношение к девственности, идеалы красоты и др.

Г. Г. Силласте считает, что новый гендерный порядок, пришедший на смену парадигме «женского вопроса» XIX—XX вв., базируется на идее эгалитарности (Силласте, 2020), причем социально-правовой диапазон достижения равенства на современном этапе включает и женщин, и мужчин. Исследователи определяют его как суррогатный, постмодернистский, постфеминистский, переходный, транзитивный, гетерогамный что, в сущности, означает мозаичный характер, отсутствие однозначных и стабильных черт. Сложность этой мозаики определяется тем, что на нее воздействуют одновременно целенаправленные (такие как государственная политика) и случайные (такие как пандемия COVID-19). Причем вторые обладают высокой степенью непредсказуемости, влияние и последствия их сложно идентифицировать. Зависимость гендерного порядка как элемента государственной идеологии от политической конъюнктуры

юнктуры можно проследить по характеру официальных заявлений, сделанных властями за последние два десятка лет.

Стремление современного российского общества к «моральному суверенитету» (Рябова, 2017) определяет желание формировать собственный «неевропейский» гендерный порядок, зачастую действуя вопреки. Это объясняет популярность идей возврата к «традиционным ценностям», хотя для исследователя очевидно, что традиционные ценности, построенные на любви, согласии и взаимном уважении в условиях патриархата это скорее миф, чем реальность. Кроме того, открытым остается вопрос какие именно ценности стоит считать традиционными? В частности, интимная мораль советского периода, определяемая строго в соответствии с линией партии, развивалась скачкообразно - от сексуальной свободы и теории «секс как стакан воды» первого советского десятилетия до состояния страны, в которой, по эпическому выражению советской женщины на телемосте с Америкой, секса не было³². Влияние случайных факторов имеет обратную природу движения - снизу вверх, от частных ситуации к изменениям структурного порядка. Так, эпидемия коронавируса в первые месяцы поставила весь мир на паузу, обнажила проблемы, обострила противоречия и риски, показала реальное положение дел. В частности, стала очевидна декларативность принципов гендерного равенства, поскольку наиболее пострадавшей в экономическом плане категорией стали женщины, особенно одинокие матери.

Кроме того, оказавшись в ситуации совместноизоляции, многие семьи вынуждены были заново учиться взаимодействовать и распределять обязанности, которые распределились в

³² Перефразированное высказывание одной из советских участниц телемоста Ленинград — Бостон («Женщины говорят с женщинами»), записанного 28 июня и вышедшего в эфир 17 июля 1986 года.

итоге крайне неравномерно. Женщины пострадали от социальных последствий пандемии непропорционально сильно, о чем свидетельствуют данные международных исследований (McKibbin, Fernando, 2020). Какой эффект это окажет на существующий гендерный порядок? Анализ научных исследований позволяет выделить ряд основных аспектов, где изменения уже произошли или произойдут с достаточно высокой долей вероятности. Во-первых, увеличение домашней нагрузки, в том числе трудозатрат по уходу за детьми и домашнему обучению, привело к сокращению рабочего времени, его разорванности и фрагментарности, сказавшись на качестве работы, возможностях профессионального развития и заработной плате. Во-вторых, наибольший процент работающих женщин заняты в социальной сфере и сфере услуг, а именно эти отрасли пострадали в период карантина сильнее других, многие женщины лишились дохода и шансы на скорое восстановление экономики весьма призрачны. В-третьих, исследования медиков и психологов фиксируют серьезные нарушения психосоматического здоровья людей в период пандемии. Нарушения сна, чувство тревожности, неуверенность в будущем повышают риски возникновения конфликтов в семьях. Социологи также небезосновательно высказывают тревогу по поводу всплеска разводов как постпандемийного синдрома. В-четвертых, социальное дистанцирование ускорило процесс виртуализации приватных практик, что, на наш взгляд, способно коренным образом изменить существующий (уже новый) гендерный порядок, добавив ему сложности и колорита посредством феномена двойственной реальности (Швецова, 2022). Более десяти лет назад И.С. Кон писал, что ломка традиционного гендерного порядка закономерна и необратима, но ее причина - не феминизм, как принято считать, а новые технологии (Кон, 2008; 2011).

Важно обращение к тем контекстам со стороны государства, которые формируются для матерей с учетом указанных

общих социальных сдвигов. Для описания такого контекста целесообразно обращение к понятию «госфеминизм» или «государственный феминизм». Термин «государственный феминизм» вошел в словарь общественных наук с 80-х годов XX в. для обозначения рамочного характера политических сил в отношении гендерного равенства. Его использование в качестве оптики исследования гендерной структуры общества открывает возможность обнаружения влияния доминирующей социально-политической идеологии на формат гендерной повестки, на то, как меняется дискурс в отношении прав женщин в зависимости от политической конъюнктуры. На наш взгляд, существуют основания полагать, что российский госфеминизм имеет внутренние структурные противоречия, выраженные в попытке совместить параллельные линии гендерного развития: эгалитарную и традиционалистскую.

Одним из возможных инструментов выявления скрытых противоречий в политических дискуссиях на тему гендера выступает интерпретативный политический анализ. Рассматривая элементы официального политического дискурса (документы, выступления и заявления высших должностных лиц и др.) на предмет отражения в них гендерной проблематики, мы обнаруживаем базовые нарративы и повестки, определяющие положение женщины в современном обществе.

В России комплекс государственных мер ориентирован на продолжительный «декретный» отпуск и максимальную вовлеченность матери в заботу о ребенке первых лет жизни. Согласно ТК РФ, отпуск по беременности и родам в России составляет 140 дней, далее предоставляется отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, что значительно дольше, чем в большинстве развитых стран мира. Но фактически далеко не каждая женщина имеет возможность его использования. Ежемесячное пособие на ребенка до 1,5 лет составляет 40% от среднего заработка (максимальный размер не может

превышать 29 600 руб.). Для безработных, в том числе матерей, уволенных в период беременности, эта сумма составляет 7082 руб. Компенсационная выплата по уходу за ребенком от 1,5 до 3 лет составляла 50 руб. в месяц (с 1 января 2020 г. претендовать на нее могут не все). Учитывая бракоразводную статистику (более 43% разведенных пар воспитывают совместных детей) и размер алиментов (на одного ребенка размер составляет $\frac{1}{4}$ заработной платы, если отец заявляет МРОТ, то эта сумма составляет чуть более 2,5 тыс. руб.), для многих российских матерей декрет представляет собой серьезное экономическое испытание. Даже в ситуации финансовой стабильности длительный профессиональный перерыв имеет негативное влияние на карьеру. Эти факторы задают новый формат материнства, особенностью которого является стремление сочетать практики заботы о ребенке и профессиональную деятельность.

Многие россиянки выходят на работу до достижения ребенком 3-летнего возраста либо находят удаленную работу (это отметили более 70%, треть вернулись к работе в течение первых 6 месяцев). Основными мотивами работы в декрете являются неустойчивое финансовое положение, стремление сохранить профессиональные позиции и саморазвитие. Однако реализовать право на труд не так легко, поскольку, во-первых, мать традиционно выполняет большую часть задач по уходу за ребенком, во-вторых, система трудовых отношений в нашей стране не адаптирована к потребностям людей, имеющих малолетних детей.

В мировой и российской практике используются механизмы, позволяющие реализовать право на труд женщин в период декретного отпуска: правовое регулирование трудоустройства и защита занятости; доступность дошкольных учреждений; профессиональное обучение, переподготовка и повышение квалификации; гибкое налоговое законодательство для женщин-предпринимателей; организация лояльной к молодым матерям

среды на рабочих местах; стимулирование лидерской и предпринимательской активности; популяризация принципов равно-го участия обоих родителей в воспитании детей и уходе. Российское законодательство соответствует международным нор-мам по защите прав матерей. Трудовой кодекс³³ регламентирует особенности труда женщин, в том числе запрещено расторжение трудового договора с женщиной, имеющей ребенка в возрасте до трех лет по инициативе работодателя. Работающим женщи-нам, имеющим детей в возрасте до полутора лет, предоставля-ются перерывы для кормления ребенка. Отметим, что на прак-тике дело обстоит не столь оптимистично.

Теоретические основания гендерной политики изложены в Национальной стратегии действий в интересах женщин на пе-риод 2017–2022 гг.³⁴, где в числе достижений последних лет отмечены:

«...повышение конкурентоспособности женщин на рын-ке труда за счет принятия антидискриминационных мер... а также за счет организации профессионального обучения жен-щин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком; ...создание благоприятных условий для совмещения семейных обязанно-стей по воспитанию детей; ...государственная поддержка мало-го и среднего предпринимательства, в том числе с участием женщин; ...последовательная государственная поддержка соци-ально ориентированных некоммерческих организаций, деятель-ность которых направлена на улучшение положения женщин, семьи и детей».

³³ Трудовой кодекс РФ. Гл. 41

³⁴ Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017– 2022 гг., утв. распоряжением Правительства РФ от 8 марта 2017 г. № 410-р [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/njlkIvH7WCvOIYRmcucV4jdNihEmTOUe.pdf> (дата обращения 1 марта 2022).

Сдержанность в определении реальных проблем молодых матерей привела к фрагментарности Стратегии и расфокусировке мер по ее реализации. Вместе с тем, документ позволяет определить наиболее важные механизмы реализации профессиональной активности матерей, среди которых можно выделить доступность дошкольных учреждений; профессиональное обучение, переподготовка и повышение квалификации; гибкое налоговое законодательство для женщин-предпринимателей; организация лояльной к молодым матерям среды на рабочих местах; стимулирование лидерской и предпринимательской активности женщин; популяризация принципов равного участия обоих родителей в воспитании детей и уходе за ними³⁵.

Наиболее свежим документом, призванным отразить основные приоритеты государственной политики в отношении женщин, является обновленная Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 гг., которая была утверждена в декабре 2022 года. Этот документ содержит данные о текущем состоянии женского вопроса и указывает на ключевые проблемы, имеющиеся в современном российском обществе по данному направлению. Положение женщины, согласно этому документу, несмотря на положительную динамику, продолжает быть неутешительным. Приведем некоторые положения Стратегии, касающиеся материнства:

«В целом в Российской Федерации женщины ориентированы на полную занятость, карьерный рост в сочетании с семейными обязанностями и воспитанием детей <...> женщины находятся в неравном положении по сравнению с мужчинами в сфере экономики. <...> Сохраняются барьеры занятости для жен-

³⁵ Использованы материалы статьи авторов: Швецова А.В. Механизмы реализации права на труд и профессиональное развитие женщин в период декретного отпуска // Вестник РГГУ. Серия «Филология. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. Ч. 2. С. 201–214. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-1-201-214

щин, обусловленные стереотипными представлениями о социальных ролях мужчин и женщин. Женщины имеют высокую бытовую нагрузку, в том числе по уходу за детьми и иными членами семьи, полностью или частично лишенными способности к самообслуживанию <...>. По опросам Федеральной службы государственной статистики, работающие женщины тратят на ведение домашнего хозяйства на 1,5 - 2 часа, или в 2 - 2,5 раза, больше времени, чем мужчины. Это создает трудности в совмещении женщинами семейных обязанностей и трудовой деятельности. <...> При высоком уровне образования и занятости разрыв в заработной плате женщин и мужчин в среднем по экономике практически не меняется и сохраняется на высоком уровне (28 процентов) <...> Практически обеспечена стопроцентная доступность мест в государственных и муниципальных дошкольных образовательных организациях. <...>. Это способствовало росту занятости женщин, имеющих детей. Уровень занятости женщин в возрасте 20 - 49 лет, имеющих детей в возрасте до 6 лет, увеличился на 2 процентных пункта (2021 год - 67,8 процента), в возрасте до 18 лет - увеличился на 1,9 процентных пункта (2021 год - 80,2 процента). Уровень занятости женщин, имеющих одного ребенка, увеличился на 1,9 процентных пункта (2021 год - 84,6 процента), имеющих двух детей, - на 2,2 процентных пункта (2021 год - 77,5 процента). Вместе с тем сохраняются ограничения в получении услуг дошкольного образования, связанные с территориальной доступностью и графиком работы организаций. <...> Риск попадания в число бедных для женщин, в том числе для одиноких матерей с детьми, остается высоким».

Важно, что решение проблем, связанных с материнством, находятся в фокусе этого документа:

«Предусмотрены программы психологической поддержки женщин при выходе на работу после отпуска по уходу за ребенком и программы профессионального развития, работы по

гибкому графику для этой категории женщин <...>. В целях улучшения материального положения женщин, имеющих детей, существенно расширен перечень мер государственной поддержки, направленных на снижение риска возникновения бедности при рождении ребенка (ежемесячная денежная выплата на первого и второго ребенка до достижения ребенком возраста 3 лет, ежемесячные денежные выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 17 лет, налоговые льготы, льготная ипотека). С 1 января 2023 г. вводится ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка с единым подходом к назначению и осуществлению ежемесячной выплаты на ребенка до достижения им возраста 17 лет включительно и беременным женщинам, которое объединит в себе ряд действующих мер социальной поддержки. <...> В целях повышения конкурентоспособности женщин на рынке труда и создания условий для совмещения семейных обязанностей по воспитанию детей с трудовой деятельностью женщинам, имеющим детей дошкольного возраста, предоставлена возможность пройти профессиональное обучение. С 2020 года расширены категории женщин, для которых организуется профессиональное обучение и предоставляется возможность получения дополнительного профессионального образования».

Детальный обзор целей и направлений работ, заявленных в Стратегии, позволяет говорить скорее об эгалитарной ориентации государственной политики при сохранении акцента на важной роли женщины в деле улучшения демографической ситуации. Так, выделены такие направления как:

- расширение участия женщин в приоритетных направлениях социально-экономического развития страны, включая формирование новых точек роста экономики, подразумевающее поддержку активности женщин в общественной деятельности, предпринимательстве, науке, творчестве, образовании и других сферах;

- выделяется необходимость увеличения образовательных и просветительских программ женского лидерства, направленных на активизацию гражданской позиции женщин;
- отмечается необходимость создания и реализации программ поощрения компаний, активно реализующих программы поддержки работающих женщин с детьми, карьерного продвижения женщин.

При этом отмечается необходимость развития соответствующей инфраструктуры, в том числе, ухода и присмотра за детьми дошкольного и младшего школьного возраста, а также за членами семьи, полностью или частично лишенными способности к самообслуживанию; развитие системы государственной поддержки семьи в связи с рождением и воспитанием детей.

Вместе с тем, важно понимать, что этот документ носит рамочный характер, в то время как конкретные меры – программы и их содержание, механизмы их реализации на местах, а главное – системность и успешность в осуществлении комплекса мероприятий во многом определены культурными особенностями и стереотипами, представлениями в обществе о положении женщины. Важным фактором формирования таких установок, помимо нормативного дискурса (который скорее выполняет роль установления границ дозволенного и определяет желательные направления общественной динамики), оказывается публичный дискурс. Официальный публичный дискурс играет важнейшую роль в формировании и смысловом наполнении уникального профиля государственного феминизма страны.

Поиск ниши материнства, отводимой ему в дискурсе российского госфеминизма, заставляет нас обратиться к интерпретативному анализу политических высказываний первых лиц государства. Мы проследили, как меняется формат, содержание и эмоциональный окрас поздравительных посланий Президента России в связи с Международным женским днем за последние два десятилетия (в официальных источниках первые доступные

материалы появились в 2000 г.), что позволило обнаружить ряд конкурирующих нарративов и повесток. «Женская» тема является ключевой для данных высказываний, поэтому в них в концентрированном виде содержится символический посыл нации, а не просто персонифицированное мнение главы государства.

В период 2000-2008 гг. основным поздравительным форматом служили встречи с представительницами различных сообществ, в рамках которых зачастую организовывалось вручение наград (2000 г. – производственное совещание в г. Иваново, 2001 г. – встреча с представительницами деловых и общественных кругов, 2002 г. – поздравление членов Международного конгресса Всемирной ассоциации женщин-предпринимателей, 2003 г. - послание участникам II Форума женщин-предпринимателей России и Украины, 2004 г. - вручение государственных наград выдающимся женщинам России, 2005 г. – встреча с женщинами – участницами боевых действий, 2006 г. – приветствие участникам Всероссийского форума «Россия – имя женское», 2007 г. – встреча с представительницами образовательных и медицинских структур, 2008 г. - приветствие участникам Всероссийского форума «Женщины России: вчера, сегодня, завтра»).

Содержательно риторика этого периода была обращена к необходимости выстраивания гендерно-сбалансированного общества, где, руководствуясь принципом справедливости, женщины получали бы доступ к административным и финансовым ресурсам, были интегрированы в процессы принятия решений.

«Женщины сеют и пахут, и пахут не хуже, чем мужчины. Но получают подчас за свою работу, к сожалению, меньше, и замечают их не так часто, как они того заслуживают» (2000 г.)³⁶.

³⁶Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22316>
(дата обращения 10.09.2023)

«У меня было интервью и один из вопросов, который мне задали, так и звучал: «Почему в России так мало женщин на ответственных постах?». Справедливый вопрос. И даже упрек справедливый. Повторяю, мне бы очень хотелось, чтобы это положение менялось. Во всяком случае, хочу вам дать обещание, что я буду действовать в этом направлении последовательно» (2001 г.)³⁷

«Женщины нашей страны не уступают мужчинам ни в уровне образования, ни в активной общественной позиции» (2004 г.)³⁸

Наряду с тезисами о повышении роли женщин в управлении, имела место фундаментальная идея об особых, чисто женских качествах и ролях. Традиционалистская парадигма существовала с эгалитарной не только в рамках одного послания, но порой в рамках одной фразы.

«К сожалению, мы редко встречаем женщин на высоких государственных постах, в политике. А там как раз не хватает традиционных женских качеств, которые очень пригодились бы. Особенно в сегодняшней нашей жизни, где можно было бы – и нужно подчас – сглаживать какие-то острые углы, искать компромиссы» (2001 г.)³⁹

«Представители разных профессий, вы добились успеха и признания, казалось бы, в обычном, порой даже, может быть, рутинном деле. <...> Общеизвестно, что и в бизнесе они также очень успешны. Основой тому – не только профессионализм, но и уникальная интуиция, и природная аккуратность, умение избегать крайностей, склонность к согласию и оправданным компромиссам. Конечно, одна из основных приви-

³⁷Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/40757> (дата обращения 10.09.2023)

³⁸Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/30514> (дата обращения 10.09.2023)

³⁹Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/40757> (дата обращения 10.09.2023)

легий женщин – сохранять семейный очаг, воспитывать детей, наполнять дом теплом и уютом. Но все вы умеете совмещать эти качества с успешной работой и с активной общественной деятельностью» (2004 г.)⁴⁰

Мысль о том, что воспитание и уход за детьми – сугубо женская зона ответственности, не ставится под сомнение. В целом признается, что женская доля трудна, но таков порядок вещей. Задача государства – предпринимать меры финансовой поддержки наименее защищенных семей и стимулировать рождаемость. В частности, поздравительная речь 2008 г. содержала информацию о программе материнского капитала и мерах государства по привлечению внимания к проблемам материнства.

«На женщине лежит основное бремя рождения и воспитания ребенка» (2007 г.)⁴¹

Во время президентского срока Д. Медведева формат поздравительных мероприятий изменился. Основным праздничным событием стали неформальные встречи «за чашкой чая», разговоры «по душам» (2009 г – с представительницами «мужских» профессий, 2010 г. – нет данных, 2011 г. - с многодетными матерями, 2012 - с выдающимися женщинами – представительницами различных профессий). В первом поздравительном слове прозвучала мысль о несправедливости распределения административных ресурсов и обещание «подумать» над исправлением ситуации.

«Я посмотрел, когда ехал к вам на встречу, справку, сколько у нас женщин в органах власти: просто совсем мало. Причём чем более ответственный уровень власти, тем меньше там женщин. Вот в Правительстве всего две женщины – ми-

⁴⁰ Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/30514> (дата обращения 10.09.2023)

⁴¹ Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24073> (дата обращения 10.09.2023)

нистра. И их фамилии хорошо известны. Я думаю, что нужно нам подумать над тем, чтобы и в Правительстве появились новые представительницы прекрасного пола, и в других органах управления <...> Это несправедливое соотношение. Недавно был в командировке в Испании. Они очень внимательно относятся к этим вопросам. Мало того что они следят за тем, чтобы женщины были представлены в их органах власти, они говорят: «У вас женщин очень мало» <...> «Среди руководителей муниципальных образований треть – женщины, то есть самая сложная полевая работа, «на земле» что называется, как раз в руках женщин» (2009 г.)⁴².

В более поздних выступлениях произошел концептуальный поворот, в частности в 2012 году Президент высказался о «своеобразной истории» данного праздника, которая многим не нравится (судя по всему, имелось ввиду феминистическое движение, хотя эта фраза в тексте не звучит).

«Я всегда думаю, что нужно говорить в этот день, потому что он имеет, с одной стороны, довольно своеобразную формальную историю, которая кому-то нравится, а кому-то сегодня совсем не нравится. С другой стороны – начиная, может быть, даже с советского периода его классовая, идеологическая составляющая ушла на задний план, и он просто превратился в тот день, когда мужчины поздравляют своих любимых женщин – и делают это по-разному» (2012 г.)⁴³.

В поздравительных текстах этого периода женственность определяется через материнство, соответствие традиционным канонам. Функция государственной политики в отношении женщин видится в создании мер стимулирования рождае-

⁴² Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/3370> (дата обращения 10.09.2023)

⁴³ Доступно по ссылке <http://kremlin.ru/events/president/news/14727> (дата обращения 10.09.2023)

мости, куда, помимо материнского капитала, стали относить пособия и выделение земельных участков для многодетных матерей.

«Здесь у нас присутствуют Женщины с большой буквы, женщины, которые воспитывают большое количество детей – и своих, и приёмных <...>. Это и материнский капитал, и целый ряд пособий, и та инициатива, с которой я недавно выступил в ходе произнесения Послания, я имею в виду, чтобы женщине, которая родила трёх или более детей, полагался земельный участок для строительства дачи или дома <...>. Мы стараемся в последнее время сделать так, чтобы женщины имели все возможности для того, чтобы рожать детей, растить их, чтобы у них были возможности и трудиться, конечно, в то же время, чтобы на детей хватало и времени, и сил, да и денег тоже. Мы в этом ещё не очень преуспели, но определённые шаги мы всё-таки сделали» (2011 г.)⁴⁴.

В этот же период на официальном сайте Президента публикуются новости об участии супруги Президента - Светланы Медведевой, которая выступает с приветствиями участникам Форума православных женщин «Миссия женщины в духовно-нравственном становлении Отечества» (2009), Форума Всероссийской программы «Святость материнства» (2010). В выступлениях первой леди прослеживается интенция о взаимосвязи семейного благополучия и религии.

Нам не удалось найти официальных поздравлений Президента за 2013 - 2014 год, однако в феврале 2014 состоялось Заседание президиума Госсовета, посвящённое политике в области семьи, материнства и детства, где глава государства сформулировал ключевые идеи нового периода. В частности, речь

⁴⁴ Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/10540> (дата обращения 10.09.2023)

шла о создании условий для роста рождаемости, активизации СМИ и общественных организаций в решении задач ценностного порядка и механизмах включения матерей в трудовую деятельность.

- *Создание условий для роста рождаемости, охрана материнства и детства, укрепление института семьи – это приоритетные социальные задачи в России.*

- *В работу по повышению ценностей ответственного отцовства и материнства и здорового образа жизни должны активно включиться средства массовой информации, политические партии и общественные организации.*

- *Ключевая проблема – повышение доходов семей с детьми. Её решение напрямую связано с развитием экономики, конечно, с открытием новых производств и созданием качественных рабочих мест. Это наш приоритет на долгосрочную перспективу. Прежде всего, нужно создать условия для активной трудовой деятельности родителей.*

- *Одна из самых острых проблем – нехватка мест в детских дошкольных организациях. Мы делаем всё необходимое, чтобы матери получали дополнительное образование или повышали свою квалификацию, принимаем программы содействия их трудоустройству, но все эти меры теряют смысл, если ребёнка невозможно устроить в ясли (2014 г.)⁴⁵.*

В 2015 г. в честь 8 марта состоялась встреча Президента с женщинами, чьи дети добились выдающихся результатов в искусстве, науке, спорте, а также были удостоены званий Героя России. В поздравительной речи произошло смещение акцента с «женского дня» на «праздник весны», что будет закреплено в дальнейшем. Уход от празднования дня женской солидарности в борьбе за равенство, которая, по меткому выражению Д. Медведева

⁴⁵ Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20265> (дата обращения 10.09.2023)

дева, не всем нравится, к женскому дню, а потом и ко дню весны и обновления, символичен и отражает фундаментальное противоречие российского гомосексуализма: попытку поместить в эгалитарную оболочку традиционалистское содержание.

«Для нас это не просто женский праздник – он ассоциируется с весной, с возрождением, с обновлением» (2015 г.)⁴⁶.

«Этот праздник в России отмечают с особой теплотой... Именно в женщине, в её достоинстве и милосердии раскрывается истинная душа России» (2016 г.)⁴⁷.

«Этот праздник мы отмечаем в самом начале весны. Погода в нашей большой стране сегодня самая разная, но везде царит весеннее, солнечное настроение. Его создают улыбки, цветы, искренние чувства» (2018 г.)⁴⁸.

«Этот праздник всегда наполнен радостью, цветами, подарками, искренними, сердечными чувствами» (2020 г.)⁴⁹.

«И эти давние традиции празднования 8 Марта создают у всех особое настроение, символизируют наступление весны, утверждают роль женщин в нашей жизни, в сбережении тех истинных ценностей, которые во все времена были и, уверен, останутся вдохновляющим нравственным ориентиром» (2021)⁵⁰.

«8 Марта – один из любимых наших праздников. Он пронизан самыми светлыми чувствами» (2022 г.)⁵¹.

⁴⁶ Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47794> (дата обращения 10.09.2023)

⁴⁷ Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51452> (дата обращения 10.09.2023)

⁴⁸ Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57018> (дата обращения 10.09.2023)

⁴⁹ Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62961> (дата обращения 10.09.2023)

⁵⁰ Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65105> (дата обращения 10.09.2023)

⁵¹ Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67937> (дата обращения 10.09.2023)

С 2016 года формат изменился на короткие видеоткрытки от Президента, которые ежегодно появляются на его официальном сайте. Поздравления стали носить выраженный лирический стиль, часто используются стихи российских поэтов. Первое заметное смысловое нововведение этого периода связано с выстраиванием ассоциативной линии «Женщина-Мать-Родина». Еще одним трендом становится акцент на национальной специфике гендерных отношений, особом культурном коде, позволяющем адаптировать традиции в современность (что было артикулировано на Втором Евразийском женском форуме 2018 г.)

«Ведь женщины дают нам жизнь, согревают своей любовью, поддержкой и заботой. Именно в женщине, в её достоинстве и милосердии раскрывается истинная душа России» (2016 г.)⁵².

«Но все-таки в нашем культурном коде есть некоторые ценности, которые, я считаю, являются для нас основополагающими. У нас женщина остаётся женщиной, мужчина остаётся мужчиной. Слава богу, у нас нет смешения понятий в голове, в душе и в нашем культурном укладе» (2018)⁵³.

«Трудно представить историю, развитие нашей страны без созидательного вклада великих российских женщин... Вам дано пройти весь путь создания новой жизни – рождения ребёнка. Это великое счастье материнства, воспитания детей всегда преображает мир, наполняет его добротой, нежностью и милосердием, утверждает те традиционные ценности, которыми всегда была сильна Россия» (2019)⁵⁴.

⁵² Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51452> (дата обращения 10.09.2023)

⁵³ Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58598> (дата обращения 10.09.2023)

⁵⁴ Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60002> (дата обращения 10.09.2023)

«И очень важно, что эти ценности передаются из поколения в поколение, что дочери учатся у своих мам именно такому отношению к жизни, семье, своим будущим детям» (2020 г.)⁵⁵.

«Сегодня хочу вспомнить слова, написанные, по свидетельству современников, великой женщиной, которую у нас на Руси называли «матушка», – это императрица Екатерина Вторая ... И в наше время слова «Родина», «мама», «любимая» для нас в одном ряду. Так будет всегда» (2022 г.)⁵⁶.

Важной особенностью российского госфеминизма, прослеживающейся в поздравительных фреймах, является формулирование проблематики гендерного неравенства и дисбаланса как саморешаемой. Признается высокий вклад женщин в экономику и культуру страны, неравномерное участие мужчин и женщин в бытовых и воспитательных процессах, но подчеркивается естественный, неизбежный характер такого положения вещей. Многократно упоминается «непостижимая способность» женщин везде успевать, что исключает необходимость общества и государства вносить корректировать существующую реальность.

«Вы, дорогие наши женщины, обладаете непостижимым секретом: всё успевать, справляться с огромным грузом забот и оставаться нежными, яркими, обаятельными» (2016 г.)⁵⁷.

«У ваших забот о детях и внуках, о своей семье не бывает выходных. Даже сегодня, в ваш день, вы всё равно в делах и

⁵⁵ Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62961> (дата обращения 10.09.2023)

⁵⁶ Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67937> (дата обращения 10.09.2023)

⁵⁷ Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51452> (дата обращения 10.09.2023)

хлопотах, не даёте себе поблажек, всё успеваете. И мы часто думаем: как это у вас всё получается?» (2017 г.)⁵⁸

«Только вы, женщины, способны создавать радужную атмосферу на работе и в семье, брать на себя повседневные заботы о доме и детях, быть для них нравственным примером» (2018 г.)⁵⁹

«Вы успеваете всё: и на работе, и дома – и остаётесь красивыми, яркими, очаровательными, центром притяжения всей семьи, объединяете её своей любовью, способной вдохновить и поддержать, согреть и утешить» (2019 г.)⁶⁰

«Вам каким-то непостижимым образом удаётся всё успеть: беречь домашний уют, достигать значимых успехов в работе или учёбе и при этом всегда оставаться очаровательными, красивыми и женственными» (2020 г.)⁶¹

«Вы каким-то непостижимым образом везде и всё успеваете, достигаете вершин в самых разных сферах деятельности, вызываете неизменное уважение своей обязательностью, надёжностью, ответственным подходом к делу» (2021 г.)⁶²

Таким образом, ведущей линией посланий выступает определение роли женщины в российском обществе через концепт материнства. Лидеры используют аналогию «Родина – мать» (2015, 2016), рассматривают рождение и воспитание детей как миссию и привилегию женщины (2004, 2019), говорят о демографической политике и создании условий для многодетности (2007, 2011, 2022). Тематика материнства развивается в кон-

⁵⁸ Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54007> (дата обращения 10.09.2023)

⁵⁹ Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57018> (дата обращения 10.09.2023)

⁶⁰ Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60002> (дата обращения 10.09.2023)

⁶¹ Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62961> (дата обращения 10.09.2023)

⁶² Доступно по ссылке <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65105> (дата обращения 10.09.2023)

тексте априорности традиционных женских качеств – доброты, отзывчивости, способности проявлять заботу, сглаживать углы, а также ответственности женщин за принятие решений о рождении детей и их воспитании (2015). В посланиях 2005 и 2022 гг. акцентируется внимание на матерях солдат и офицеров, звучит призыв воспринимать участие детей в боевых действиях как повод для гордости и реализацию права на безопасность.

Другая традиционная линия связана с профессиональной активностью женщин. Отмечается высокая роль женщин в качестве экономического ресурса, способность выполнять сложную и ответственную работу, нести груз рутинной и малозаметной деятельности. Периодически звучит мысль о недооцененности женского труда (2000), низкой представленности женщин в политике и управлении (2001, 2009), необходимости изменений в вопросах распределения управленческих ресурсов (2012). С 2016 г. фокус внимания смещен в сторону особой женской способности «непостижимым образом все успевать» и дома, и на работе (2016, 2017, 2020, 2021), гендерный дисбаланс перестает определяться как проблема. Можно констатировать, что на сегодняшний день дискурс госфеминизма противоречив, сочетает в себе как эгалитарные, так и традиционалистские установки одновременно. Ресурсные ограничения, неравенство в оплате труда и доступа к управленческим структурам, проблемы феминизации бедности и возложение полной ответственности за воспитание детей формулируются как второстепенные или саморешаемые (Швецова, 2022 б).

Говоря о противоречивости гендерной повестки, нельзя упустить из виду также и ситуацию с частичной декриминализацией домашнего насилия в России. Первый, самый простой вопрос – это вопрос о том, насколько с юридической точки зрения, а также с точки зрения правоприменительной практики, принятая законодательная инициатива соотносится с тем набором официальных принципов и деклараций, о которых мы упо-

минали выше. С одной стороны, она воспроизводит традиционную иерархическую модель отношений между мужчинами и женщинами, при этом демистифицируя и дезавуируя традиционные романтические элементы в интерпретации женских образов, которые нуждаются в защите и покровительстве. С другой стороны, семейное насилие тесно связано с травматическим вопросом стигматизации, так что преодоление ее негативных последствий, а, следовательно, реабилитация жертв в глазах общества и с точки зрения самовосприятия, возможны только на основе серьезных социально-психологических изменений и целенаправленной работы общественных институтов в данной области.

Важно отметить, что экономическая зависимость тех или иных членов семьи, обусловленная несовершенством публичных институтов, делает уязвимость жертв насилия более выраженной, а в некоторых ситуациях даже снижает экстраординарность подобного рода событий, переводя их в разряд допустимой рутины в их собственном сознании и восприятии. Что, в свою очередь, открывает новые возможности для злоупотреблений, легитимируя их натуралистической аргументацией или ссылкой на ошибочное толкование «традиционных ценностей», ложную недопустимость вмешательства в квазисакральные области жизненного мира.

Поскольку материнские функции, по крайней мере, на определенном этапе их реализации по определению выводят женщин за рамки публичной экономической деятельности или формируют дезадапционную эмоциональную нагрузку, можно предположить, что женщины-матери оказываются наиболее уязвимой социальной категорией в ситуациях домашнего насилия. В этом смысле его декриминализация, в сущности, означает дополнительный риск для успешного и гармоничного функционирования института семьи, а также реализации государственных демографических программ. Еще одним не всегда предсказуе-

мым и недостаточно очевидным эффектом растущего неблагополучия женщин-матерей становится компенсаторный психологический механизм, при котором уязвимая женщина абсолютизирует свою материнскую идентичность, используя ее как инструмент, обеспечивающий ей дополнительные предпочтения и легитимные притязания в глазах своего окружения. Недостаточная рациональность этих притязаний, невысокий уровень заинтересованности государства, экономических институтов, а также институтов гражданского общества в их реализации, неразвитость социальной инфраструктуры, ошибки в выборе их потенциальных адресатов, низкий уровень общей культуры межличностных отношений зачастую приводят к издержкам, побочным эффектам и результатам, противоположным желаемым.

Например, в отдельных ситуациях женщины-матери игнорируют интересы бездетных граждан, провоцируя социальные конфликты, или апеллируют к своим супругам, родственникам-мужчинам, считая их ответственными за поддержание финансового благополучия семьи. В последнем случае такая апелляция лишь усиливает женскую зависимость от мужчины, увеличивает риски злоупотреблений, связанных с насилием, абьюзингом и ограничением личных свобод. Формируется драматический порочный круг, из которого нет простого выхода.

*«Читаю тут истории, от многих волосы дыбом и безумно жаль женщин. Как часто они терпят просто ужасное отношение к себе, издевательства, унижения, просто потому что им некуда пойти, нет дохода, поддержки близких, на работу сложно или невозможно устроиться (особенно если детей много). Я понимаю, как мне повезло. Мой му*ак начал бухать, сначала не то чтоб сильно, потом запоями, детей тогда не было. А потом забухал так, что я офигела, я решила уходить. И тут понимаю, что беременна. Мне на тот момент 39, своя хорошая квартира, работа и подработки, на которых ценят и пойдут на мои условия, надежнейший тыл в лице родите-*

*лей и родных. Поговорила со своим, сказала, я согласна попробовать, но такой фигни я не потерплю больше ни дня. И ему пришлось принять мои условия, потому что он понимает, я не шушу, я не завишу от него никак!!! 4 года прошло, пока все норм, любой срыв - вон бог, вон порог. И второго все равно никогда! Я часто думаю, а что если бы мне было 18-20, ни образования, ни работы, ни своих денег, жилья... а если родители еще никакие... Да терпела бы, наверное, как другие, еще б 2 и 3 мне заделал, чтоб точно никуда. Это какие надо силы иметь, чтоб вырваться в такой ситуации. А вот теперь я думаю о всех этих нововведениях властных, о пропаганде многодетности, о внушении девочкам, что их задача - дом, дети, что учиться не надо, карьера не нужна, рожать надо рано и много, семья святое, приспосабливайся и терпи, аборт ни в коем случае и вообще запретим... Я представляю, сколько девочек, прогнувшихся под эту пропаганду и ложь, попадут в безвыходную или крайне тяжелую ситуацию и будут мучиться годами, если не всю жизнь. А му*аки с удовольствием будут над ними измываться. Мне страшно...» (цитата из материнского сообщества).*

В целом, можно говорить о сложном контексте, который формирует специфические условия для современных российских матерей. Это обуславливает неоднородный характер способов быть сегодня матерью, быть женщиной, быть членом современного российского общества. Важно, что противоречия, обнаруживаемые в ходе проведенного анализа, сказываются на общих ощущениях от программной политики в отношении материнства у самих матерей. В том числе, неоднозначно воспринимаются не только ограничительные меры, но и меры поддержки. Существующие конкретные способы поддержки важно проанализировать не «в принципе», а «здесь и сейчас», то есть с учетом практик матерей по организации своей жизни и опыта использования предложенной им помощи в реалиях российского общества. Учет негативного материнского опыта, связанного с

получением мер поддержки от государства, а также способов компенсации невозможности их получить позволяет не только оперативно корректировать подходы при реализации конкретных программ, но и обнаруживать и разрешать более глубокие противоречия на уровне не только программной, но и институциональной политики поддержки матерей.

Просчеты в этом плане чреватые долгосрочными последствиями для страны. Так, опыт Китая свидетельствует о значительных мотивационных сдвигах в репродуктивном планировании современных женщин. Поскольку коэффициент рождаемости в Китае опустился ниже уровня воспроизводства населения и актуализировалась проблема быстрого старения населения, китайское правительство в 2013 году заменило строгую политику планирования семьи одного ребенка на селективную политику планирования семьи с двумя детьми, а в 2015 году на полноценную политику планирования семьи с двумя детьми. Однако ожидаемого бэби-бума не последовало, напротив, к 2018 году рождаемость достигла рекордно низкого уровня. Объясняя это неожиданное для китайских властей явление, ученые пришли к выводу, что высокая стоимость практик воспитания и образования детей является важным фактором в репродуктивном планировании женщин (Ji, Wang, 2020). Важно, что образованные китайские женщины стремятся к уменьшению конфликта между работой и семьей, используя «семейную эстафету по уходу за детьми» – сложную двустороннюю модель поддержки, когда бабушки и дедушки с обеих сторон сотрудничают с матерью, принимая на себя часть ее обязанностей в разное время суток и на разных стадиях развития детей. Однако на практике «семейная эстафета» не всегда возможна, а часто вовсе заменяется необходимостью ухода за пожилыми родственниками, что по мнению ученых должно стать ориентиром для понимания мотивации к деторождению в современной социальной политике (Gao, Tian, 2022).

Актуальный информационный фон в России свидетельствует также о попытках выровнять демографическую ситуацию через делегализацию абортот. Такой подход основан на предположении, что женщины идут на аборт, имея достойные альтернативы т.е. рассматривают как метод контрацепции. Основываясь на данных, собранных нами за два года исследования, мы считаем такую позицию ошибочной. Для подавляющего большинства женщин аборт – это крайняя мера, шаг отчаяния и боли. Это физически и психологически тяжелое решение, которое принимается с учетом реальности жизненных обстоятельств: нежелания/неспособности отца будущего ребенка нести ответственности за его жизнь, низкий уровень экономической защищенности и страх за бедность ребенка, состояние здоровья матери или старших детей, отсутствие помощи со стороны близких и родственников. Артикулируемая причина «карьерные амбиции» является далеко не самой распространенной в этом смысле и вряд ли оказывает существенное статистическое влияние. Вместе с тем, неверная оценка ситуации усугубляет и без того сложное морально состояние женщин, создавая контекст незаботы, ставя их в позицию «инкубатора», который после выполнения своей прямой функции становится не интересен обществу. На наш взгляд, такая постановка вопроса не полезна, а скорее вредна для тысяч российских женщин и для демографической ситуации в стране. Помимо вопросов количественного характера, должны звучать и мысли о качестве населения, что невозможно организовать путем давления, поскольку психологическое состояние матери - базовое условие здоровья и благополучия ребенка.

«Про аборты. У меня нет, но было два выкидыша - один самопроизвольный, другой уже на сроке около 7 недель. Раза 4 пользовалась экстренной контрацепцией. Но тут не так давно после смерти своей бабули я нашла ее дневник - про реальное щм - он начинается с рождения моей матери, дальше провал до

1,5 лет, а потом периодические записи о доме, быте, болящем ребенке и пьющем муже. Достаточно отрезвляет. Так вот - только до 3 лет моей мамы я насчитала 5(!) записей «день моих мук (а)». Так она описывала аборт. Не нужно, я думаю, рассказывать про саму процедуру. И тогда тоже пытались давить!!! Ну куда? В комнату в коммуналке? Квартиру дали только через 15 лет - а до этого что? Ее с завода чуть не уволили из-за бытовых с одним ребенком, а так бы еще и тунеядкой называли. И сейчас не лучше, родить — это полбеды, а вырастить? А здоровье поправить? На работу не рвутся брать, как всё организовывать без хотя бы включенного отца — да без понятия, крутись сама. У законодателей всё хорошо - по статистике мы все едим голубцы». (мнение из материнского сообщества).

*«Читаю запись каждой и не могу остаться в стороне. Тема аборт задела и меня. Трое детей и три беременности, аборт не было. Я была их противницей, не сделала бы тогда. Была уверена, что одного вытяну точно. Вышла замуж, родили одного, у меня муж. Мудом почти не бывает. Если бы забеременела внепланово, родили бы точно. Второго родили через 5 лет, третьего тоже планированного, ещё через 2 года. И вот у меня трое ум, зарабатывающий и надёжный муж, я начальник отдела с зарплатой выше, чем у мужа, достраиваем дом, у нас 2 квартиры, одну сдаем. И знаете что! В случае чего я понесусь на аборт!!! Мне 40! Я отдала долг государству сполна. Я не хочу больше детей, мы только жить начали! Отдыхать с детьми и без, покупать то, что хочется, а не то, на что хватит денег. Про*ать свое здоровье, жизнь, финансовое благополучие, психологическое здоровье ради чего? Возможно, в такой ситуации я не сделаю аборт, но это должен быть мой выбор, а не чиновников мужиков, которые в создании человеческой жизни принимали участие 3 минуты. И да, историю бы изучали, был этот опыт в Советах, к чему он привел? Незаконным абортам, бесплодию женщин и дополнительным смертям.*

Рождаемость поднять так и не удалось. Лезут же на те же грабли!!». (мнение из материнского сообщества).

Важно, что женщины-политики демонстрируют понимание глубины и сложности этого вопроса, стремятся к артикуляции женского взгляда. В частности, спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко осудила «нездоровый накал, который подогревают непродуманные и провокационные заявления, в том числе от статусных людей». Она подчеркнула, что запрет на проведение аборт может увести эту сферу в подполье, что угрожает жизни женщины:

«Я абсолютно уверена, что никакие запреты, никакая кампанийщина, никакое давление, никакая криминализация законодательства в этой сфере не смогут решить эту проблему <...> У нас уже есть опыт, который закончился печальными последствиями. Это нелегальный рынок услуг, <...> это рост женской смертности и так далее. Точно по такому пути мы не пойдём»⁶³

В предыдущей главе мы описала основные механизмы, запускающие послеродовую депрессию и страх материнства. Эти механизмы видятся нам универсальными относительно времени и пространства: потребность в защищенности (экономической, физической, психологической), прочные сети поддержки (уверенность в супруге, поддержке со стороны социума, уважение к твоей материнской роли), доступность и качество медицинского обслуживания, возможность реализации своих «нематеринских» практик. Безусловно, работа в таком ключе более трудоемкая, чем запрет аборт, однако и более эффективная.

⁶³ РИА Новости. Россия точно не пойдет по пути запрета аборт, заявила Матвиенко. Доступно по ссылке https://ria.ru/20231204/aborty-1913591093.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 04.12.2023)

Таким образом, государственная политика социальной поддержки материнства является частью политики в отношении прав и свобод женщин. По меткому выражению политолога Анны Гнедаш, цель абсолютного равенства прав мужчин и женщин даже в XXI веке остается «точкой за линией горизонта» (Гнедаш, 2022) и приближение к этой точке во многом зависит от желания и способности ее видеть. Государственная политика поддержки материнства имеет под собой фундамент в виде совокупности ценностей, формируемых посредством гендерного порядка и выражающихся через идеологию государственного феминизма. Как правило, этот фундамент создается с учетом демографической ситуации в стране: государства с переизбытком населения вводят ограничительные меры, идеологически подкрепляя их. Государства, испытывающее демографические трудности в виде отрицательного прироста населения – напротив, пытаются рождаемость стимулировать. При этом выбор мер в том и другом случае зависит от того, как правительство видит репродуктивную ситуацию в стране, насколько всесторонне оценивает ситуацию. Вопрос профессиональной оценки мотивов репродуктивного поведения (в первую очередь, женщин) становится крайне важным для принятия адекватных мер и институциональных решений.

ГЛАВА 6. Программы поддержки молодых матерей и способы их коррекции как инструмент стимулирования репродуктивной и социальной активностей женщин

Негативные демографические прогнозы актуализируют дискуссию вокруг эффективности мер государственной социальной политики. Оценки экспертов кардинально разнятся – от умеренного оптимизма, основанного на поколенческих закономерностях репродуктивного поведения и сравнительном анализе в духе «у всех так», до бескомпромиссной критики дотационной системы, базово не пригодной для решения демографических задач. Поворот в сторону активного стимулирования повышения рождаемости, представлен комбинацией таких мер как: достаточно жесткая пропаганда семейных ценностей и материнства (в том числе, многодетного) в СМИ, а также через систему пресинговых консультаций женщин; изменение протокола прерывания нежелательной беременности; системы выплат, в том числе, материнский капитал; программы профессиональной подготовки женщин; программы поддержки женского, в т.ч. материнского предпринимательства, помощь матерям в сложных жизненных ситуациях.

В данной главе мы обратимся к анализу проблемных аспектов реализации данных программ глазами ее пользовательниц, поговорим об узнаваемости и дефицитах таких мер, а также, на основании наиболее очевидных проблем, представим рекомендации по поддержке матерей, имеющих маленьких детей. При этом в фокусе интереса окажутся не только программы, поддерживающие уже упоминавшиеся ранее практики интенсивного материнства, которые предполагают концентрацию усилий матери вокруг ухода и воспитания, но и те программы, которые позволяют обеспечивать нормальные условия для реализации «нематеринских» практик, имеющих высокую важность для эмоционального комфорта матери, а также для ее со-

циального, политического и экономического положения, что является залогом нормального протекания периода материнства для многих мам.

Первый успешный опыт материнства не только создает условия для последующих репродуктивных решений, но формирует благополучный образ материнства для тех женщин, у которых еще нет детей. Напротив, негативный опыт быстро выплескивается в информационное пространство и формирует дурные ожидания у бездетных пока еще женщин, соответственно, стимулирует их откладывать рождение детей. Данный текст призван показать, что для многих современных женщины крайнюю актуальность имеет возможность наряду с выполнением материнских функций сохранить активную социальную позицию, «не просесть» в профессии, пользоваться авторитетом не только среди коллег, но и среди близких. Вопрос «есть ли жизнь после рождения ребенка?» актуален, и ответ на него во многом определяет современную демографическую ситуацию.

Опираясь на качественные данные собственного исследования, проведенного в рамках проекта «Современные «нематеринские» практики молодых матерей: репертуар, потенциал и общественный риск», мы попытаемся обобщить оценки современных матерей относительно осведомленности о мерах поддержки, их целесообразности и степени соответствия существующим реалиям.

Прежде всего, следует отметить, что активная пропаганда необходимости повышения рождаемости, с одной стороны, действительно вводит материнство в поле женского внимания. С другой стороны, можно говорить о наличии достаточно сильного негативного отклика на активные призывы женщин к материнству в комбинации с изменением политики в отношении аборт и тактиками консультирования женщин, желающих прервать беременность. Обзор обсуждений темы материнства в женских сообществах в сети, особенно в пабликах, где женщи-

ны анонимно делятся проблемами, связанными с рождением и воспитанием детей, к которым, например, относится сообщество «#Щастьематеринства», указывает как на наличие негативных переживаний, связанных с темой стимулирования рождаемости через сужение коридора возможностей выбора «рожать или не рожать», а также на наличие запроса расширения возможностей для благополучного материнства как фактора принятия положительного решения о рождении ребенка. При этом благополучную ситуацию связывают, в том числе, с возможностями сохранения социального статуса, карьерных позиций, коммуникации (т.е. с «нематеринскими» сторонами вопроса), с вовлеченностью супруга и его уважительным отношением к домашним функциям женщины как к значимым в той же степени, что и рабочим, хорошая инфраструктура.

«..Но в этом всем безумии государство давит на женщин и заставляет их рожать. Вчера уже высказалось, что 8 детей — это норма! Так вот я хочу сказать, как мать 3 детей, а почему я должна всю свою жизнь положить на алтарь материнства? Я что не человек? У меня 2 высших образования, иностранные языки, опыт и самое главное, что я очень люблю свою профессию. Но знали бы вы, как меняются в лице работодатели, когда я говорю им про своих детей и их количество, складывается ощущение, что будто бы у меня судимость не погашенная, а я еще смею претендовать на хорошую должность и зарплату!!!! То есть, я должна работать за копейки всю жизнь? Мне все великое одолжение сделают, если возьмут меня на работу???? Да, слово «многодетная» — это синоним неухоженная, замотанная, погрязшая в быту женщина!!! Это как клеймо! Никто не желает даже входить в наше положение!! А как прокормить, одеть, обучить детей в большой семье??? Мужу надо работать сутками, когда ему заниматься воспитанием этих детей?? Это замкнутый круг!!! Где пособия реальные, без обмана и 100500 условий для содержания семьи?? И разорвать

его может только само государство, создавая условия для жизни семей!!! Но нет, это же деньги нужны, думать надо, проще все запретить и поставить к стенке без права выбора! Однажды мне предложили вакансию мечты, подходило все идеально, но знаете почему мне отказали?? Ладно бы, потому что я не достаточно опытна, компетентна или образованна!!! Так нет же, у меня трое детей, и я буду постоянно уходить на больничные и отлынивать от работы, понимаете, да?? И это безусловно не официальный отказ, а, так сказать, беседа без свидетелей... на эту должность взяли мужчину, конечно же, с ним же нет таких проблем! Каждый день я читаю новости и впадаю просто в панику от того, как жить дальше. Вокруг ничего не приспособлено для того, чтобы женщина работала и при этом не забрасывала дом и детей...» (Сообщество «#Щастьематеринства», ноябрь 2023 г.)

«Вот почему к тебе начинают относиться с уважением и пониманием, когда ты начинаешь вджобывать как и мужик (в финансовом плане, ведь домашние дела и дети не в счёт)...» (Сообщество «#Щастьематеринства», ноябрь 2023 г.)

«Я начала снова работать в роддоме. Родила днем, а на следующее утро уже в палате включила компьютер и начала отвечать. И я работала до последнего дня беременности тоже. К чему это я? А вот к тому, что ничто и никогда не заставит меня лишиться собственного заработка. Я работаю сама на себя. Сделала это намеренно. А знаете зачем? Чтoб блин НИКОГДА не оказаться в зависимости от мужа или муда. Вот прям НИКОГДА. Я могу долго пускать сопли о том, как мне бывает тяжело ...и? Это мой выбор. Моя цена. Тяжело ли мне? Конечно. Как и всем тут. Но мои яйца при мне, а это, знаете, близких отрезвляет. Мое слово имеет вес.» (Сообщество «#Щастьематеринства», ноябрь 2023 г.)

«Образование 11 классов, не тупая вроде, в школе нормально училась... Но чувствую себя отбросом просто обще-

ства... Муж в одной дикой ссоре мне сказал «да кто ты вообще такая!? Ты ноль, ты полный ноль!»... я ревела, чуть до развода тогда не дошло... выдержала не знаю как, он конечно очень раскаивался, извинялся...Я поступила в колледж по душе... юриспруденция ...я очень горжусь собой». (Сообщество «#Щастьематеринства», ноябрь 2023 г.)

«Рожать надо, говорите? А вы, б***, зимой не хотите нормально снег чистить?! Окей, у падигов чищено, там, где может проехать трактор тоже терпимо, хоть и лед. НО ВОТ ЭТО ВОТ Г*****, которое трактор сгребает к обочинам, кто должен убирать?! Через эти Альпы коляску только на своем усталом горбу можно пронести. Про парковки, через которые можно пробраться к магазину, я вообще молчу. До перехода пробраться невозможно. До поликлиники дойти - 7 кругов Ада через эту снежную пустошь. А, учитывая то, что моя до сих пор дневной сон спит только в коляске, то каждую прогулку я чуть ли не реву. В общественный транспорт вообще с коляской не влезть, это отдельная тема недовольства всех вокруг. И это самое ближайшее Подмосковье - мкад из окна видно. Пока не будет достойной инфраструктуры, медицины без очередей и подхватывания соплей в этой же очереди, да и общества, которому не п****, второго рожать я отказываюсь. Пусть депутаты сами и рожают, раз у них все так о*****! (Сообщество «#Щастьематеринства», ноябрь 2023 г.)

Исследовательница Лиза Смит анализирует кейс Северной Ирландии, где наблюдается один из самых низких показателей грудного вскармливания в мире, где при этом избрана интенсивная стратегия продвижения этой практики. Она принимает во внимание опыт респондентов, связанных с необходимостью грудного вскармливания, и делает вывод о том, что попытка жестко навязать моральный кодекс при исполнении роли матери имеет потенциально отчуждающий эффект, поскольку ограничивает возможности агента присваивать её и идентифи-

цироваться с ней. Смит делает интересный для описываемой нами ситуации вывод: подход, который вместо того, чтобы доверять женщинам возможность осуществлять ситуативные моральные суждения об уходе за младенцами, а не подчинять их внешне навязанному моральному кодексу, способен уменьшить эмоциональное напряжение и потенциал отчуждения необходимых практик (Smyth, 2020). Это означает, что тезис о том, что женщина – это человек, который обязан рожать, должен всегда выбирать сохранение ребенка, создает напряжение, а также не дает женщине возможности воспитываться как потенциально хорошая мать в цепочке ситуативных выборов.

«Давайте сохранять замечательные традиции иметь 7-8 детей, как наши бабушки и прабабушки». Замечательные традиции отсутствия контрацепции и насилия внутри семьи. Замечательные традиции нищеты и высокой смертности. Замечательные традиции отсутствия образования у женщин. Замечательные традиции подпольных аборт, непонятных отваров и прыжков с высоты с целью спровоцировать выкидыш. Иногда мне кажется, что я просто сплю. У меня есть один ребенок, только один, я предохраняюсь таблетками + презервативами и очень хотела бы пройти стерилизацию. Честно говоря, не знаю, какими фантастическими привилегиями нужно обладать, чтобы решиться на многодетность и при этом быть в порядке: даже если каким-то чудом хватит экономических ресурсов, какое для этого должно быть неубиваемое ментальное здоровье? Достойная цель - это обеспечить нормальный уровень жизни для уже существующих людей, а не призывать бездумно создавать новых». (Сообщество «#Щастьематеринства»), ноябрь 2023 г.)

Как показали результаты исследования, самыми известными мерами поддержки предсказуемо являются пособия и материнский капитал, однако принципы назначения пособий ощущаются женщинами как непрозрачные и противоречивые. В

частности, недовольство вызывает «адресность», необходимость подтверждать статус малоимущей семьи многочисленными справками и интуитивное восприятие этой процедуры как несоответствующей потенциальным выгодам. Анализируя глубинные интервью, а также высказывания матерей в интернете, мы пришли к выводу, что наиболее «пострадавшей» стороной «адресной» политики являются профессионально активные мамы (предприниматели, управленцы, квалифицированные работники в т.ч. научные сотрудники и т.д.). Они вынуждены платить штраф за материнство в удвоенном размере – увеличением нагрузки (уход в полноценный «декретный отпуск» фактически невозможен т.к. ведет к существенным карьерным потерям) и отсутствием оснований для выплат (размер среднемесячного дохода выше установленных границ, хотя финансовых излишков зачастую нет).

Материнский капитал ощущается как приятный «бонус». Практика его использования часто связана с решением жилищного вопроса, рассматривается как возможность снизить ипотечную нагрузку или увеличить площадь приобретаемого жилья (актуальные цифры: размер МСК в 2023 г. 586,9 тыс. рублей, средняя стоимость жилья в Екатеринбурге 108 тыс. рублей кв. метр т.е. на МСК можно приобрести 5,4 кв. метра жилой площади).

Приведем несколько высказываний:

«Как я выходила на работу. 3-ю по счету за полгода!! моей доченьке 3 года, ходит в садик. Живем на съеме, денег не хватает, пособия нам не одобрили, так как сумма подсчетов сз у нас превышает на целых 1500 р! Мы богатые, оказывается. МУЖ, хороший, старается. Раньше поиск работы занимал максимум две недели, а теперь же, это ад. - с кем оставите? А бабы деды есть? А на больничный вы не пойдете?» (Сообщество «#Щастьематеринства», ноябрь 2023 г.)

«Получается, тут я бы не делала бы упор на самом деле на психологическую помощь, я, может быть, делала бы упор на

обустройство жизни и создание как бы, рабочих мест для матерей с учетом сокращенного, например, рабочего дня или сокращенной рабочей недели, чтобы старт в профессии был проще. Может, какие-то изменения в законодательстве касательно процента трудоустроенных женщин с детьми, потому что многие работодатели не любят откровенно женщин с детьми, что я считаю дискриминацией очень жуткой, потому что этот работодатель так же был рожден женщиной и если бы у нее не было бы денег, чтобы его прокормить, она, может быть, и не приняла бы решение его рожать. И на самом деле, женщина с младенцем на руках - это одно из самых уязвимых вообще людей, потому что она отвечает за себя. На ней очень много ответственности, но она сама может очень мало сделать. Может быть какие-то социальные льготы, гарантии, например, дополнительные выплаты для работающих женщин, потому что это тоже мы попадаем в такой крюк, когда человек без работы не может жить на пособия, а когда он найдет работу он уже, и он находит хорошую работу, он уже не может быть малообеспеченным и нищим и тоже лишается всяких пособий. И иногда эта разница в доходах между нищим и не нищим составляет 500 рублей, 1000 рублей, что, конечно, не является серьезными деньгами. И в этом случае интересно было развитие действительно именно пособий, не потому что она не малоимущая, потому что мы знаем, что все эти справки действительно очень часто подделываются, людьми у которых действительно есть деньги на подделки справок, а именно поддержка для всех женщин, которые работают в период декретного отпуска и не важно, получает ли она там 14000 рублей, что у нас сейчас является минимальным прожиточным минимумом или 15000..» (цитата из интервью, 33 года, 1 ребенок)

«Все эти рекламы «помощь семьям с детьми» меня просто бесят! Меня сестра ненавидит из-за мат.капитала, который я никогда не трогала 🙄 на него ничего не купишь. А сад

если оплачивать за свои - там хоть возвращается что-то. А с капитала нет. Вот и плачу всегда со своих. А сестра ненавидит, ведь она не родила второго. А за первого тогда не давали 🙄 «тогда бы и у неё не было проблем с оплатой сада» и я узнаю это от посторонних людей. Я многодетная. И траты на сад меня волнуют в последнюю очередь...» (возраст не известен, многодетная мать).

«У меня 2 детей. Старшая уже почти совершеннолетняя, а младшей 13. Ни рубля я не получила от государства, кроме мат.капитала, на вторую дочь. Муж вкалывает вахтами, чтобы у детей все было, и не бывает дома по 2-4 месяца. И соответственно наша семья не подходит под разные льготы и выплаты. Почему государство помогает выборочно, а на аборт запрет всем!!!!? Если когда-либо у меня встанет выбор - аборт или рожать, то выберу первое. У меня уже есть двое детей, которым государство не торопится помочь, дак почему я должна помогать стране в демографии! Мне ничего не надо, рожала я своих детей для себя, а не для страны, но и никому ничего не должна!» (Сообщество «#Щастьематеринства», ноябрь 2023 г.).

«Такси обычное с 2 остановками 230 р, такси с детским креслом и теми же остановками 570 р. (да можно на маршрутку стоять, которая в такую погоду битком до крыши едет, и посмотрят на тебя, что ты с ребёнком на маршрутку лезешь, как на гамно, которая рожала, а денег на такси для ребёнка нет. Зимний комбинезон ребёнку 7000 (более-менее не из целлофана, ничего сверхъестественного), пуховик себе 5000. Логопед полчаса 1000 р, мой рабочий день на работе, а это 12 часов 1600 р. Ну вы поняли, о чем я. А ещё садик рядом с домом хрена лысого вам, все занято, возите в другой район, школа рядом с домом чувствую тоже побреют, возите, мест нет!!! (заранее знаю, соседям так сказали). Поликлиника детская: что вы хотели, район большой, запись большая, идите в частную,

если торопитесь. И не буду рассказывать, сколько стоят сейчас продукты, соки, каши, творожки, да и все остальное. Аборты значит запретить??? Вы что там окуели, лучше порядок наведите в стране нашей, чтобы потом хер без соли не додать с детьми, которых не планировали!!!!» (Сообщество «#Щастьематеринства», ноябрь 2023 г.).

В меньшей степени известны программы по повышению квалификации и профессиональной переподготовке, направленные на женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет и для женщин, не состоящих в трудовых отношениях и имеющих детей дошкольного возраста в возрасте от 0 до 7 лет включительно, доступные на бесплатной основе. Данные программы реализуются в рамках федерального проекта «Содействие занятости» национального проекта «Демография»⁶⁴. Интервью с представителем команды вуза, выступающего в качестве одного из операторов реализации программ в Свердловской области, позволяет говорить о наличии определенных сложностей как в сфере привлечения матерей на программы ввиду затруднений с поиском оптимальных каналов информирования женщин, так и системных проблем, связанных с процедурой поступления на программы. Так, информант отметил, что прохождение программы требует очного посещения центра занятости, в то время как это может представлять серьезные сложности для мам с маленьким ребенком, и особенно, для тех, у кого несколько детей. Собеседник сказал, что, как правило, мамы очень добросовестно подходят к процессу обучения, стремятся вовремя завершить курс, использовать

⁶⁴ Портал «Работа России» — федеральная государственная информационная система Федеральной службы по труду и занятости. Режим доступа: <https://trudvsem.ru/information-pages/support-employment/>

полученные знания для своего карьерного развития и улучшения финансового состояния.

Как видно из предоставленных данных (рис. 15) контингент мам достойно справляется с выбранными образовательными треками. Не смотря на общий положительный опыт участия женщин с детьми в программах проекта, отмечаются случаи дискриминации со стороны профессорско-преподавательского состава, когда университетские преподаватели отказываются работать с такими обучающимися.

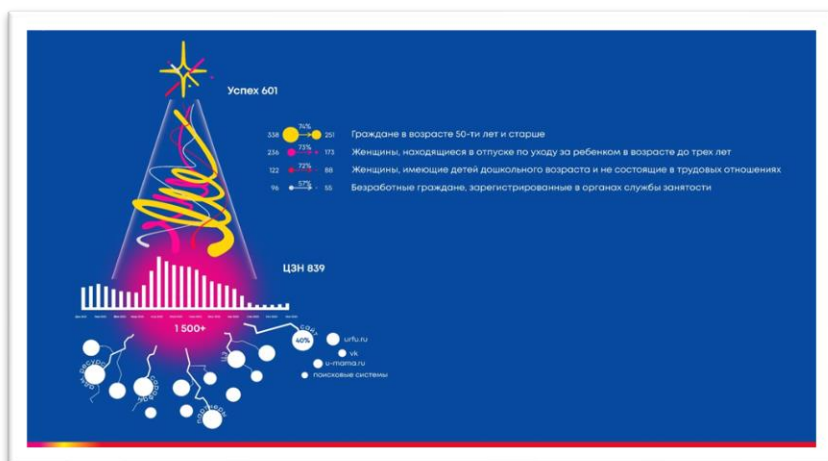

Рис.15 Сводные данные по участию в программах обучения в 2022 году в рамках федерального проекта «Содействие занятости» одного из вузов-операторов, Свердловская область.

Информантки сообщают о потенциальной востребованности таких программ, желании профессионально развиваться, что является способом оптимизации карьерных стратегий и преодоления социальной изолированности декретных будней. Вместе с тем, сам механизм программы вызывает нарекания. Во-первых, многие попросту не знают о такой возможности. Во-

вторых, проблемой является и отсутствие оконченного высшего или средне-специального образования у мамы, что не дает ей права участвовать в указанных программах. В-третьих, информантки сообщают о случаях отказов и предубеждений «на местах». Кроме того, вопрос «Куда деть зайку, пока мама учится?» для многих нивелирует саму возможность получения образования.

Главное, алгоритм предполагает очное посещение центра занятости, что для мам с детьми проблематично. Этот вопрос является основным и судя по опыту сотрудников, реализующих программы в центрах занятости. Беседа с двумя сотрудниками службы занятости (Свердловская область), курирующими процесс приема заявок на обучение, а также обеспечивающих профориентационное сопровождение женщин показывает, что общая логика процесса приема на программу верная: женщина обращается в центр занятости для выбора курса, подает заявление, профориентологи оказывают ей помощь в выборе курса и определении карьерной траектории. Центры занятости выступают как звено в цепочке процедуры оформления участия в программе, где женщина может получить профессиональную консультацию по вопросу формирования своей профессиональной стратегии.

Вместе с тем, собеседники отметили, что как правило, для участия в программе обращаются те женщины, которые уже представляют себе - куда они могли бы пойти обучаться. Профориентологи чаще всего помогают выбрать из двух направлений более подходящее. Был дан портрет типичной женщины – участницы программы: целеустремленная, цепкая, молодая женщина с одним ребенком, которая знает чего хочет. Основными мотивами таких женщин являются заработки в декрете, а также желание знать больше в профессии. Было отмечено, что обращения женщин связаны как с желанием укрепиться в уже имеющейся профессии, так и изменить профессиональную тра-

екторию, что подтверждается и другими данными, полученными в ходе реализации проекта (опрос, интервью, анализ материалов из открытых источников). В ходе беседы выяснилось, что запрос заработка в декрете есть не только у одиноких мам: замужние женщины обращаются за помощью чаще, а в качестве причины для обучения и последующего заработка называют желание сохранить эквивалентные с супругом социальные и экономические позиции: «Если есть муж – желает быть не хуже мужа».

Важно, что в качестве основной и наиболее распространенной причины отказа по заявлению женщины на прохождение обучения было названо отсутствие подтверждения заявления, которое должно быть сделано женщиной лично путем прибытия в центр занятости в трехдневный срок после подачи заявления онлайн. Можно с уверенностью предположить, что такая ситуация связана со сложностями посещения женщинами центров занятости при отсутствии возможности с кем-либо оставить детей. Нередки и случаи посещения центра с ребенком, что сами сотрудники оценивают как сложную ситуацию, поскольку консультация с профориентологом предполагает прохождение тестирования и беседу, которые требуют, чтобы женщина находилась в спокойном состоянии, могла хорошо подумать, что сложно осуществить, если ребенок остается в этот момент при ней. Также могут возникать проблемы, связанные с внезапной болезнью ребенка, сложности с транспортной доступностью некоторых районов для матерей с одним или несколькими детьми, страх присутствия ребенка в общественных местах из-за опасности распространения заболеваний. Не смотря на переход большинства процессов в дистанционный формат, потребность личного посещения сохраняется и, судя по всему, создает серьезный барьер для участия матерей в столь востребованных программах. Стоит отметить, что в настоящее время центры не обладают инфраструктурой для посещения их с детьми. Также нужно сказать, что специальных методик работы с континген-

том матерей на данный момент центры не реализуют, с ними ведется работа на общих основаниях, применяются типовые алгоритмы.

Сходная ситуация наблюдается и в отношении фондов поддержки предпринимательства. Интервью с представителем Свердловского областного фонда поддержки предпринимательства (СОФПП) показало, что женщины с детьми обращаются туда за поддержкой. Там также есть необходимость личного посещения и нет особой инфраструктуры для визитов с ребенком. Между тем, данные, предоставленные фондом (Рис. 16) свидетельствуют о востребованности программ женщинами фертильного возраста (отдельная статистика по женщинам с детьми не велась).

Мероприятие	М	%М	Ж	%Ж	Всего
Легкий старт					
Коммерсантъ года - 2022	344	68,80	156	31,20	500
Стартуй уверенно	244	34,86	456	65,14	700
Форумы	1587	49,55	1616	50,45	3203
Бизнес-интенсивы и спецпрактикумы	144	30,06	335	69,94	479
Вовлечение молодежи до 35 лет	726	42,04	1001	57,96	1727
Иные образовательные мероприятия	223	35,23	410	64,77	633
Самозанятые					
Практикумы	78	14,47	461	85,53	539
Форумы	277	27,40	734	72,60	1011
Выставки и ярмарки	21	21,00	79	79,00	100
Иные образовательные мероприятия	50	16,84	247	83,16	297

Рисунок 16. Данные об участии в программах Свердловского областного фонда поддержки предпринимательства (СОФПП) за 2022 год (предоставлены по запросу)

На вопрос о специальных формах работы с контингентом матерей, заботящихся о маленьких детях, был получен ответ об отсутствии таких программ. Сотрудник фонда отметила, что в целом, специальные «мягкие» условия для матерей и особые щадящие подходы не только не полезны, но могут навредить женщинам, поскольку реальные бизнес-процессы требуют оди-

наково развитых качеств от предпринимателей вне зависимости от их пола и семейного статуса. Создание же тепличных условий могут привести к слабой подготовленности к реальным вызовам рынка. Вместе с тем, информант отметила, что основным барьером для участия в программах является отсутствие возможности оставить ребенка даже на несколько часов. Это лишает мать возможности проходить необходимые этапы предпроектной подготовки. В качестве рекомендации по усовершенствованию инфраструктуры для поддержки матерей названы была именно необходимость обеспечивать параллельный присмотр за детьми участниц проектных сессий.

Таким образом, женщины не требуют особых условий с точки зрения содержания программ, поскольку они имеют правильные цели – инклюзия матерей в общественные и экономические процессы, однако инклюзивность для матерей предполагает наличие эксклюзивной инфраструктуры для них, позволяющей посещать мероприятия с детьми или оставлять их на время проведения встреч. Важно также отметить, что имеющиеся программы ориентированы на женщин, которые уже имеют представление о возможных траекториях своего развития. Женщины же, которые не имеют достаточного опыта и знаний в этом направлении оказываются за пределами действия программ, ощущают свою беспомощность перед ситуацией неопределенности:

«В общем, как только я начинаю думать о работе, меня накрывает еще большая депрессия... Но и не думать о ней уже никак нельзя. Читаю в рассказах многих из вас, что работаете удаленно. Расскажите, где это реально возможно?! И можно ли куда-то прийти с нуля, как у меня? Кроме колл центров и всяких распространителей-спамеров, это я точно не потяну морально. Ну и просто хотя бы поддержите...» (Сообщество «#Щастьематеринства», ноябрь 2023 г.)

Особое внимание следует уделить вопросу осведомленности о программах. Значительная часть наших респонденток отметили, что не знают ни о каких мерах поддержки / не попадают под них. Поддержку ожидают в основном от семьи (или не ожидают как таковую), информационные потребности удовлетворяют за счет подруг, материнских сообществ, интернет-ресурсов о материнстве. Матери находятся в определенном информационном вакууме.

В целом же, необходим системный подход при работе с матерями с учетом прогнозирования возможных реакций женщин на предлагаемые для них меры поддержки. Важно учитывать опыт разных стран при определении собственных подходов к поддержке материнства. Американские социологи Дженнифер Хук и Ёнджон Пик провели масштабнейшее исследование национальной семейной политики в 23 трех странах: хотя исследователи согласны с тем, что национальная семейная политика играет роль в формировании занятости матерей, они задаются вопросом о том, как эффекты такой политики варьируются в зависимости от внешней и внутренней политики страны и от уровня образования матерей. Они показывают, что семейная политика взаимодействует с национальным уровнем неравенства доходов, по-разному влияет на результаты трудоустройства матерей в зависимости от уровня их образования. Исследователи разрабатывали гипотезы о двух наиболее часто изучаемых элементах реализации семейной политики — дошкольном уходе и оплачиваемом отпуске по уходу за ребенком. Выяснилось, что доступность детских учреждений связана с большей вероятностью материнской занятости, но эта связь наиболее выражена для матерей, не имеющих высшего образования, в условиях высокого общественного неравенства. Продолжительность оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком более шести месяцев обычно связана с большей вероятностью материнского отпуска для менее образованных матерей. Важно понимать, что нужно

различать меры поддержки для образованных и амбициозных женщин и для женщин, сконцентрированных на семейных обязанностях (Hook, Paek, 2020).

Исследователь из Университета Вашингтона Кейтлин Коллинз утверждает, что конфликт между занятостью и семейными делами не является обязательной частью современного уклада. Скорее, это продукт государственной политики и культурных установок, которые определяют видение и практики женщин (Collins, 2020). Это значит, что совместные усилия государства и общества в силах сделать материнство комфортным.

Мы солидарны с социологами Татьяной Карабчук и Марией Нагерняк в их оценке детерминант занятости для матерей в России (Карабчук, Нагерняк, 2013). Государственное регулирование довольно сильно защищает работавших женщин до рождения ребенка, ряд статей трудового кодекса направлен непосредственно на защиту материнства и регулирование отношений работодателя и матерей. Помимо этого, гарантируется поддержание уровня заработной платы при изменении характера работы, ограничение сверхурочной работы и командировок, снижение норм выработки при определенных обстоятельствах, связанных со здоровьем женщины. Есть механизмы, позволяющие работать на условиях неполного рабочего во время отпуска по уходу за ребенком, однако предоставление такой работы не является обязанностью работодателя. Вместе с тем такое сильное и строгое законодательство имеет и негативное влияние: оно обуславливает дискриминацию со стороны работодателя как при приеме на работу, так и при назначении заработной платы. Учитывая чрезвычайно слабый инфорсмент по соблюдению законодательства в нашей стране и малочисленность прецедентов отстаивания своих прав матерями в судебном порядке, ученые делают вывод о том, что строгость законов компенсируется необязательностью их исполнения и реальный позитивный эффект значительно ниже ожидаемого.

Рисунок 17. Пример социальной рекламы, направленной на стимулирование рождаемости

Потребности матерей в сферах реализации своих «нематеринских» активностей продиктованы разными мотивами:

- сложное финансовое положение семьи;
- ухудшение личного финансового положения женщины в семье, полная зависимость от супруга;
- желание сохранить карьеру;
- смена карьерной траектории;
- укрепление своего социального положения в семье, претензия на уважение;
- желание укрепить социальное положение и улучшить свои качества как основа для корректного воспитания детей – быть примером;
- серьезные эмоциональные сложности, борьба за нормализацию своего состояния;

- потребности, связанные с наличием эмоционального и физического насилия в семье и др.

Приведем несколько иллюстраций:

*«Я сейчас работаю на 2х работах (сама в ахере, как в деревне мне так подфартило), дети, быт, 3 коровы и прочее все на мне. Свекровь е*** мозги и прибухивает, Муд пьёт запоями (включённый папаша превратился в алкаша, и знаете, что мне твердит моя "мудрая свекровь", терпи детка, все наладится), со всеми вытекающими... Я теперь лечу свою кукуху у психотерапевта. (Вот думаю была бы рядом хотя бы подруга или сестра, то и не нужен был бы спец, но я одна тут ((() И с каждым днем понимаю, что мы, женщины, такие сильные, но из-за пропаганды, которую нам вытирают с детства, мы лишаемся много ((» (Сообщество «#Щастьематеринства», ноябрь 2023 г.)*

«Тут должна быть запись, как я переобучилась в декрете, освоила новую профессию и готова мчаться за копейками для выживания. Но её не будет. Я не смогла переобучиться. Я сдрефила, пасанула, дала заднюю. Отключилась от курса лекций, на втором часу занятий. Я просто поняла, что не понимаю этого. И не освою профессию за 14 академических часов. Т.к базы подготовки у меня нет. Я тупо документы не могу распечатать. А так хотелось зажить с ЩМ вдвоём, не быть бытовой проституткой. Но нет. Продолжаю продаваться дальше, за квадратные метры и кусок хлеба.» (Сообщество «#Щастьематеринства», ноябрь 2023 г.)

«Прежде чем я оцутила свою силу и то, что на самом деле Я могу, пришлось опуститься на свое личное дно. И избивания, и оскорбления, и контроль, и унижения, и все что с этим связано. Когда ребёнку было 21 день, я истерично звонила в центры поддержки, чтоб могли взять меня на передержку с сыном. Но у всех этих центров такие правила, что прям в сию секунду я не смогу к ним прийти и остановиться, даже на пару дней». (Сообщество «#Щастьематеринства», ноябрь 2023 г.)

«Изначально это было то, что я забеременела и я поняла, что я не хочу быть для своего ребенка как бы позорным примером, который не смог добиться того, чего хотелось. А именно ну не знаю там, нормально доучиться, дойти до аспирантуры и сделать то, что мне действительно хотелось. Не то, что там требуется от кого то, другие кто от меня хотели, а что я сама хочу. Не смогу сделать то, что ставишь перед собой цель, которую именно важно. Мне кажется, что это был бы плохой для него пример.» (35 лет, 1 ребенок, беременна вторым)

На основании обобщения опыта исследования практик реализации программ поддержки матерей нами разработаны рекомендации по поддержке матерей, воспитывающих маленьких детей:

1. Разработка программ, учитывающих гетерогенный характер стратегий материнства: в ходе исследования были выявлены различные стратегии материнства. Мы обнаружили как матерей, которые ориентированы на полное погружение в практики интенсивного материнства, так и тех мам, для которых залогом нормального самочувствия, а иногда и выживания оказывается возможность реализовывать «нематеринские» практики. Это означает, что системы поддержки должны учитывать разные жизненные ситуации, региональные особенности, возможности женщин, их компетенции, ориентироваться на равную, но адресную поддержку российских женщин.
2. Введение практики дородового консультирования по имеющимся программам и мерам поддержки: дородовое консультирование в сфере подготовки к процедуре родов, а также подготовка в сфере ухода за детьми раннего возраста дает возможность молодой маме быстро сориентироваться в новом для нее деле. Аналогичная технология может помочь женщинам разобраться в репертуа-

- ре программ и своих возможностях, понимать перспективы для реализации своего материнского и социально-экономического потенциала. Мероприятия могут также реализовываться через структуру женских консультаций.
3. Проработка механизмов учета репертуара «нематеринских» практик матерей при актуализации портфеля программ поддержки женщин с детьми: важно учитывать направления и типы практик мам при разработке проектов поддержки.
 4. Работа с отцами: исследование показало, что важнейшим фактором материнского благополучия является достойное поведение отца. Забота о ребенке украшает мужчину в глазах матери, позволяет более равномерно распределить занятия в семейной и финансовой сферах, сохранять нормальное психологическое и социальное самочувствие матери.
 5. Изменение характера представлений, которые предлагаются к циркуляции в поле общественного мнения о последствиях материнства для других сфер жизни женщины: с актуальной повестки «ты должна рожать, поскольку это нужно государству» на представления «жизнь с рождением ребенка не заканчивается, ребенок – мощный ресурс вдохновения и развития для женщины во всех сферах, а государство – помощник в этом процессе». Необходима работа и с восприятием матери людьми без детей, поддержка терпимого и спокойного отношения к женщине с ребенком. Здесь возможны работы в области социальной рекламы, бесед с молодежью в рамках учебных курсов, классных часов, возможен вариант проведения городского урока.
 6. Программы психологической поддержки для матерей: необходимо оказание психологической поддержки матерям, учитывающей при реализации хронотопологиче-

ские особенности материнства, в том числе, связанные с необходимостью прерывности общения матери и ребенка. Это может быть реализовано через систему занятий, когда активности предусмотрены не только для матерей, но и для детей, пока мама работает со специалистами. Перспективным видится привлечение НКО к решению данных проблем.

7. Развитие школы наставничества в материнском сообществе для выстраивания индивидуального трека материнства: наличие людей, имеющих позитивный опыт в реализации «нематеринских» инициатив значительно повышает шансы на развитие интересных проектов и стартапов в материнской среде.
8. Создание и развитие системы поддерживающих сообществ, деятельности групп поддержки матерей: популярность стихийных материнских сообществ объясняется потребностями в получении экспертной информации и доверительного общения, в возможности открыто высказывать свои эмоции и находить поддержку в сложных жизненных ситуациях. Это мог бы быть мощный ресурс информирования и получения обратной связи от женщин.
9. Система доступа к информационному ресурсу с достоверной информацией и бесплатными обучающими материалами и кейсами: вероятно, доступ к ресурсу может быть организован через портал «Государственные услуги». Так матери могли бы проходить обучение самостоятельно без формальных процедур оформления в структурах центров занятости. Также наличие проверенных бесплатных ресурсов могли бы поспособствовать снижению рисков, связанных с мошенничеством и деятельностью инфоцыган при выборе мамами образовательных практик, стажировок, программ;

10. Дружественная инфраструктура на всех точках пользования программами: наличие детских комнат, комнат для лактации и сцеживания, доступный транспорт, дорожки и парковки для колясок, материнские автопарковки, социальное такси для матерей и др. инфраструктурные улучшения, которые могли бы сделать среду более доступной для посещения с детьми;
11. Практики ситуативного присмотра за ребенком при программах обучения и бизнес-акселераторах для контингента молодых матерей.

Рис. 17. Мама-супергерой (интернет-мем)

В качестве заключения отметим, что с точки зрения матерей меры поддержки – это не столько выплаты на «хлеб и воду», сколько создание дружественной к мамам и детям среды – возможность работать, получать качественное медицинское обслуживание, понятные механизмы развития своего дела или реализации социальной активности, возможность досуга с ребенком без недовольства со стороны окружающих, удобная детская логистика, чистые тротуары, пригодные для использования пандусы, места для парковок, чтоб не приходилось «залазить с детьми через багажник». Полученный в ходе исследования опыт позволяет сделать вывод о целесообразности смещения аналитического фокуса демографической политики со статистических показателей на более реалистичный и «приземленный» этнографический, позволяющий сокращать недостаток данных о повседневных практиках и истинной жизни молодых российских мам. Следует уделить внимание анализу совокупности мер по поддержке матерей, с опорой на опыт реагирования материнского контингента на отдельные программы помощи таким женщинам. Необходимо внимание к стратегиям действия женщин с учетом факторов определяющих подходы к использованию программ, а также групп мотивов, определяющих готовность женщин находиться в разных практиках проживания материнства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня материнство является едва ли не самой популярной из социальных тем в российском медийном пространстве. Внезапный общественный интерес связан с демографическим кризисом, падением суммарного коэффициента рождаемости и как следствие возникновением разнообразных «инициатив» по выходу из сложившейся ситуации. На наш взгляд первостепенной задачей становится интеграция научного знания в общественную дискуссию, что позволит разрабатывать более взвешенные, эффективные и адекватные условиям механизмы социальной поддержки женщин в связи с материнством.

В первой главе мы проанализировали актуальные теоретические рамки для изучения материнства как особого периода жизни женщины. В качестве базовой концепции мы предлагаем использовать понятие «нематеринские» практики матерей». Такой подход позволяет рассматривать материнство как процесс ресоциализации, принятия и усвоения новой роли, принципиально видоизменяющей привычный ритм и практики жизни. Методологическим основанием для его возникновения мы считаем концепцию гендерной трансформации общества, показывающую влияние политических, культурных, социальных, экономических факторов на институт материнства. Вместе с тем, современный дискурс апеллирует к идее уникальности материнского опыта, его принципиальной несводимости к универсальному сценарию. Мы используем три основные концепта для иллюстрации этого тезиса: интенсивное материнство, баланс между материнством и работой и интерсекциональность материнства. Первый демонстрирует ориентацию современных материнских практик вовне, необходимость соответствовать ожиданиям окружающих и проявлять экспертность в деле воспитания собственных детей. Второй определяет изучение стратегий ролевого баланса женщин как тренда на многозадачность и соци-

альную гибкость. Третий фиксирует влияние очевидных и латентных факторов на социальную позицию матери. В совокупности это позволяет нам определять «нематеринские» практики матерей как устойчивые виды активностей женщины, реализуемые в широком диапазоне сфер общественной жизни, которые обусловлены и определены комплексной ситуацией ухода за детьми младенческого и раннего возраста и соответствующими изменениями хронотопа матери, ее коммуникативных позиций и экономического положения, но не имеют непосредственного отношения к процедурам заботы о ее ребенке.

Во второй главе мы рассмотрели и структурировали множественные пересечения «нематеринских» практик через описание основных осей: формат реализации (офлайн, онлайн, смешанный), мотивация (самореализация, заработок, борьба с однообразием декретных будней, общение, снятие психологического напряжения), экономический статус (нейтральный, дотационный, инвестиционный, стихийный заработок, регулярный доход, коммерческий доход), профессиональная динамика (практики, соответствующие основной профессии; временные практики; транзитивные практики), эффект (конструктивный, деструктивный, без выраженного эффекта), сфера деятельности (образование, сопровождение матерей, творчество, волонтерство и социальный активизм, бьюти-сфера, крафтовое производство, растениеводство, спорт, недвижимое имущество, туризм, саморазвитие, компьютерные технологии). Основной сложностью при описании сценариев «нематеринских» практик является учет условий их возникновения. Интерсекциональность материнства, образовательные, возрастные, социальные особенности, экономическая ситуация и многие другие объективные и субъективные факторы создают контекст и определяют возможности для реализации личностного потенциала женщины в этот период.

Третья глава монографии посвящена экономическим практикам молодых матерей. Через обращение к метафоре

«штраф за материнство», мы описали профессиональные и финансовые риски, с которыми сопряжен «декретный» отпуск, проявляющиеся в ограничении доступа к высокооплачиваемым позициям в организации, сопряженном с отсутствием перспектив в карьере и дискриминационным отношением со стороны руководства (Уткина, Гаспарян 2019). Важно отметить, что он оказывает не только ситуативное, но и стратегическое влияние на жизнь женщины. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что основой неравенства женщин на профессиональном рынке является не только дисбаланс в оплате «маскулинного» и «фемининного» труда, но и потери, связанные с наличием ребенка/детей. Рост конкурентоспособности матерей зависит от наличия доступного ухода за детьми и предоставления оплачиваемого отпуска, оптимальная продолжительность которого с точки зрения сохранения карьерных перспектив составляет по мнению исследователей не более двух лет (Абдулаева, 2020). Интерсекциональная оптика, через переход от универсализма в отношении изучения женского опыта к контекстуализации и партикуляризации, позволяет увидеть множественность эффектов материнства на профессиональные стратегии матерей и возможности их реализации. Одной из таких стратегий выступает предпринимательство как возможность гибкого графика, высокого уровня доходов и реализации созидательного потенциала. Исследования женского предпринимательской активности имеют практический вес при разработке целенаправленной политики, включающей возможностей наставничества и обучения предпринимательству.

Четвертая глава носит наиболее сенситивный характер, поскольку касается социально избегаемой проблемы принятия женщиной своей материнской роли. Мы считаем, что стратегия замалчивания наносит существенный вред женщинам как на индивидуальном, так и институциональном уровне, в конечном счете перетекая в осязаемую физическую плоскость в виде

абортов, социального сиротства, детоубийства, болезней матерей и детей. Наиболее сложным нарушением этого периода считается послеродовая депрессия, хотя пристального внимания заслуживают и «нормализованные» состояния: хроническая усталость как следствие нехватки сна, ощущение одиночества, потерянности, «недостаточно хорошего материнства». Мы констатируем, что внимание к данной проблеме носит периодический характер и вызвано резонансными событиями, тогда как действенных мер на социальном и политическом уровне не выработано. В этих условиях важным механизмом адаптации женщин к новому ролевому набору становятся цифровые площадки. Мы используем термин «цифровая песочница» как способ описания альтернативной виртуальной среды для общения матерей (форумы, чаты, телеграм-каналы, сообщества в социальных сетях), выполняющая функции обмена опытом, эмоциональной поддержки и ресоциализирующего агента (артикуляция проблем и особенностей периода, «чувство локтя», признание нормотипичности опыта).

Пятая глава представляет собой попытку рефлексивного анализа государственной политики поддержки материнства через призму концепции госфеминизма. Мы показываем, что артикулируемые различными способами идеи (нормативные акты, высказывания первых лиц, общественные дискуссии) создают фундамент в виде совокупности ценностей, формируемых посредством гендерного порядка и выражающихся через идеологию государственного феминизма. Как правило, фундамент создается с учетом демографической ситуации в стране, а выбор методов работы зависит от того, насколько профессионально административные структуры оценивают эту ситуацию. В данной главе мы работаем с актуальным наполнением официальных дискурсов, посвященных материнству, говорим о связи государственной политики и проблемы семейного насилия и абортов. Раздел дает возможность составить представление об об-

щих принципах рассмотрения материнского вопроса и уязвимых местах политики государства в этой сфере.

Последняя, шестая глава содержит обзор действующих программ поддержки молодых матерей, а также предложения авторов, составленные на основе выдвинутой теории и полученных эмпирических данных. Раздел позволяет познакомиться с программами глазами современных российских матерей, потому дает возможность оценить их релевантность как инструментов улучшения демографической политики и создания условий достойной жизни российских женщин через стимулирование их социально-экономической активности. Представлены ключевые материнские мотивы участия в программах, перечень базовых проблем в порядках реализации последних, а также намечены основные векторы модернизации существующих форм и методов поддержки российских мам.

Таким образом, существующие механизмы поддержки женщин в период декретного отпуска нуждаются в качественном переосмыслении с учетом действительных потребностей и практик молодых матерей. На сегодняшний день меры государственной поддержки отстают от жизненных реалий, что делает женщин в декрете одной из наиболее уязвимых социальных групп. В завершении мы хотим процитировать одну из участниц нашего исследования, которая емко сформулировала ключевую проблему взаимодействия общества и матерей как социальной группы:

«На самом деле, женщина с младенцем на руках – это одно из самых уязвимых существ, потому что она отвечает не только за себя. На ней очень много ответственности, но она сама может очень мало сделать».

Материнство – безусловно, важный этап в жизни женщины, но проблемы, с которыми сталкиваются матери не должны восприниматься как естественные и саморешаемые. Переориентация механизмов социальной поддержки женщин в пери-

од материнства с дотационной модели на создание благоприятной среды, включающей эффективное законодательство, защищающее одиноких матерей, качественное медицинское обслуживание, организацию доступного пространства, развитие гибких форматов занятости и соответствующих систем присмотра за детьми раннего возраста значительно повысило бы качество жизни российских матерей и возможности для реализации их профессионального и социального потенциала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулаева З.З. (2020). "Штраф за материнство" или наличие детей как фактор снижения конкурентоспособности женщин на рынке труда // Региональные проблемы преобразования экономики. № 9 (119). С. 132-138.

Айвазова С.Г. (2011). Контракт работающей матери: нарушения или расторжение? (К вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) // Женщина в российском обществе. № 3. С. 13-22.

Айзберг О.Р. (2021). Диагностика и лечение послеродовой депрессии // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. Т. 12. № 1. С. 116-123. DOI: 10.34883/PI.2021.12.1.010

Акинкина Я.М. (2020). Понятие «интенсивного родительства» в зарубежной литературе // Современная зарубежная психология. Том 9. № 2. С. 117—122. DOI: 10.17759/jmfp.2020090210.

Акулова П.Е., Тонких Н.В. (2023). Социально-демографические эффекты цифровизации занятости // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 73. С. 174–185. DOI: 10.17223/1998863X/73/15.

Алешкина А.В. (2021). Особенности виктимного поведения российской женщины в период декретного отпуска // Психологические проблемы смысла жизни и акме. Электронный сборник материалов XXVI Международного симпозиума. С. 255-259.

Андронникова О. О. (2016). Материнская депривация как основа виктимных нарушений психологических сфер личности // Вопросы психического здоровья детей и подростков. № 2. С. 24–31.

Апанович Т.М., Серых А.Б. Интенсивное родительство и эмоциональное выгорание матерей // Научное мнение. 2023. № 3. С. 101-105.

Апресян С.В. (2015). Беременность и роды при экстрагенитальных заболеваниях. М.: ГЭОТАР-Медиа. 536 с.

Аргунова И.А. (2010). Послеродовая депрессия. На стыке общей врачебной практики, акушерства и психиатрии // Российский семейный врач. С.4-11.

Арженовский С.В., Артамонова Д.В. (2007). Оценка потерь в зарплате женщин с детьми // Прикладная эконометрика. № 3 (7). С. 66-79.

Багринцева О. Б., Досимова М. С. (2020). Фразеологическая объективация концептов «женщина» и «мать» // Гуманитарные исследования. № 1. С. 32–37. DOI: 10.21672/1818-4936-2020-73-1-032-037.

Безрукова О. Н., Самойлова В. А. (2020). «Она не мать совсем...»: образы бывших жен в дискурсе разведенных молодых отцов // Социологические исследования. № 12. С. 116–127. DOI: 10.31857/S013216250013020-5

Бирюкова С. С., Макаренцева А. О. (2017). Оценки "штрафа за материнство" в России // Население и экономика. Т. 1. № 1. С. 50-70.

Борисенко Т. В. (2020). Концепты «мать» и «отец» в русской и англоязычной лингвокультурах // Вестник Челябинского государственного университета. Том 437. № 3. С. 47–55. DOI: 10.24411/1994-2796-2020-10306.

Брутман В.И., Филиппова Г.Г., Хамитова И.Ю. (2002). Динамика психического состояния женщины во время беременности и после родов // Вопросы психологии. №1. с.59-69.

Бурлуцкая М.Г., Харченко В.С. (2013). Фрилансеры: специфика социального статуса, стратегии карьеры и профессионального развития. Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 16. № 1. С. 111-123.

Великая Н.М., Овчарова О.Г. (2020). Консервативный поворот российского общества: гендерный акцент / Гендерные ресурсы и формирование нового гендерного порядка в XXI веке. коллективная монография. Москва. С. 34-43.

Вилкова О.В. (2020). Гендер как дискриминирующий признак профессиональной успешности российских фрилансеров-разработчиков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 490—516. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1608>.

Воронкова А. И. (2019). Анализ путей рекрутирования в женскую бизнес-элиту // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 3. С. 142-162.

Гизатуллина А.В., Зимова Н.С. (2020). Фриланс как новый тип занятости женщин с детьми в условиях цифровизации общества // Труд и социальные отношения. Т. 31. № 6. С. 34-46.

Гнедаш А.А. (2022). Четвертая волна феминизма: политический дискурс и лидеры мнений в социальной сети твиттер. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. Т. 24. № 1. С. 64-89.

Голева М. А. (2023). Переход к родительству в перспективе супружеских отношений: на примере интервью с молодыми родителями // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. №2. С. 82—102. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2363>

Грицай Л. А. (2011). Социальное измерение современного российского родительства // Вестник Института социологии. № 2. С. 187-201.

Дорофеева З.Е. (2020). Трудовые траектории высокоресурсных многодетных матерей // Социологический журнал. Т. 26. № 4. С. 79-95. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.4.7644

Ермолина А.А., Рохмина Е.Б., Васильева Ю.М., Трач Т.М. (2016). Рождение ребенка как фактор доходной обеспеченности

женщин. Насколько велик в России "штраф за материнство"? // Демоскоп Weekly. № 701-702. С. 35-40.

Ефимова И. Н. (2013). Возможности исследования родительского «выгорания» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. № 4. С. 31-40.

Ефимова И. Н. (2014). Роль системного профиля мотивации в развитии родительского выгорания // Системная психология и социология. Т. 9. № 1. С. 39-48.

Женщины в СССР: статистические материалы (1991). М.: Финансы и статистика. 63 с.

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. (1998) Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. № 3-4. С. 171-182.

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. (2007). Советский этакратический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: социологический подход. Сер. "Труды факультета политических наук и социологии" Санкт-Петербург, 2007. С. 96-137.

Зорина А.Е. (2023). Личностные ресурсы как фактор успеха женского предпринимательства // Женщина в российском обществе. № 1. С. 79-91.

Ильина И. Т. (2020). Эмоциональное выгорание матерей как социально-психологический феномен в контексте современной культуры // Человек и образование. № 1. С. 138-144.

Исупова О.Г. Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 3 (119). С. 180-189.

Исупова О.Г. Материнская карьера: дети и трудовые стратегии // Социологические исследования. 2015. № 10 (378). С. 185-194.

Карабчук Т.С., Нагерняк М.А. (2013). Детерминанты занятости для матерей в России // Журнал исследований социальной политики. Т. 11. № 1. С. 25-48.

Кожевникова Е.В., Харченко В.С. (2020). Стиль жизни современных мамалансеров. Женщина в российском обществе. № 3. С. 92-102.

Козлова Н.Н., Овчарова О.Г. (2023). Российское законодательство о гендерном равенстве: консервативный поворот / Гендерное равенство XXI века: глобальные вызовы и локальные ответы. Москва. С. 28-40.

Козьмина Я.Я., Сивак Е.В. (2015). Влияют ли на родительскую самоэффективность разногласия с родственниками по поводу правил воспитания и ухода за ребенком? // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 18. № 4. С. 65-81.

Кон И.С. (2008). Мужская роль и гендерный порядок // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 2 (94). С. 37-43. 12)

Кон И.С. (2011). Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 14. № 1. С. 51- 65

Корнетов Н.А. (2015). Послеродовая депрессия – центральная проблема охраны психического здоровья раннего материнства // Бюллетень сибирской медицины. Т. 14. №. 6. С. 5-20.

Коропец О.А. (2018). Возможности нарративного интервью для исследования родительских установок женщин, работающих дистанционно. Достойный труд - основа стабильного общества. Материалы X Международной научно-практической конференции. Ответственные за выпуск Е.Е. Лагутина, М.И. Плутова. С. 83-87.

Костенко В.В. (2019). Интерсекциональность в количественных социальных науках: эссе // Мониторинг общественно-

го мнения: Экономические и социальные перемены. № 6. С. 382—393. DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.19.

Мисиюк Ю.В. Изучение родительского стресса и способов совладания с ним у женщин в контексте интенсивного материнства // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 6. С. 110—115. DOI:10.24158/spp.2022.6.15.

Мисиюк Ю.В., Хазова С.А. Исследование выраженности установок на интенсивное родительство у российских женщин // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27. № 3. С. 91—98. DOI:10.34216/2073-1426-2021-27-3-91-98.

Михайлова Е. В. (2017). Проблема двойной занятости женщин: взгляд трёх поколений жительниц г. Ярославля // Социальные и гуманитарные знания. Том 3, № 3. С. 273—283.

Ощепков А.Ю. (2020). Отцы и дети: «премия» за отцовство на российском рынке труда // Экономический журнал ВШЭ. № 24(2). С.157—190. DOI: 10.17323/1813-8691-2020-24-2-157-190.

Радаев В. В., Барсукова С. Ю. (2000). Легенда о гендере. Принципы разделения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. № 4. С. 65—102.

Разумова Т. О., Алёшина А. Б., Серпухова М. А. (2020). Баланс семья-работа в условиях изменений качества трудовой жизни // Уровень жизни населения регионов России. Том 16. № 3. С. 24-37. DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.3.2

Рождественская Е. Ю. (2011). Возможности концепции баланса жизни и труда на фоне изменений биографического тайминга // Журнал исследования социальной политики. № 4. С. 439—454.

Рождественская Е. Ю. (2020). Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 155—185. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1676.

Рябова Т.Б. (2017). Восстановление "традиционного гендерного порядка" в российских дискурсах популизма // Политика постправды в современном мире. Сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием. Под редакцией О.В. Поповой. С. 203-205.

Савинская О.Б. Баланс работы и семьи: стратегии совмещения профессиональных и семейных обязанностей работающими матерями в Москве // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 2. С. 142-167.

Сивак Е.В. (2017). Установки интенсивного материнства и уберизация заботы о детях / Психология семьи в современном мире. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. С. 302-306.

Силласте Г.Г. (2019). Социальные транзиции и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. № 2. С. 3-16.

Силласте Г.Г. (2020). Социальная субъектность семьи в процессе формирования нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. № 4. С. 14-26.

Симонова И. А., Швецова А. В., Кривошекова М. С. (2023). «Как за каменной стеной»: вовлеченное отцовство в контексте возможностей материнской самореализации // Социальные и гуманитарные знания. Том 9, № 1. С. 102-113.

Таракановская К. С. (2021). Материнство и университет: стратегии баланса жизни и работы //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 382—405. DOI: 10.14515/monitoring.2021.3.1935.

Тартаковская И.Н. (2019). Баланс жизни и труда precarious работников: гендерные аспекты // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 3. С. 163-178.

Темкина А.А., Здравомыслова Е.А. (2017). Интерсекционный поворот в гендерных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. Том 20. № 5. С. 15–38.

Темкина А.А. (2010). Добрачная девственность: культурный код гендерного порядка в современной Армении (на примере Еревана) // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2010. № 1. С. 129- 159

Тонких Н.В., Антонов Д.А., Агафонов В.Г., Камарова Т.А., Коропец О.А., Мельникова А.С., Пеша А.В., Чудиновских М.В. (2019). Дистанционная женская занятость в контексте института родительства / монография. Екатеринбург. 310 с.

Тонких Н.В., Баранова Н.В. (2019). Интернет-занятость как инструмент баланса личного и рабочего времени женщин-матерей: миф или реальность // Human Progress. Т. 5. Вып. 7

Уткина В.В., Гаспарян С.А. (2019). Ограничения при приеме на государственную гражданскую службу в РФ для молодых женщин (на основе эксперимента) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6 (154). С. 259-279.

Федорова Н.В., Минченкова О.Ю., Макеева В.Г. (2020). Особенности работы менеджеров в условиях перевода сотрудников на удаленную форму работы // Наука и искусство управления. Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. № 1/2. С. 32–43.

Филиппова Г. Г. (2017). Эмоциональное выгорание матери: новая проблема в перинатальной психотерапии / Возможности психотерапии, психологии и консультирования в сохранении и развитии здоровья и благополучия человека, семьи и общества: Материалы итогового международного конгресса, 12-15 октября 2017 г. С. 154-159.

Филиппова Г. Г. (2002). Психология материнства: Учебное пособие. М.: Изд-во Института Психотерапии. 240 с.

Харченко В.С. (2014). Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ. Социологические исследования. № 4 (360). С. 54-63.

Хасбулатова О. А. (2005) Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. ун-т. 372 с.

Хасбулатова О.А. (2016). Гендерные аспекты развития STEM-образования в России // Женщина в российском обществе. № 3 (80). С. 3-15.

Чаплашкин Н.В. (2013). Фриланс как новое социальное явление и его последствия. Автореферат дис. канд социол. наук. 26 с.

Чернова Ж.В. (2012). Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей // Журнал исследований социальной политики. Т. 10. № 3. С. 295-308.

Чернова Ж.В. Шпаковская Л.Л. (2016). Профессионализация родительства: между экспертным и обыденным знанием // Журнал исследований социальной политики. № 14 (4). С. 521-534.

Чернова Ж.В. (2017). Рабочее место, дружественное семье: политические инициативы, позиция работодателя и типы поддержки работников с семейными обязанностями // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 20. № 1. С. 93-113.

Чернова Ж. В. (2018). Репрезентации отцовства: социологический анализ блогов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. Том 10. № 15. С. 6–23. DOI: 10.19181/inter.2018.15.1

Швецова А.В., Симонова И.А., Оболенская А.Г., Кривощёкова М.С. (2022). Онлайн-практики экономического поведения российских женщин в период декретного отпуска // Экономическая социология. Т. 23. № 4. С. 12-36. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-4-12-36.

Швецова А.В. (2022). Гендерный порядок в постпандемном мире // Искусственный интеллект и общественное развитие: новые возможности и преграды: XVI Международная

научная конференция «Сорокинские чтения – 2022»; 21 февраля 2022 г.: Сборник материалов. Москва: МАКС Пресс. С. 105-107.

Швецова А.В. (2022 б). Противоречия дискурсивного поля российского гомосексуализма // Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности: материалы всероссийской конференции РАПН с международным участием. Москва, ИНИОН РАН, МГИМО МИД России. М.: Аспект Пресс. С. 507-508

Швецова А.В., Зиброва Е.А. (2023). Дискурс российского гомосексуализма: анализ официальных документов, определяющих гендерную повестку // Журнал исследований социальной политики. Т. 21. № 2. С. 275-292. DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-2-275-292.

Эльконин Д. Б. (1971). К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. № 4. С. 6-20.

Allgood S. M., Beckert T. E., Peterson C. (2012). The Role of Father Involvement in the Perceived Psychological Well-Being of Young Adult Daughters: A Retrospective Study. *North American Journal of Psychology*. Vol. 14. № 1. P. 95–110.

Arnold L. B., Martin B. (2016) Taking the Village Online: Mothers, Motherhood, and social media. Demeter Press.

Aytuglu A., Brown G. L. (2022). Pleasure in parenting as a mediator between fathers' attachment representations and paternal sensitivity. *Journal of Family Psychology*. Vol. 36. № 3. P. 427–437. DOI: 10.1037/fam0000905

Bailey L. (2023). The virtual mother: Mumsnet and the emergence of new forms of 'good mothering' online. *Discourse & Communication*, 17(1), 40–56.

Baker C. E. (2017). Father-son relationships in ethnically diverse families: Links to boys' cognitive and social emotional development in preschool // *Journal of Child and Family Studies*. Vol. 26. № 8. P. 2335–2345. DOI: 10.1007/s10826-017-0743-3.

Baz S. A. (2023). An intersectional reflexive account on positionality: researching Pakistani and Bangladeshi Muslim lone motherhood. *Qualitative Research*. DOI: 10.1177/14687941231165893.

Bradshaw D. (2002). Juggling motherhood and training is tough. *Nursing Standard*. No. 17(6). pp. 30.

Brieger S., Sonbol D., De Clercq D. (2023). Gender differences in entrepreneurs' work–family conflict and well-being during COVID-19: Moderating effects of gender-egalitarian contexts. *Journal of Small Business Management*. DOI:10.1080/00472778.2023.2235755.

Budig M. J., England P. (2001). The Wage Penalty for Motherhood. *American Sociological Review*. Vol. 66. No. 2. pp. 204–225. DOI:10.2307/2657415.

Budig M., Misra J., Boeckmann I. (2012). The Motherhood Penalty in Cross-National Perspective: The Importance of Work-Family Policies and Cultural Attitudes. *Social Politics*. Vol. 19. No. 2. pp. 163-193. DOI:10.1093/sp/jxs006

Caperton W., Butler M., Kaiser D., Connelly J., Knox S. (2020). Stay-at-home fathers, depression, and help-seeking: A consensual qualitative research study. *Psychology of Men & Masculinities*. Vol. 21. № 2. P. 235–250. DOI: 10.1037/men0000223.

Chae, J. (2014) “Am I a Better Mother Than You?": Media and 21st-Century Motherhood in the Context of the Social Comparison Theory. *Communication Research*. Vol. 42. Issue 4. Pp. 503-525. DOI 10.1177/0093650214534969.

Cole E. R. (2009). Intersectionality and research in psychology. *American Psychologist*. Vol. 64. No. 3. pp. 170–180. DOI: 10.1037/a0014564.

Conica M., Nixon E., Quigley J. (2020). Fathers' but not mothers' repetition of children's utterances at age two is associated with child vocabulary at age four // *Journal of Experimental Child Psychology*. Vol. 191. P. 104738. DOI: 10.1016/j.jecp.2019.104738.

Collins C. (2020) Who to Blame and How to Solve It: Mothers' Perceptions of Work–Family Conflict Across Western Policy Regime. *Journal of marriage and family*. Vol. 82, Issue 3 pp. 849-874 <https://doi.org/10.1111/jomf.12643>

Collins P. (2014). Intersectionality's Definitional Dilemmas. *Annual Review of Sociology*. 41. DOI:10.1146/annurev-soc-073014-112142.

Cooley L. Entrepreneurship training and the strengthening of entrepreneurial performance. Washington: USAID. 1990.

Davis D., Stein M.T. (2016). *Intensive Parenting: Surviving the Emotional Journey through the NICU*. Ottawa: Fulcrum Publishing. pp. 240—247

Day A. (2013). Balancing the Business of Family: Family Business Daughters' Tensions Between Motherhood and Work. *Atlantic Journal of Communication*. No. 21. pp. 125–148.

DeGroot J. M., Vik T. A. (2021) “Fake Smile. Everything is under Control.”: The Flawless Performance of Motherhood. *Western Journal of Communication*, 85(1), 42-60.

Donithen R., Schoppe-Sullivan S. (2022). Correlates and predictors of parenting self-efficacy in new fathers. *Journal of Family Psychology*. Vol. 36. № 3. pp. 396–405. DOI: 10.1037/fam0000910.

Dorsch V., Rohde A. (2015). *Frauenspezifische psychische Störungen in der Psychiatrie*. Möller et al. Psychiatrie, Psychosomatik, Psychotherapie. Springer-Verlag.

Dunbar R., Greeson K., Affolter E. A. (2023) The healing triecta: a collaborative autoethnography on intersectionality, motherhood, and pedagogy during a global pandemic. *International Journal of Qualitative Studies in Education*. DOI: 10.1080/09518398.2023.2181429.

Edenroth-Cato F. (2020). Motherhood and highly sensitive children in an online discussion forum. *Health*. Vol. 24. № 4.

Edin K.J., Kefalas M.J. (2005). Promises I Can Keep: Why Poor Women Put Motherhood Before Marriage. *Journal of Human*

Behavior in the Social Environment. Vol. 18. № 3. pp. 392-396.
DOI: 10.1080/10911350802427480

Fairlie R. (2020). The impact of COVID-19 on small business owners: Evidence from the first 3 months after widespread social-distancing restrictions. *Journal of Economics & Management Strategy*. Vol. 29. No.4 pp. 727-740. DOI: 10.1111/jems.12400.

Few-Demo A., Hunter A., Muruthi B. (2022). Intersectionality Theory: A Critical Theory to Push Family Science Forward. *Sourcebook of Family Theories and Methodologies*. pp.433-452. DOI:10.1007/978-3-030-92002-9_31.

Forbes, L. K., Donovan, C., Lamar, M. R. (2020) Differences in Intensive Parenting Attitudes and Gender Norms Among U.S. Mothers. *The Family Journal*. Vol. 28. Issue 1. Pp. 63-71. DOI: 10.1177/1066480719893964.

Friedrich C. (2023). Women's agency and childbirth: The effect of transition to motherhood and subsequent births on women's agency in Egypt. *Journal of Family Research*. No. 35. pp. 400-420. DOI:10.20377/jfr-907.

Gao K., Tian Z. (2022). The Effect of Motherhood on Wages: are women's wage penalties due to lack of career aspirations? *Applied Economics*. Vol. 55. pp. 1-17. DOI: 10.1080/00036846.2022.2156469.

Garfield C. F., Fisher S. D., Barretto D., Rutsohn J., Isacco A. (2019). Development and validation of a father involvement in health measure. *Psychology of Men & Masculinities*. Vol. 20. № 1. pp. 148–160. DOI: 10.1037/men0000144

Gasiukova E.N. (2022). Between career and motherhood: factors affecting women's career trajectories after childbirth in Russia. *Changing Societies & Personalities*. Vol. 6. № 4. C. 804-822.

Goldin C., Kerr S. P., Olivetti C. (2022). When the Kids Grow Up: Women's Employment and Earnings Across the Family Cycle. *NBER Working Paper*. No. w30323. DOI: 10.2139/ssrn.4184309

Goldin C., Mitchell J. (2017). The New Life Cycle of Women's Employment: Disappearing Humps, Sagging Middles, Expanding Tops. *Journal of Economic Perspectives*. No. 31 (1). pp. 161-82. DOI: 10.1257/jep.31.1.161

Goldin C. (2014). A Grand Gender Convergence: Its Last Chapter. *The American Economic Review*. Vol. 104. No. 4. pp. 1091-1119. DOI: 10.1257/aer.104.4.1091.

Goldin C. (1990). *Understanding the gender gap: an economic history of American women*. New York: Oxford University Press. 287 pp.

Graeber D., Kritikos A., Seebauer J. (2021). COVID-19: a crisis of the female self-employed. *Journal of Population Economics*. No. 34. pp. 1141–1187. DOI: 10.1007/s00148-021-00849-y.

Greenhaus J. H., Beutell N. J. (1985). Sources of conflict between work and family roles. *The Academy of Management Review*. Vol. 10. No. 1. pp. 76–88. DOI: 10.2307/258214

Hanser A. Li J. (2017). The hard work of feeding the baby: breastfeeding and intensive mothering in contemporary urban China. *The Journal of Chinese Sociology*. No. 4. DOI: 10.1186/s40711-017-0065-2.

Harding K. D., Whittingham L., McGannon K.R. (2021). ‘#sendwine: An Analysis of Motherhood, Alcohol Use and #winemom Culture on Instagram’. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 15.

Hays S. *The Cultural Contradictions of Motherhood*. New Haven: Yale University Press, 1998. 288 p.

Henry H. M. (2011). Egyptian women and empowerment: A cultural perspective. *Women's Studies International Forum*. Vol. 34. No. 3. pp. 251–259. DOI:10.1016/j.wsif.2011.03.001.

Hook J. L., Paek E. (2020). National Family Policies and Mothers' Employment: How Earnings Inequality Shapes Policy Effects across and within Countries. *American Sociological Review*. 85(3), pp. 381-416. <https://doi.org/10.1177/0003122420922505>

Hudson Breen R., Leung, A. (2020). Choosing mothering and entrepreneurship: a relational career-life process. *International Journal of Gender and Entrepreneurship*. Vol. 12 No. 3. pp. 253-271. <https://doi.org/10.1108/IJGE-08-2019-0130>

Inoue C., Ishihata Y., Yamaguchi S. (2023). Working from home leads to more family-oriented men. *Review of Economics of the Household*. 1-47. DOI:10.1007/s11150-023-09682-6.

Ji Y., Wang H., Liu Y., Xu R., Zheng Z. (2020). Young Women's Fertility Intentions and the Emerging Bilateral Family System under China's Two-Child Family Planning Policy. *China Review*. Vol. 20. No. 2. pp. 113-141.

Kabeer N. (1999). Resources, agency, achievements: Reflections on the measurement of women's empowerment. *Development and Change*. Vol. 30. No. 3. pp. 435-464. DOI:10.1111/1467-7660.00125

Lam G., Collins S., Wong G. (2022). Alone in Paradise: Exploring the Intersections of Gender, Ethnicity, Single Motherhood, Social Class, and Immigration. *Canadian Journal of Counselling and Psychotherapy*. Vol. 56. No.1. pp. 70-107. DOI:10.47634/cjcp.v56i1.69055.

Lamar M. R., Forbes L. K., Capasso L. (2019). Helping working mothers face the challenges of an intensive mothering culture. *Journal of Mental Health Counseling*. Vol. 41. No. 3. pp. 203-220. DOI: 10.17744/mehc.41.3.02

Li King, Li Lunzheng, Si Wei, Xu Zhibo. (2022). Childbearing Age and the Shadow Mommy Effect on Hiring: A Large-Scale Field Experiment. *SSRN Electronic Journal*. 10.2139/ssrn.4199754.

Markowska M. (2018). Motherhood as a springboard for women's entrepreneurial action. *A Research Agenda for Women and Entrepreneurship: Identity through Aspirations, Behaviors and Confidence*. Edward Elgar. Cheltenham. pp. 187-206.

McKibbin W. J., Fernando R. (2020). The Global Macroeconomic Impacts of COVID-19: Seven Scenarios. CAMA Working Paper No. 19/2020. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3547729>

Medina S., Magnuson S. (2009). Motherhood in the 21st century: Implications for counselors. *Journal of Counseling and Development*. No. 87. pp. 90–96. DOI: 10.1002/j.1556-6678.2009.tb00553.x

Miller T. (2007). «Is this what motherhood is all about?»: Weaving experiences and discourse through transition to first-time motherhood. *Gender and Society*. Vol. 21. № 3. P. 337–358. DOI:10.1177/0891243207300561

Myers K. (2017) “If I’m Going to Do It, I’m Going to Do It Right”: Intensive Mothering Ideologies among Childless Women Who Elect Egg Freezing. *Gender & Society*. 2017. Vol. 31. Issue 6. Pp. 777-803. DOI 10.1177/0891243217732329.

Neale-McFall C., Eckart E., Hermann M., Haskins N., Ziomek-Daigle J. (2018) Counselor Educator Mothers: A Quantitative Analysis of Job Satisfaction. *Counselor Education and Supervision*. Vol.57. No. 2. P. 205-220.

Novoa C., Cova F., Nazar G., Oliva Karen., Vergara-Barra P. (2022). Intensive Parenting: the Risks of Overdemanding. *Trends in Psychology*. 1-14. DOI: 10.1007/s43076-022-00229-9.

Pfau-Effinger B. (1998). Gender Cultures and the Gender Arrangements: A Theoretical Framework for Cross-National Gender Research. *Innovation*. Vol. 11. No. 2. pp. 46-67.

Powell K. (2022). The superhero skills needed to juggle science and motherhood. *Nature*. 602 (7898).

Rizzo K. M., Schiffrin H. H., Liss M. (2013). Insight into the parenthood paradox: Mental health outcomes of intensive mothering. *Journal of Child Family Studies*. No. 22. pp. 614–620. DOI:10.1007/s10826-012-9615-z.

Roos A. (2018). Embeddedness in context: understanding gender in a female entrepreneurship network. *Entrepreneurship &*

Regional Development. Vol. 31. pp. 1-14.
DOI:10.1080/08985626.2018.1551793.

Sassler S., Meyerhofer P. (2023). Factors shaping the gender wage gap among college-educated computer science workers. PLOS ONE. Vol. 18. e0293300. DOI:10.1371/journal.pone.0293300.

Shen C. (2022). Widening inequality: The evolution of the motherhood penalty in China (1989–2015). Chinese Journal of Sociology. Vol. 8. No. 4. pp. 499-533. DOI:10.1177/2057150X221129343.

Sherman E. (2019). Discretionary Remote Working Helps Mothers Without Harming Non-mothers: Evidence from a Field Experiment. Management Science. Vol. 66. No. 3. DOI:10.1287/mnsc.2018.3237.

Smyth, L. (2020). Social roles and alienation: Breastfeeding promotion and early motherhood. Current Sociology. 68(6). 814-831. <https://doi.org/10.1177/0011392118807512>

Takami T. (2022). Working from Home and Work-Life Balance: Changes and Challenges under in the COVID-19 Pandemic. Kazoku syakaigaku kenkyu. Vol. 34. No. 1. pp. 50-57. DOI:10.4234/jjoffamilysociology.34.50.

Van Gasse D., Mortelmans D. (2020). Single Mothers' Perspectives on the Combination of Motherhood and Work. Social Sciences. No. 9(5). pp. 85.

Wang G. (2014). Understanding the indigenous Chinese concept of suzhi (素质) from an HRM perspective: A conceptual analysis. Journal of Chinese Human Resource Management. No. 5. pp. 98-114. DOI: 10.1108/JCHRM-08-2014-0027.

Wang H. (2021). Chinese Women's Reproductive Justice and Social Media. Technical Communication Quarterly. Vol. 30. No. 3. pp. 285 – 297.

Williams Veazey L. (2015). Motherhood and intersectionality. TASA Families and Relationships Symposium 2015At: Melbourne, Australia

Xu L., Fu P., Xi Y. (2014). Suzhi: An indigenous criterion for human resource management in China. *Journal of Chinese Human Resources Management*. No. 5. pp. 129-143. DOI:10.1108/JCHRM-07-2014-0016

Yang T., Kacperczyk A., Naldi L. (2023). The Motherhood Wage Penalty and Female Entrepreneurship. *Organization Science*. 10.1287/orsc.2023.1657.

Yu J., Xie Yu. (2014). The Effect of Fertility on Women's Wages in China. *Population Research*. Vol. 38.No. 1. pp. 18-29.

Научное издание

Швецова А. В., Симонова И. А., Кривошекова М. С.

**«НЕМАТЕРИНСКИЕ» ПРАКТИКИ
МОЛОДЫХ МАТЕРЕЙ:
ОТ КОНЦЕПТА К ПРОГРАММАМ ПОДДЕРЖКИ**

Коллективная монография

Подготовлено к использованию: 28.11.2023.

Усл. печ. л. 12,4.

Уральский государственный педагогический университет.

620091 Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: uspu@uspu.ru